

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Мухаметгалиев Денис Маратович

Правовые возможности влияния третьих лиц на договорные обязательства

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Доктор юридических наук, доцент

Филиппова С.Ю.

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ	15
§ 1. О ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ	15
§.2. ПОНЯТИЕ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	30
§ 3. СТРУКТУРА ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА С УЧАСТИЕМ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА	44
ГЛАВА 2: ФОРМЫ ВЛИЯНИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА НА ДОГОВОРНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА	52
§ 1. ПОЗИТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В РАМКАХ ДОГОВОРА.....	52
§ 2. ПОЗИТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА ВНЕ ДОГОВОРА	90
§ 3. НЕГАТИВНОЕ (ПРОТИВОПРАВНОЕ) ВЛИЯНИЕ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА.....	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	176

Введение

Актуальность темы исследования

Усложнение экономического оборота неизбежно ведет к увеличению количества субъектов, обслуживающих одну и ту же хозяйственную операцию. В таких условиях договорное регулирование только лишь перехода основного экономического блага от одного контрагента к другому может быть недостаточным. Важное значение имеет не только закрепление прав и обязанностей кредитора и должника, но и прав сторон производных или связанных договорных обязательств. При этом стороны различных договорных обязательств де-юре независимы и не могут оказывать влияние на исполнение чужого обязательства. Хотя де-факто такая потребность существует.

Неучастие третьих лиц в договоре не означает, что они не заинтересованы в исполнении чужого договорного обязательства. Напротив, поскольку третьи лица могут иметь юридическую связь с кредитором или должником, то судьба их «связанного» обязательства может зависеть от правовых последствий в рамках другого договора. Вместе с тем они не имеют юридической возможности оказывать влияние на реализацию кредитором или должником своих субъективных прав и обязанностей в силу гражданско-правового принципа относительности обязательства.

Законом признается, что потребность субъекта в защите нарушенного права проявляется не только в отношениях «связанности» с должником или кредитором, но и к отношениям с иными лицами, например, в случае необходимости защиты нарушенного права конечным покупателем в результате получения некачественных товаров и услуг в цепочке сделок. Так, при приобретении лицом некачественного товара он как конечный покупатель может быть заинтересован обратиться с требованием о возмещении убытков к производителю товара, а не к своему продавцу, если последний прекратил свою деятельность или стал банкротом, и законодатель такое право признает. В спорах в сфере лизинга развивается судебная практика,

которая фактически признает взаимосвязанность отношений между поставщиком и лизингодателем, с одной стороны, и лизингополучателем, и лизингодателем, с другой стороны. Более гибкие подходы к принципу относительности договорного обязательства фактически развиваются судебной практикой и в связи с банкротствами предприятий. В случае невозможности реализации права на судебную защиту, третьи лица, которые в связи с банкротством и ликвидацией надлежащего ответчика лишились возможности защитить свои права, вправе обратиться к должнику, минуя надлежащих ответчиков.

Указанные случаи представляют точечные исключения из принципа относительности договорного обязательства. При этом невозможно утверждать о существовании в российском праве разработанной и последовательной теории, объясняющей возможности третьего лица участвовать в исполнении чужих договорных обязательств. Выстроенная правовая логика станет подспорьем для формирования в российском праве свойства предсказуемости в ситуациях с участием третьих лиц.

В других случаях третьи лица могут не иметь юридической связи с одной из сторон обязательства, однако существование чужого обязательства может служить препятствием реализации определенных интересов такого субъекта. Таким образом возникает потребность разрушить чужое договорное обязательство, создать препятствия в реализации субъективных прав кредитору с тем, чтобы создать для себя некие преимущества или выгоды. Рассмотрение обязательства как относительного правоотношения ставит теоретические проблемы в обеспечении надлежащей охраны и защиты сторон обязательства от такого вмешательства.

Очевидно, что субъективная заинтересованность третьего лица в существовании, исполнении или, напротив, неисполнении, чужого обязательства, не должны ставиться в приоритет или восприниматься как нечто более значимое чем интересы самих сторон обязательства – кредитора и должника. Нельзя исключать, что цели и мотивы третьих лиц в отношении чужого обязательства могут приобретать

недобросовестный характер по отношению к кредитору и должнику. В таком случае наделение правами третьих лиц является недопустимым. Встает вопрос о том, какие способы защиты от неправомерного вмешательства третьего лица может предложить правовая система, при условии, что традиционное понимание договорного обязательства не предполагает способов его защиты от третьих лиц. Можно ли в этом случае применять правила деликтного права, и если можно, то о защите какого именно абсолютного права должна идти речь? Эта проблема также требует научного осмысления.

Отсутствие разграничения между защитой прав третьих лиц и защитой прав кредитора от действий третьих лиц приводит к практической проблеме отсутствия единого подхода в правоприменительной и законотворческой сфере относительно правовых возможностей третьих лиц оказывать какое-либо воздействие на динамику чужого договорного обязательства. Идея защиты интересов третьего лица в чужом договорном обязательстве, равно как и признание неправомерным недобросовестного вмешательства, представляются в отдельных российских судебных актах как неочевидные попытки обоснования правоты потерпевшей стороны нежели сложившийся системный подход к пониманию проблемы.

Одной из причин практической и теоретической проблемы обоснования пределов влияния третьих лиц в рамках чужого договорного обязательства является неопределенность самого понятия третьего лица. Из-за того, что гражданское законодательство не раскрывает понятие третьего лица, законодатель и правоприменитель дают ему фактически различное толкование, что приводит к смешению понятий «третьи лица», «другие лица», «иные лица». В научной доктрине также отсутствует единый подход к понятию и статусу третьих лиц в обязательстве. В одних научных работах мнение сводится к некой юридической связи с участниками основного обязательства, согласно другим – предпочтение отдается в пользу наличия/отсутствия интереса в договорном обязательстве.

При отсутствии понимания того, кем являются третьи лица сложно установить единообразные критерии предоставления правовой охраны интересов третьего лица применительно к чужому договорному обязательству или, напротив, критерии неправомерности его вмешательства в договор. В связи с неопределенностью понятия и статуса третьих лиц отсутствует системное понимание форм их правового влияния на чужое договорное обязательство.

Разработка универсального подхода к понятию третьего лица и систематизации форм его правового влияния на договорное обязательство в российской доктрине может послужить основой для закрепления производных правовых идей о взаимосвязанных (групповых) договорах, для развития института гражданско-правовой ответственности, для формирования новых подходов в деликтном праве в части взыскания чисто экономических убытков с недобросовестных третьих лиц.

Следовательно, актуальность темы исследования заключается, с одной стороны, в необходимости теоретического обоснования участия третьего лица в чужих договорных обязательствах, природы требования к должнику, роли и способов воздействия на динамику чужого договорного обязательства. С другой стороны, существует практическая потребность в определении четких критериев правомерности вмешательства третьего лица в чужие договорные отношения, на основе иностранного опыта и смежных институтов следует определить перспективы развития идеи защиты третьих лиц в российском праве.

Степень разработанности темы исследования

В российской правовой доктрине имеются работы, посвященные понятию третьего лица и его роли в гражданско-правовом обязательстве. Одной из первых отечественных работ, посвященных исследованию правового положения третьих лиц в обязательстве, была работа А.М. Нолькена «Договоры в пользу третьих лиц»¹. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву», опубликованная в 1885 году.

¹ См.: Нолькен А.М. Договоры в пользу третьих лиц. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву. СПб., 1885.

В этой работе проанализированы зарубежные законодательства и доктрина, выявлены основные признаки договора в пользу третьего лица. Проблема участия третьего лица представляла научный интерес у дореволюционного юридического сообщества, что подтверждается работами Ю. Дубовицкого в статье «Договоры в пользу третьего лица»², изданной в 1885 г., А.Н. Бутовского в одноименной работе в 1910 г. Также Е.Н. Данилова исследовала проблему пределов ответственности должника за действия третьих лиц в статье «Ответственность должника за действия третьих лиц, участвующих в исполнении договора»³, изданной в 1913 г.

В советской юридической доктрине к проблемам участия третьего лица в обязательстве обращались так или иначе многие ученые, разрабатывающие теорию обязательственного права – И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц⁴, О.С. Иоффе⁵, М.К. Сулейменов⁶, В.И. Серебровский⁷ и другие ученые, однако наиболее значительный вклад в развитие теории влияния третьих лиц на обязательства внесло диссертационное исследование М.И. Брагинского «Влияние действий других (третьих) лиц на социалистические гражданские правоотношения»⁸, в котором с учетом социокультурного контекста рассматриваются основные формы участия третьих лиц в правоотношении. Понятие третьего лица и гражданско-правовые формы с их участием также исследовались в работах других советских ученых: Н.С. Ковалевской «Договор в пользу третьих лиц» в 1988 г., Л.И. Семеновой «Возложение исполнения обязательства на третье лицо в отношениях между социалистическими организациями» в 1967 г.

² См.: Дубовицкий Ю. Договоры в пользу третьих лиц // Юридический вестник. 1885. № 6-7.

³ См.: Данилова Е.Н. Ответственность за действия третьих лиц, участвующих в исполнении договора. М., 1913.

⁴ См.: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950.

⁵ См.: Иоффе О.С. Обязательственное право / Избранные труды: В 4 т. СПб., 2004. Т.3.

⁶ См.: Сулейменов М.К. Третьи лица в гражданском праве // Советское государство и право. 1978.

⁷ См.: Серебровский В.И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица. М., 1948.

⁸ См.: Брагинский М.И. Влияние действий других/третьих лиц на социалистические гражданские правоотношения: дис...д-ра юрид. наук. Л., 1962.

После изменения экономического и политического режима, принятия нового гражданского законодательства, потребовалось переосмысление многих ключевых понятий, в том числе и понятия третьего лица. Среди постсоветских ученых наиболее существенный вклад в разработку темы внесли М.К. Кроз диссертацией «Третье лицо в обязательстве» в 2001 г., И.В. Кисель диссертационным исследованием «Обязательства с участием третьих лиц» в 2002 г., Е.А. Перепелкина с диссертацией «Проблемы обеспечения исполнения обязательства путем привлечения третьих лиц» в 2007 г., М.А. Мильков, с диссертационным исследованием «Обязательства с участием третьего лица в российском гражданском праве», защищенным в 2010 г., А.Ю. Чурилов с диссертацией «Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства» 2017 г.. Также определенный вклад в разработку понятия третьего лица, но относительно смежных правовых проблем, внесла диссертация Е.В. Дятлова «Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве» в 2014 г.

В указанных исследованиях основное внимание уделяется известным договорным конструкциям с участием третьих лиц. В работах отсутствует системное исследование и теоретическое обоснование внедоговорных возможностей третьих лиц оказывать влияние на динамику чужого договорного обязательства.

Теоретическую основу исследования составили труды представителей отечественной цивилистической науки: М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, В.А. Белова, О.А. Беляевой, М.И. Брагинского, А.Н. Бутовского, В.В. Витрянского, В.П. Грибанова, Д.В. Дождева, Е.Н. Даниловой, Ю. Дубовицкого, Э.А. Евстигнеева, А.В. Егорова, М.Н. Илюшиной, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетова, В.В. Кулакова, Ю.Г. Лесковой, Д.И. Мейера, Н.О. Нерсесова, И.Б. Новицкого, А.М. Нолькена, Л.А. Лунца, Е.В. Пассека, А.Г. Певзнера, К.Б. Победоносцева, И.А. Покровского, Б.И. Пугинского, В.К. Райхера, В.А. Рясенцева, С.В. Сарбаша, В.И. Серебровского, С.А. Сеницына, М.К. Сулейменова, Е.А. Суханова, С.Ю. Филипповой, Е.А. Флейшиц, Ю.Б. Фогельсона.

Помимо этого, проблемные вопросы по теме влияния третьих лиц на договорные обязательства в части противоправности вмешательства третьих лиц в чужой договор (*tortious interference with the contract*) исследуются в работах зарубежных авторов таких как: M. Jones, A. Dugdale, M. Simpson⁹, C. Kamps¹⁰, D. Dobbs¹¹, F. McChesney¹² и др., эти работы были изучены в процессе подготовки настоящего диссертационного исследования. Несмотря на то, что исследование зарубежного законодательного и правоприменительного опыта не может быть безоговорочно экстраполировано на российскую практику, представляется, что некоторые правовые позиции могут быть использованы для заполнения правовых пробелов.

В работе автор определяет значение как субъективного, так и охраняемого интереса третьего лица, которое отчасти основано на выводах, изложенных Е.В. Пассеком в работе «Неимущественный интерес в обязательстве»¹³, посвященных проблеме защиты интереса особого пристрастия. Необходимо согласиться с вышеуказанной позицией относительно необходимости различения интереса и ценности как соотношение субъективного значения и объективного свойства блага. Этот вывод составляет основу в понимании субъективного интереса третьего лица как свойственные субъекту мотивы, цели, польза, которыми изначально обладает субъект, не являющийся стороной договорного обязательства.

⁹ См.: Jones M., Dugdale A., Simpson M. Clerk & Lindsell on Torts. Ed. 21. 2014.

¹⁰ См.: Kamps C. Interference with Contractual Relation: A Survey of the Wisconsin Law // Marquette law review. Vol. 43. Issue 2. 1959.

¹¹ См.: Dobbs D. Tortious interference with contractual relationships. 34 Ark. L. Rev & 335, 338. 1980.

¹² См.: McChesney F. Tortious Interference with Contract Versus «Efficient Breach»: Theory and Empirical Evidence, 28 J. Legal Stud. 131. 1999.

¹³ См.: Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев, 1864.

Важное теоретическое значение для работы автора являются рассуждения В.К. Райхера в работе «Абсолютные и относительные права»¹⁴ и М.М. Агаркова в «Обязательство по советскому гражданскому праву»¹⁵ относительно двойственной природы договорного обязательства, которая заключается в наличии не только прямой правовой связи между кредитором и должником, но и в косвенной – между кредитором и всеми третьими лицами. Указанные предположения ученых-правоведов создают основу для дальнейших рассуждений автора относительно целесообразности более широкого толкования принципа относительности договорного обязательства в пользу необходимости защиты третьих лиц или неправомерности их вмешательства в чужие договорные отношения.

Цель и задачи исследования

Целью настоящей работы является исследование возможностей третьих лиц оказывать правовое влияние на чужое договорное правоотношение.

С учетом общей цели автором поставлены следующие задачи:

- выявить основные тенденции развития понятия третьего лица в обязательстве;
- установить статус третьего лица в договорном обязательстве, определить ключевой критерий разграничения третьего лица и иных (других) лиц;
- выявить формы влияния третьих лиц на чужое договорное обязательство;
- охарактеризовать позитивное правовое влияние третьего лица, определить круг правоотношений, в которых такое влияние находит выражение;
- выявить способы негативного влияния третьего лица на договорное обязательство и критерии неправомерности действий третьих лиц;

¹⁴ См.: Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву / пер. с нем. О.В. Колотилова // Вестник гражданского права. 2007. № 2. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Вып. I (XXV).

¹⁵ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.

— определить эффективные способы противодействия недобросовестным действиям третьих лиц-интервентов.

Предмет исследования

Предметом исследования являются нормативные правовые акты, регулирующие отношения с участием третьих лиц в обязательстве, правоприменительная практика, труды отечественных и зарубежных ученых-правоведов.

Методологическая основа

Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. В частности, в работе использованы формально-логические методы, такие как анализ, синтез, дедукция, индукция, общенаучные методы, такие как аналогия и абстрагирование. Также автором использованы специальные методы: исторический, социологический, собственно-юридические методы исследования, такие, как сравнительно-правовой, формально-юридический, метод юридической герменевтики и правового моделирования. В исследовании применяется структурно-функциональный и системный подход.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем разработана концепция влияния третьего лица на чужое договорное обязательство, а также выявлены квалификационные критерии форм влияния третьего лица на чужое обязательство и правовые последствия такого влияния применительно к договорному обязательству.

Научная новизна выражается в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Доказано, что для квалификации поведения субъекта в чужом договорном обязательстве как юридически значимого или юридически безразличного, необходимо отграничение понятий третьих лиц от иных (других) лиц. Третье лицо – это субъект, который соответствует одновременно трем критериям: а) имеет собственный интерес в чужом договорном обязательстве, б) совершает

юридически значимые действия по его удовлетворению, в) не является стороной обязательства. В отличие от третьих лиц, иные (другие) лица не имеют интереса в договорном обязательстве или несмотря на его наличие, не совершают действий по его реализации.

2. Установлено, что действия третьего лица, которые направлены на создание условий для нарушения, изменения, прекращения чужого договорного обязательства и извлечение выгоды от наступивших правовых последствий, представляют негативную форму влияния третьего лица (вмешательство в чужие договорные отношения). Такие действия третьего лица могут носить противоправный характер и квалифицироваться как деликт.

В российском праве в силу принципа относительности обязательства, кредитор не вправе привлекать к ответственности за противоправное вмешательство в чужое договорное обязательство третье лицо, поскольку договорную ответственность несет должник. Однако тенденции развития судебной практики и юридической доктрины свидетельствуют об обоснованности предоставления кредитору дополнительных способов защиты права против третьего лица: требование о признании замещающей сделки между третьим лицом и должником недействительной или о взыскании убытков с третьего лица.

3. Установлены критерии противоправности действий третьих лиц, оказавших негативное влияние на чужое договорное обязательство: а) отсутствие у кредитора разумных оснований полагать, что третье лицо вправе беспрепятственно реализовать права в отношении предмета исполнения в рамках договора; б) третье лицо знает или должно знать, что должник исполняет договорное обязательство кредитору, и нарушение, изменение, прекращение такого договорного обязательства станет причиной убытков кредитора; в) в результате вмешательства третьего лица содержание договорного

- обязательства изменилось в той степени, на которую кредитор или должник не могли рассчитывать в момент заключения договора.
4. Установлено, что совершение предусмотренных договором или законом действий третьего лица по реализации своего интереса в чужом договорном обязательстве составляет позитивное влияние, которое не может расцениваться в качестве вмешательства в чужие договорные отношения. К таким действиям могут относиться исполнение обязательства (ст. 313 ГК РФ), выражение намерения принять исполнение (ст. 430 ГК РФ), а в исключительных случаях защита нарушенного права в связи с неисполнением взаимосвязанного договорного обязательства должником. Согласие на совершение сделки третьим лицом (ст. 157.1 ГК РФ) представляет позитивное влияние на чужое договорное обязательство в случае, если: а) третье лицо имеет частный интерес в чужом договорном обязательстве; б) третье лицо совершает действия по защите своего частного интереса в чужом договорном обязательстве.
 5. Установлены основные критерии для удовлетворения требования третьего лица к должнику о возмещении убытков, возникших в связи с неисполнением обязательства по взаимосвязанному договорному обязательству: а) третье лицо должно иметь интерес в чужом договорном обязательстве; б) третье лицо должно быть конечным выгодоприобретателем в цепочке взаимосвязанных договоров, опосредующих переход экономического блага, поскольку в таком случае указанное лицо несет основные имущественные потери в связи с неисполнением обязательства должником в рамках взаимосвязанного договора; в) третье лицо не имеет иных способов защиты права, кроме как обратиться с требованием к должнику, который не исполнил собственное обязательство перед кредитором.
 6. Доказано, что теоретическим обоснованием невозможности установления обязанностей для третьих лиц без их согласия и для запрета любого негативного влияния третьих лиц на чужое договорное обязательство является принцип

относительности обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Договор может представлять ценность и имущественное благо для должника и кредитора, которое должно быть защищено от посягательств неопределенного круга иных лиц.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования были обсуждены на заседании кафедры коммерческого права и основ правоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, использовались автором настоящей диссертации в учебном процессе, при прохождении педагогической практики и участии в проведении практических занятий на юридическом факультете Московского университета имени М.В. Ломоносова, по курсам: «Правоведение», «Коммерческое право», «Исполнение договорного обязательства», «Актуальные проблемы имущественной ответственности».

Практическая значимость исследования

Практическая значимость состоит в том, что сделанные выводы и предложения могут использоваться при совершенствовании законодательства, в правореализационной и правоприменительной практике, в учебном процессе при проведении занятий по курсу «Гражданское право», «Коммерческое право», а также при юридической квалификации поведения третьих лиц, влияющего на чужое договорное обязательство.

Структура работы

Работа состоит из двух глав, объединяющих шесть параграфов, введения, заключения и списка использованной литературы (библиографического списка).

Глава 1. Общая характеристика третьего лица в обязательстве

§ 1. О третьем лице в обязательстве в юридической доктрине

Развитие представлений о третьем лице в обязательстве в отечественном дореволюционном гражданском праве

Несмотря на то, что в дореволюционной учебной и монографической юридической литературе термин «третье лицо» использовался активно, о ясности его содержания говорить не приходилось. Зачастую отечественные ученые использовали этот термин для обозначения некоего понятия, обладающего только отрицательным признаком – «не сторона», «не субъект», применительно к конкретному правоотношению. Отсутствие соответствующих научных разработок в области того, кем являются третьи лица, чем они отличаются от иных лиц, которым безразлично право требования кредитора, в чем выражается их роль в чужом договорном обязательстве, стало одной из причин отрицания возможности их правонаделения.

А.Н. Бутовский, в известной работе, посвященной договорам в пользу третьего лица, указывал, что упомянутой договорной конструкцией следует понимать такое соглашение, по которому промитент (должник) обязывается перед другим – промиссаром (кредитором) выполнить известные действия в пользу «постороннего, не участвующего в договоре лица (дестинатария)»¹⁶. А.Н. Бутовский также указывает, что квалифицирующим признаком такого лица является наличие «самостоятельного интереса» в обязательстве. Для этого достаточно, чтобы обязательство было направлено не во вред третьего лица, а порождало бы известные права, улучшало бы его юридическое положение¹⁷. Хотя автор и рассуждает о понятии третьего лица в ключе конструкции договора в пользу третьего лица, третьим лицом, по его мнению,

¹⁶См.: Бутовский А.Н. Договоры в пользу третьих лиц // Журнал Министерства юстиции. № 12. 1910. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 2.

является некое постороннее лицо, имеющее интерес в договорном обязательстве кредитора и должника.

Ю. Дубовицкий, один из крупнейших исследователей проблемы предоставлений в пользу третьего лица в дореволюционный период, также указывает на права посторонних лиц. Так, критикуя позицию о квалифицирующем признаке договора в пользу третьего лица как намерение предоставить третьему лицу известные выгоды, автор указывает, что с точки зрения такой безусловной возможности создавать права для лиц посторонних ничто не мешает тому, чтобы в конце концов самые невинные слова могли рождать обязательство¹⁸.

Неопределенность категории третьих лиц подтверждает позиция Ю.С. Гамбарова. Он описал рефлективное действие субъективного права, в основании которого лежит «то явление, что права производят часто, рядом со своим рассчитанным для лица управомоченного действием, еще не зависящие от воли этого последнего и совершенно случайные последствия, выгодные или невыгодные для постороннего третьего лица. При выгодных последствиях такого действия чужого права пользующееся ими третье лицо является как бы правовым паразитом, лишенным только юридической защиты; при невыгодных последствиях оно остается также беззащитным»¹⁹. Определяя субъекта, на которое чужое обязательство действует, Ю.С. Гамбаров определяет его как лицо, которое не состоит в юридическом отношении ни с его источником, ни с результатом. В связи с этим он приходит к выводу, что «если третье лицо получает выгоду, то оно не имеет на нее субъективного права; возможная в некоторых случаях защита этой выгоды есть защита объективного, а не субъективного права; и обратно, если третье лицо терпит от рефлективного действия чужого права вред, то оно не может защищаться от него в

¹⁸ См.: Дубовицкий Ю. Договоры в пользу третьих лиц // Юридический вестник. 1885. № 6-7. С. 298 – 299.

¹⁹ См.: Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. СПб, 1911. Раздел II 3 В. Режим доступа СПС «Гарант».

формах субъективного права: рефлексивное действие стоит вне его власти»²⁰. Как видно, никакие правовые возможности третьего лица на чужое обязательство ученым не признаются. При этом он признает, что «третьи лица могут быть так же заинтересованы в отправлении управомоченным лицом его права, но для осуществления этого интереса им не предоставлено никакого иска»²¹. Это можно считать классическим подходом к определению места третьего лица в обязательстве на тот период.

К.П. Победоносцев указывал, что, по общему его правилу, действие договора простирается исключительно на участвовавшие в нем лица и их наследников²², сводя все исключения только к ситуации договора в пользу третьего лица. Аналогичные подходы можно обнаружить в большинстве дореволюционных учебников гражданского права. О понятии третьего лица в дореволюционном праве говорят применительно к вещному праву, с помощью этого термина указывая субъектов, отстраненных от осуществления права на вещь, либо приобретших вещь у неуправомоченного, при рассмотрении проблем виндикации, применительно к праву компаний, как о «публике» в целом, либо как о лицах, не являющихся участниками компании²³.

Подобное состояние научной мысли было обусловлено тем, что в основном в юридической литературе проблема понятия третьего лица не заслужила пристального внимания со стороны научного сообщества. Наибольший интерес со стороны исследователей представляют проблемы взаимодействия третьего лица со сторонами договора: исполнение обязательства третьим лицом или в пользу третьего лица.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Раздел. II 4 А.

²² См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М., 2003. Глава 10 § 33.

²³ См., напр.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2022. С. 80- 90.

Одной из наиболее оживленных дискуссий, связанных с понятием «третьего лица», является его правовой статус в конструкции договора в пользу третьего лица. В частности, исследователей интересовало в чем заключаются возможности участия третьего лица как «правомочного» выгодоприобретателя по договору между должником и кредитором или в том, насколько правомерны требования третьего лица к должнику в рамках чужого договора.

Впервые о проблеме договоров в пользу третьего лица в отечественной цивилистике рассуждают во второй половине XIX века. Крупнейшими исследователями дореволюционного периода рассматриваемой тематики явились А.М. Нолькен²⁴ и Ю. Дубовицкий²⁵. Данной же тематики касается Н.О. Нерсесов²⁶, Е.Н. Данилова²⁷. Отрывочные замечания по понятию третьего лица и форм его участия в обязательстве содержались и в системных учебных курсах гражданского права, например, в работах Д.И. Мейера, Г.Ф. Шершеневича²⁸.

Основной причиной развития учения о договоре в пользу третьего лица является развитие гражданского оборота и реальная потребность в институтах, которые позволили бы получить имущество от должника в рамках исполнения не только кредиторами, но и третьим лицами. В этом ключе, например, рассуждал Ю. Дубовицкий в упоминавшейся ранее работе, опубликованной во второй половине XIX в. Автор подробно изучает историю договоров такого вида, а современное иностранное законодательство, немецкую доктрину. Он прямо показывает, что правопорядки пришли к возможности предоставлять третьим лицам права по договору, в заключении которого они не участвуют непосредственно в качестве сторон, из потребностей практики. Соглашения, по которым выгоды предоставляются

²⁴ См.: Нолькен А.М. Договоры в пользу третьего лица. СПб., 1885.

²⁵ См.: Дубовицкий Ю. Договоры в пользу третьих лиц // Юридический вестник. 1885. № 6-7.

²⁶ См.: Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М., 1878.

²⁷ См.: Данилова Е.Н. Ответственность должника за действия третьих лиц, участвующих в исполнении договора. М., 1913.

²⁸ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1907.

третьим лицам, не участвующим в соглашении, нужны в обществе – отсюда возникают и права²⁹. К сожалению, указанный автор как и его современники в отношении понятия третьего лица не рассуждает и не дает какого-то обоснованного вывода по этому поводу.

Ясного понимания сущности третьего лица в дореволюционной доктрине достичь не удалось. В одной из последних работ дореволюционного периода - работе И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права», опубликованной в 1917 г., термин «третьи лица» используется 19 раз, во всех случаях речь идет о противопоставлении третьих лиц и субъекта (субъектов), о которых ведется речь. Например, описывая товарищество, он указывает, что его «юридическая сущность заключается в том, что лица, соединяющиеся для одной общей цели, юридически не исчезают в созданном ими союзе; перед лицом гражданского права, перед третьими лицами они, а не союз являются контрагентами»³⁰, как видно, здесь третьи лица – это вообще абсолютно все субъекты (иные лица), которые потенциально могут вступить в правоотношения с товариществом. В другом месте ученый пишет о поземельных книгах: «всякий акт, долженствующий иметь вещно-правовое значение (передача права собственности, установление залога или сервитута и т. д.), должен быть записан в поземельную книгу, и только с этого момента он получает юридическую силу для всех третьих лиц, для публики»³¹. И в этом случае третьи лица – это иные лица, «публика» неопределенная категория лиц, не имеющие никаких отличительных юридических признаков.

В результате изучения известных исторических исследований в отношении понятия третьего лица не приходится говорить о каком-либо его последовательном развитии, поскольку «посторонние лица, не участвующие в заключении договора» рассматривались исключительно через призму проблемы правонаделения такого лица

²⁹ См.: Дубовицкий Ю. Указ. соч. С. 242.

³⁰ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2013.

³¹ Там же. С. 200.

в рамках договорных конструкций. Впрочем, следует определить основные тенденции, которые заданы изначально римским правом, в отношении идеи защиты интересов третьих лиц. Представляется, что рассмотрение указанной проблемы позволит разработать существенные критерии понятия третьего лица.

Развитие представлений о третьем лице в обязательстве в римском праве и основных зарубежных правовых системах в период до XX века

В судебной практике и законодательстве ведущих правовых систем рассматриваемая конструкция расценивалась в отдельных временных отрезках по-разному.

Например, в отечественном правовом порядке вопрос о целесообразности и непротиворечивости конструкции договора в пользу третьего лица никогда не подвергался сомнению со стороны законодателя или правоприменителя. В то же время в Германии дискуссия о невозможности исполнения в пользу третьего лица, равно как и об отсутствии необходимости защиты интереса третьего лица долгое время не утихала и представляла одну из правовых тем в XIX в. В свою очередь, в английской судебной практике третьи лица получили право на защиту в рамках чужого договора лишь в середине XX в., во многом благодаря усилиям судебной практики.

Ввиду того, что целью настоящего диссертационного исследования является не выяснение всех исторических аспектов развития конструкции договора в пользу третьего лица, а рассмотрение отдельных способов их влияния на договорное обязательство, то представляется необходимым определить лишь ряд наиболее важных аспектов в пути развития института в разных правовых системах. Думается, что выборочный анализ важнейших исторических аспектов института позволит выявить также и значение категории третьего лица с перспективы отдельно взятого обязательства.

История вопроса о договоре в пользу третьего лица предполагает историю коллизии основных принципов договорного права с потребностями экономического оборота в двух известных мировых правовых системах.

I. Континентальная система. С одной стороны, наследие римского права и его отрицание контрактов в пользу третьего лица в силу принципа *alteri stipulari nemo potest* (никто не может получить стипуляционное обещание в пользу третьего лица). С другой стороны, экономическая востребованность конструкции договора в пользу третьего лица, а также правовая традиция некоторых стран, которая не отрицала рассматриваемую конструкцию (обычное право).

II. Англо-саксонская система. С одной стороны, незыблемый и увековеченный принцип *privity of contract*, который не допускал никакого вмешательства со стороны третьих лиц в договор. С другой стороны, продиктованная экономическими соображениями необходимость защиты интересов третьих лиц, которая в XX в. стала очевидной для ряда английских судей в *High Court of Justice*.

Применительно к первой историко-правовой коллизии необходимо обозначить следующее.

Римское право, как общее правило, не допускало договоров в пользу третьего лица; так что, если одно лицо **A** заключало с другим лицом **B** договор, по которому право требования должно было принадлежать третьему, не участвовавшему в нем лицу **C**, то такой договор признавался, по римскому праву, ничтожным. **A** не мог предъявлять иск против **B**, потому что из этого договора он не желал приобрести ничего лично для себя; не имел права иска и **C** по юридической невозможности (*empti actionem nec illi, nec tibi quaesisti: dum tibe non vis, nec illi potes*). Основание для недопустимости такой конструкции заключалось в строго индивидуальном понимании обязательственных отношений римскими юристами – *alteri stipulari nemo potest* (никто не может получить стипуляционное обещание в пользу третьего лица). Как отмечали И.Б. Новицкий и И.С. Перетерский, это правило следует из древнего принципа *ut unusquisque sibi adquirat quod sua interest; ut alii detur, nihil interest mea*

(пусть каждый приобретает для себя то, в чем именно он имеет интерес; мне дела нет до того, чтобы другому было дано)³².

Об индивидуальном характере обязательства рассуждал и Гай в известнейшем памятнике правовой мысли. В Институциях автор, рассуждая о способах перехода обязательственных прав, указал, что для того, чтобы принадлежащее одному лицу право получило другое лицо необходимо стипулировать этот долг от должника, вследствие чего должник освобождается от долга перед кредитором и становится должником третьего лица, что называется *delegatio promittendi*, которое фактически принимает форму новации³³. *Obligatio est iuris vinculum (3.13 Inst)* означает, что правовая связь призвана обеспечить возмездное предоставление лишь определенному лицу. Если кредитор заключает договор не для того, чтобы получить исполнение, а передать его другому лицу, то, считалось, он не имеет интереса в договоре.

Таким образом, становится очевидным, что обязательство в римском праве мыслилось исключительно как правовая связь двух лиц. В случаях же появления в этих отношениях другого (третьего) лица, прежнее обязательство прекращалось и появлялось новое, по содержанию идентичное с первым, но отличающееся другим субъектным составом.

Вместе с тем из указанного общего правила, по которому из договора в пользу третьего лица последнее не приобретало право иска, впоследствии были обозначены некоторые исключения – фикции, например: 1) в ситуации завещательного отказа (легата), при которых легатарий, получающий имущество в результате отказа наследника, также приобретает самостоятельное право иска (требования); 2) в ситуации, когда залогодержатель, продавая заложенную вещь другому лицу, обещает залогодателю право выкупа. Залогодатель, будучи третьим лицом по отношению к

³² См.: Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., Зерцало, 2012. С. 352.

³³ См.: Институции Гая - *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д.В. Дождева. М., 2020. С. 81.

договору между залогодержателем и покупателем вещи, получает право на иск к покупателю³⁴.

В постклассическую эпоху глоссаторов и комментаторов последние нового не внесли новизны в общий принцип *alteri stipulari nemo potest*, напротив, лишь усложнили его. Все учение глоссаторов и комментаторов о договорах в пользу третьего лица и о представительстве может быть сведено к распределению обещания и исполнению по одному и тому же договору (*promissio* и *restitutio* или, другими словами, *verba obligativa* и *verba executiva*) между различными лицами. Если *verba obligativa* и *verba executiva* относятся к лицу договаривающемуся, то последний и будет единственным субъектом заключенной им сделки. Если *verba obligativa* и *verba executiva* относятся к другому лицу, не участвующему непосредственно в договоре, то такой договор ничтожен (прямое представительство). Наконец, если *verba obligativa* относится к контрагенту, а *executiva* - к третьему лицу, то из такого договора приобретает право иска один только промиссар и то под условием самостоятельного интереса в исполнении договора³⁵.

Обратимся к другой стороне заданного исторического конфликта, который находит свое выражение сначала в обычном праве. Примером такого правопорядка выступает Германия до рецепции римского права, ориентировочно до XII века, а в некоторых источниках и в XIV и XV вв.³⁶ Как указывал О. Gierke, Германия стала движущей силой преодоления догматических препятствий и создания теоретических основ для договора в пользу третьего лица³⁷. Так, по древнегерманскому праву третье

³⁴ См.: Нолькен А.М. Договоры в пользу третьего лица. СПб., 1885. С. 57-60.

³⁵ См.: Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. § 6 Отличие представительства от договоров в пользу третьих лиц // URL: https://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/386.html Также См.: Нолькен А.М. Указ. соч. С. 62 – 63.

³⁶ См.: Нолькен А.М. Указ. соч. С. 63.

³⁷ Gierke O. Deutsches Privatrecht III. Leipzig, 1895. S. 386. Цит. по: Бибикина Е.В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 12.

лицо имело право на самостоятельное и непосредственное право на исполнение, обусловленное в чужом договоре в его пользу. Указанная позиция отражается еще в судебной и нотариальной практике и законодательстве XIV и XV вв., по которому третье лицо также приобретало право из обещания должником в силу принятия его кредитором.

Однако после рецепции римского права и его проникновения в немецкую цивилистику и по цепочке в иные правопорядки идея недействительности договоров в пользу третьих лиц стала господствующей среди юристов – теоретиков вплоть до XVI в. Начиная с XVII в. формируется новый вектор противостояния римскому праву: принцип *alteri nemo stipulari potest* не отвечал потребностям практической жизни и гражданского оборота.

Во второй половине XIX в. позиция в поддержку *alteri nemo stipulari potest* уже не является господствующей. Наоборот, число исследователей, выступающих против римского принципа, лишь возрастало. Возникали различные обоснования, почему третье лицо может иметь право требования к должнику. Например, согласно теории цессии право требования третьего лица производно от прав промиссара, основанием для приобретения права третьим лицом является его уступка от кредитора. Согласно теории представительства кредитор, по сути, является представителем третьего лица, поскольку в таком случае кредитор создает обязательство не для себя, а для третьего лица, то есть действуя в интересах доверителя³⁸. Данное обстоятельство использовалось в качестве аргумента для признания действительности договоров в пользу третьего лица³⁹. С.Ф. Muhlenbruch полагал, что действия промиссара имеют сходство с действиями гестора в случае ведения чужого дела без поручения⁴⁰. J. Unger

³⁸ Нерсесов Н.О. Указ. соч. С. 50.

³⁹ Бибикина Е.В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 12. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰ Muhlenbruch C.F. Die Lehre von der Cession der Forderungsrechte. 3. Aufl. Greifswald, 1836. S. 69.

полагал, что требование третьего лица само по себе первично или возникает само по себе, как это, например, реализуется в качестве совершения односторонней сделки со стороны кредитора, который создает правовой эффект у дестинатария⁴¹.

С целью обобщения различных позиций следует обозначить, что существовали две группы исследователей, которые по-разному видели политико-правовую обоснованность обязательства в пользу третьего лица. С одной стороны, действительность договоров в пользу третьего лица обосновывалась через упомянутые правовой обычай, присущий немецкому праву и защищавшийся в судебной практике. С другой стороны, возможные случаи договоров в пользу третьих лиц объяснялись потребностями более развитого гражданского оборота⁴².

В результате целенаправленных исследований договор в пользу третьего лица был признан немецким законодателем и получил закрепление в Германском Гражданском Уложении (Bürgerliche Gesetzbuch)⁴³.

Итогом историко-правового конфликта принципов римского права и потребностей экономического оборота стала общая тенденция признания конструкции договора в пользу третьего лица повсеместно в странах континентальной правовой системы. В российских сравнительно-правовых исследованиях с ссылками на первоисточники, в частности W. Bayer, J. Hallebeek, H. Dondorp, указывается, что осознание необходимости правонаделения третьего лица было обусловлено развитием страхового бизнеса, однако также отмечается, что существовали скорее политические, а не догматические причины⁴⁴. Как верно отмечает В.И. Серебровский: «... в законодательстве и судебной практике обнаруживается общая тенденция. Эта тенденция отчетливо проявляется в предоставлении третьему лицу, не

⁴¹ См.: Unger J. Die zu Gunsten Dritter // Jahrbucher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 10. 1871. S. 28 ff.

⁴² См.: Бутовский А.Н. Указ соч. С. 3 – 4. Также см.: Нолькен А.М. Указ. соч. С. 63-64.

⁴³ См.: подробнее: Versprechen der Leistung an einen Dritten § 328 - 334 BGB.

⁴⁴ Цит. по: Бибикова Е.В. Указ. соч. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

участвовавшему в заключении договора, самостоятельного права требования к должнику»⁴⁵.

Применительно к коллизии в странах англосаксонской правовой системы необходимо обозначить следующее.

Английскому правопорядку исторически присущ принцип невмешательства в чужие договорные отношения, который также известен как *privity of contract*. Доктрина *privity* традиционно распадается два аспекта *common law*: во-первых, никто, кроме стороны договора, не может приобрести субъективное право по договору; во-вторых, никто, кроме стороны договора, не может быть обязанным по договору⁴⁶. Из указанного следует, что третьи лица не имеют и не могут иметь прав требований к сторонам договора, в частности, к должнику чужого обязательства.

Причина второго аспекта *privity* очевидна: лицо, как правило, не должно иметь договорных обязанностей без его согласия, поскольку это противоречит принципам свободы договора и автономии воли.

Политико-правовой смысл (причина) первого аспекта *privity* всегда вызывал дискуссии. Например, английский лорд-судья J. Steyn отмечал, что для правила о невозможности наделения правами третьих лиц «нет доктринальной, логической или политической причины»⁴⁷.

Как рассуждает G. Treitel правило, согласно которому третье лицо не может приобретать права по договору, вряд ли можно обосновать, заявив, что договор является или порождает личные отношения, затрагивающие только его стороны, так как это скорее переформулировка правила, чем причина его существования. G. Treitel указывает, что поиски ответа на обоснование почти всегда упираются в практическую необходимость защиты бенефициара, который по праву справедливости имеет

⁴⁵ В.И. Серебровский. Договор страхования жизни в пользу третьего лица (Основания возникновения права выгодоприобретателя) // Ученые труды ВИЮН. № 9. М., 1947. С. 369.

⁴⁶ См.: Treitel G. The law of contract. 14th edition. 2015. Sec. 14-015.

⁴⁷ Treitel G. Op. cit. Sec. 14-015.

законное ожидание в получении выгод из чужого договора. Указанный аргумент использовался какое-то время английскими судьями высших судов, которые считали, что такая трактовка вопроса также «несправедливо» создает сложности для реализации субъективных прав сторон договора.

В английской судебной практике классическим примером, демонстрирующим всеобъемлемость и недопустимость защиты третьего лица, является дело *Tweddle v Atkinson*⁴⁸, которое рассмотрено английскими судьями в 1861 г. В указанном деле судьи явно отказали в принудительном исполнении договора должником по требованию третьего лица, который в договоре не участвовал. В целом считается, что в этом деле была установлена доктрина *privity*, которая применялась Палатой лордов в последующих аналогичных делах.

Смена существующей парадигмы *privity* произошло в деле *Beswick v Beswick*⁴⁹, рассмотренном в 1968 г. Торговец углем передал свой бизнес племяннику, который в свою очередь дал ему различные обещания. Одним из них было то, что после смерти дяди он будет платить 5 фунтов в неделю вдове дяди. Дядя умер, и вдова стала управляющим наследства. Она обратилась в суд с требованием исполнения данного племянником обещания наследодателю, предъявив иск как от своего имени, так и от имени управляющей. Палата лордов постановила, что вдова имеет обоснованное право требования к племяннику исполнить обещание как управляющей. В Апелляционном суде лорд-судья Деннинг отметил, что вдова также может подать в суд для защиты собственного права как третьего лица согласно *common law*, так как правило *privity* является «по сути ... лишь процессуальным правилом» и может быть преодолено простым присоединением кредитора в качестве третьего лица к иску. Палата лордов сочла ненужным высказывать окончательное мнение по этому вопросу в судебном решении.

⁴⁸ См.: *Tweddle v Atkinson*: decision by the England and Wales High Court J57 (QB). 1861.

⁴⁹ См.: *Beswick v Beswick*: decision by the United Kingdom House of Lord. 1968.

Таким образом, указанное дело стало не только первым примером защиты интереса третьего лица применительно к чужому договору, но и основанием для пересмотра доктрины *privity*. С этого момента развивается иное понимание ограничений прав третьих лиц, путем метода исключений из принципа *privity*. Указанный вектор правовой мысли представляет иную сторону заданного историко-правового конфликта, который, как и в странах системы континентального права, в итоге получит повсеместное признание.

Так, английская судебная практика, которая выработала ряд исключений из принципа *privity*, нашла поддержку у законодателя. Актом о правах третьих лиц, принятом в 1999 г., установлено исключение из фундаментального принципа относительности, который означал невозможность для третьих лиц требовать защиты своих прав, предусмотренных в чужом договоре. Указанный акт установил возможность для третьего лица, которое не является стороной договора, потребовать реализацию или защиту его прав, если договор предусматривает такие права для третьего лица.

Между тем стороны могут предусмотреть в собственном договоре распространяемость его положений на третьих лиц, в том числе, о невозможности законного вмешательства таких лиц в их отношения. В этом значении выражается особенность английского подхода: свобода договора имеет преимущественное значение, договорное условие может исключить любое взаимодействие третьего лица с договором.

Необходимо отметить, что ограничение возможности третьих лиц защитить свои договорные права в случае прямого запрета на указанное в самом договоре продиктовано действием того же самого принципа относительности. Английский законодатель учел, что безлимитное участие третьих лиц в чужом договорном обязательстве фактически ставит под сомнение ценность прежних догматических устоев – принципа *privity*.

Одновременно, возможность договорного запрета на распространение действий договора на третьих лиц фактически лишает английскую судебную практику той гибкости, которая ей присуща в рассмотрении споров, связанных со случаями предполагаемой выгоды (*intended benefits*) третьего лица. Именно с рассмотрения указанных судебных дел, суды, усматривая законный интерес третьего лица в договоре, позволяли третьему лицу защитить свои права путем подачи иска против должника в договорном обязательстве. С учетом положений Акта 1999 г., если договор содержит прямой запрет на распространение его действия на третьих лиц, суды, как ожидается, не выясняют законный интерес третьего лица.

В таком случае способ защиты третьего лица, который ранее определялся английскими судами из наличия или отсутствия законного интереса третьего лица, на данный момент во многом зависит от условий договора и от того, определили ли роль третьему лицу сами стороны договора.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

*Установлено, что развитие представления о третьем лице в обязательстве проходило следующие этапы: а) отрицание прав третьих лиц в чужом обязательстве в силу римской правовой максимы *alteri stipulari nemo potest*, которая устанавливала невозможность стипуляции в пользу третьего лица, поскольку промиссар в таком случае не имел должного интереса в обязательстве. Аналогичное отрицание прав третьих лиц в чужих договорах (*privity of the contract*) прослеживалось и в английском правопорядке; б) развитие новых интерпретаций римского принципа с целью предоставления возможности третьему лицу приобретать право требования к должнику в судебной практике (на примере рассуждений английских судей) и доктрине (на примере развития научной мысли в Германии); в) закрепление договорной конструкции в пользу третьего лица, которая позволяет последним приобретать право требования к должнику.*

§.2. О понятии третьего лица в современном российском гражданском праве

Согласно п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц)⁵⁰. Из буквального толкования положений статьи возникает вопрос о том, могут ли в действительности третьи лица обладать правами требования в отношении сторон чужого обязательства. Из правового регулирования не должны исключаться правовые ситуации, когда третьи лица предпринимают попытки воздействовать на динамику чужого обязательства, поскольку имеют непосредственный интерес в нем. Кредитная организация, выдавшая кредит должнику, заинтересована в надлежащем исполнении обязательства должником перед своими контрагентами, субарендатор имеет интерес в том, чтобы арендодатель обеспечивал арендатору надлежащее состояние предмета аренды, покупатель заинтересован в гарантии изготовителя на качество товара, реализуемого продавцом. В указанных случаях в задачи законодателя и правоприменителя входит определение правомерности требований третьих лиц к сторонам обязательства.

Если третье лицо все же имеет права требования к сторонам обязательства, то возникает основание в их разграничении от неопределенной группы иных (других) лиц. Если субъект гражданско-правовых отношений имеет права и обязанности, которые выделяют его из неопределенной группы таких лиц, то следует обозначить квалифицирующий признак такого субъекта.

В российской судебной практике все чаще возникают ситуации с участием третьих лиц, которые заинтересованы в защите собственных прав в результате исполнения чужих договорных обязательств. К таким примерам относятся: институт внеконкурсного оспаривания сделок третьими лицами - кредиторами⁵¹, который

⁵⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (все части) // Режим доступа СПС «КонсультантПлюс: Версия Проф» (дата обращения 01.11.2022) (далее – «ГК РФ»).

⁵¹ См., например, определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 24.11.2020 № 4-КГ20-43-К1, от 13.10.2020 № 49-КГ20-15-К6.

позволяет последним оспаривать договоры должника с его контрагентами, практика сальдирования встречных предоставлений, образующихся в результате расторжения нескольких взаимосвязанных договоров⁵², примеры взыскания убытков в пользу третьих лиц с должников, являющихся сторонами конечного договора, в связи с ненадлежащим исполнением договорного обязательства⁵³.

Одним из основных вопросов материального права при рассмотрении указанных дел является определение субъективных прав третьих лиц относительно независимого договорного обязательства: вправе ли третье лицо предъявить требование к сторонам чужого договорного обязательства с учетом действия принципа относительности договорного обязательства. Прежде чем давать оценку правовым ситуациям с участием третьих лиц правоприменителю, требуется не только оценивать правомерность действий третьего лица по защите субъективных прав, но и установить его статус и охраняемый интерес.

Между тем в современной теории обязательственного права отсутствует единый подход к пониманию третьего лица, что вызвано, в первую очередь, неоднозначной позицией отечественного законодателя.

О соотношении понятий «третье лицо» и «иное (другое) лицо»

Из буквального толкования п. 3 ст. 308 ГК РФ следует, что под третьими лицами понимаются *все те иные лица, которые не участвуют в отдельно взятом относительном правоотношении*. Следовательно, законодатель руководствуется понятиями: а) «стороны обязательства», под которыми понимаются сами участники обязательственного правоотношения (кредитор и должник); б) «третьи лица» - неопределенная совокупность лиц, не являющихся сторонами обязательства.

⁵² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 30.09.2021 № 301-ЭС21-10601.

⁵³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368

Буквальное толкование п. 3 ст. 308 ГК РФ приводит к смешению понятий «третье лицо» и «иное (другое) лицо». В отношении отдельно взятого договора правовой статус лица, не являющегося стороной договора, но в силу закона имеющего субъективные права относительно обязательства, отличается от статуса иного лица, который не имеет никакого отношения к обязательству и к его сторонам.

Необходимость различия правового статуса третьего и иного лица вытекает из смысла п. 1 ст. 618 ГК РФ. Так, в случае прекращения договора аренды прекращению подлежит и договор субаренды, однако субарендатор имеет право на заключение нового договора аренды на условиях прекращенного арендного соглашения и в пределах оставшегося срока субаренды. Из приведенной ситуации следует, что само наличие секундарного права субарендатора уже отличает его от совокупности иных лиц, которые не являются сторонами арендного обязательства.

В другом примере из абз. 2 п. 3 ст. 706 ГК РФ субподрядчик, не являясь стороной договорного обязательства между заказчиком и генеральным подрядчиком, вправе предъявить требование к заказчику, если такое право было предусмотрено договором подряда. В таком случае статус субподрядчика имеет иной правовой статус, отличающийся от всех остальных «иных лиц» по смыслу п. 3 ст. 308 ГК РФ.

Между тем в отечественном законодательстве уже проводилось различие между третьими и иными лицами, подчеркивался их разный статус и роль в обязательстве. Так, по смыслу ст. 124, 126 ГК РСФСР 1922 г. «другое лицо» – это любой, кто не является ни кредитором, ни должником рассматриваемого обязательства⁵⁴. Согласно ст. 286 ГК РСФСР 1922 г. «третье лицо» – это тот, кто находится в юридической связи с кредитором, а по ст. 120 ГК РСФСР – с должником.

Комментируя нормы ГК РСФСР 1922 г., М.И. Брагинский делает заключение о признаках понятия третьего лица. Так, понятие третье лицо характеризуется двумя

⁵⁴ Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, утв. Постановлением ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (далее также – «ГК РСФСР 1922 г.») // Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

признаками: *отрицательным* (оно не является стороной исходного правоотношения) и *положительным* (оно связано с одной из сторон исходного правоотношения)⁵⁵. Также М.И. Брагинский замечает, что «законодатель конкретизирует понятие «третье лицо», особо подчеркивая характер его связи со стороной правоотношения»⁵⁶.

С наблюдениями М.И. Брагинского о фактически различном содержании понятий «другое лицо» и «третье лицо» нельзя не согласиться. В отличие от «других» «третьи» лица отличаются тем, что как минимум имеют юридическую связь со сторонами обязательства, что может выражаться в появлении субъективных или секундарных прав. Следовательно, в этом отношении третьи лица и другие лица имеют фактически различный правовой статус.

На основании вышеуказанного следует сделать вывод, что в п. 3 ст. 308 ГК РФ законодатель недостаточным образом разграничивает понятия «другие (иные) лица» и «третьи лица». Думается, что более удачной интерпретацией п. 3 ст. 308 ГК РФ является использование понятия «другое лицо» вместо имеющегося «третье лицо». Такая замена позволяет противопоставить сторонам обязательства неопределенную совокупность лиц, а не совокупность лишь третьих лиц как более узкую категорию.

Верная интерпретация п. 3 ст. 308 ГК РФ имеет важное доктринальное значение. Положения статьи провозглашают гражданско–правовой принцип относительности обязательства, который подразумевает возникновение прав и обязанностей только для сторон обязательства, оставляя всех иных лиц за пределами возникающего обязательственного правоотношения, если иное не установлено законом или договором.

Об основных подходах к понятию третьего лица

Понятие «третье лицо» чаще всего воспринимается субъективно: такая квалификация лиц зависит от того, с чьей позиции рассматривается отдельно взятое

⁵⁵ См.: Брагинский М.И. Влияние действий других/третьих лиц на социалистические гражданские правоотношения: дис...д-ра юрид. наук. Л., 1962. С. 12 – 13.

⁵⁶ Там же. С. 13.

обязательство. Например, по договору генерального подряда для заказчика третьим лицом является субподрядчик, а по договору субподряда для субподрядчика третьим лицом является заказчик. Однако для выявления роли и правового статуса третьего лица упомянутая относительность не препятствует рассмотреть понятие третьего лица абстрактно.

В абстрактном смысле понятие третьего лица рассматривалось в ряде научных исследований, однако единства в понимании третьего лица и его роли в обязательстве до сих пор не достигнуто.

Концептуально существуют два основных подхода к понятию третьего лица в обязательстве:

1) третье лицо – это лицо, которое имеет *юридическую связь* со сторонами обязательства (М.И. Брагинский, М.К. Сулейменов, М.К. Кроз);

2) третье лицо – это лицо, которое имеет *интерес* в обязательстве, в котором оно не участвует (В.В. Кулаков, А.Ю. Чурилов).

Следует проанализировать позиции основных представителей первого «классического» подхода к понятию третьего лица как юридически связанного со сторонами обязательства. Так, М.И. Брагинский и О.А. Красавчиков определяли третьих лиц как участников гражданского оборота, находящихся в определенной юридической (правовой) связи по отношению к кредитору или должнику. М.И. Брагинский указывает, что если другое лицо – это любой участник гражданского оборота, который не является стороной исходного правоотношения, то третье лицо, не являясь стороной исходного обязательства, «связано с одной из сторон исходного правоотношения»⁵⁷.

В работе О.А. Красавчикова отмечено: «что касается третьих лиц, то закон относит к ним таких субъектов, которые состоят в определенной правовой связи с одной из сторон и приобретают в силу этого по обязательству некоторые права или

⁵⁷ См.: Брагинский М.И. Указ. соч. С. 13.

обязанности, например, в случае возникновения обязательства из договора в пользу третьего лица»⁵⁸.

Таким образом, исследователи убеждены, что квалифицирующим признаком третьего лица является юридическая связь такого лица с кредитором или должником. Аналогичный подход также отражен в работах В.С. Толстого⁵⁹ и М.К. Сулейменова⁶⁰. Так, М.К. Сулейменов указывает, что третье лицо – это участник гражданского правоотношения, который находится в определенной правовой связи с одной из сторон, что позволяет ему приобретать права и обязанности по этому правоотношению и выполнять дополнительные функции.

Указанный подход к понятию третьего лица получает дальнейшее развитие в более современных работах. Так, М.К. Кроз считает, что третьим лицом в гражданско-правовом обязательстве является его участник, связанный определенным правоотношением с одной из сторон данного обязательства и обладающий правами и обязанностями, производными от прав и обязанностей стороны (должника или кредитора)⁶¹. По мнению М.К. Кроз, мера возможного и должного поведения третьего лица должна устанавливаться исходя из содержания прав и обязанностей, принадлежащих основному субъекту обязательственного отношения⁶². Например, права субподрядчика производны от правового статуса генерального подрядчика по договору строительного подряда с заказчиком.

Указанный подход концептуально продолжает логику, заданную О.А. Красавчиковым и М.И. Брагинским, которые рассуждали о юридической связанности между третьими лицами и сторонами обязательства. Согласно подходу М.К. Кроз лица, которые имеют правовую связь со сторонами обязательства, но их правовое

⁵⁸ См.: Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. Т. 1. С. 414.

⁵⁹ См.: Толстой В.С. Исполнение обязательств. М., 1973. С. 73.

⁶⁰ См.: Сулейменов М.К. Избранные труды по гражданскому праву / Науч. ред. В.С. Ем. М., 2006. С. 320; С. 123 - 128.

⁶¹ См.: Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве / дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 7.

⁶² См.: Кроз М.К. Указ. соч. С. 154.

положение не зависит от обязательства, не являются третьим лицами. Между тем остается не выясненным, в чем заключается принципиальность столь узкого подхода к понятию третьего лица.

Несмотря на то, что третьи лица могут быть лицами, которые могут быть юридически связаны со сторонами обязательства, могут обладать правами и обязанностями, производными из предмета основного обязательства. Между тем представляется, что такой подход недостаточным образом определяет роль третьего лица в обязательстве. Если третье лицо отличается от других (иных) лиц только лишь юридической связью со сторонами обязательства, в чем в таком случае состоит роль третьего лица в обязательстве?

Представляется, что вышеуказанный критерий наличия юридической связанности не позволяет должным образом различить третье лицо от иного (другого).

Если исходить из того, что предназначение любого обязательства заключается в переходе экономических благ от субъекта к субъекту⁶³, то такой переход всегда опосредован какими-либо действиями сторон обязательства по их передаче. Законом или договором могут регулироваться ситуации, когда определенные лица также способствуют передаче указанного экономического блага, выступая, в том числе, в качестве посредников, бенефициаров, сторон взаимосвязанной цепочки договоров. Указанные лица участвуют в динамике гражданско-правовых отношений, а значит, имеют определенную роль в таком обязательстве.

Иное дело обстоит с лицами, которые несмотря на формально юридическую связанность никак не способствуют переходу экономического блага между сторонами обязательства. Например, производитель мебели, который продал стол коммерсанту, занимающемуся продажей ювелирных изделий, никак не участвует в динамике обязательственных отношений между тем же коммерсантом и конечными покупателями украшений. Производитель мебели хоть и имеет договорное

⁶³ Об экономическом содержании обязательства см.: Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 5. О задачах обязательственного права см.: Агарков М.М. Указ соч. С. 108.

правоотношение с коммерсантом (юридическую связь), однако не имеет никакой активной роли в обязательстве с покупателями. Более того, у него вовсе отсутствует интерес в указанных чужих отношениях, поскольку ему требуется только лишь получить вовремя плату за проданный стол. В таком случае представляется не ясным, в чем заключается смысл выделения производителя мебели – третьего лица из неопределенной группы «иных лиц», если у него нет никакой роли и интереса в таком обязательстве.

Думается, что различие понятий «третье лицо» и «иное лицо» перестает быть «схоластическим» вопросом, если определять ролевой компонент понятия третьего лица в структуре обязательственной связи, который выражается в возможности оказывать влияние таким лицом на динамику обязательственного правоотношения. Следовательно, такой квалифицирующий признак как юридическая связанность со сторонами обязательства представляется явно недостаточным для определения понятия третьего лица.

Иной подход к понятию третьего лица заключается в выявлении интереса указанного лица в обязательстве, в котором оно не участвует.

Так, по мнению В.В. Кулакова у третьего лица должен быть самостоятельный имущественный интерес, прямо или опосредованно связанный с объектом исходного анализируемого обязательства. Если такого интереса нет, то предполагаемое «третье лицо» таковым являться не будет, поскольку вообще не имеет никакого отношения к обязательству⁶⁴.

Следовательно, иные (другие) лица не могут и не имеют интереса в обязательстве, в том числе, не обладают необходимыми субъективными правами в

⁶⁴ См.: Кулаков В.В. Формы участия третьих лиц в обязательстве // Российский судья. 2009. № 7.

отношении обязательства. В этом отношении интерес представляется предпосылкой к возникновению субъективного права третьего лица⁶⁵.

В поддержку вышеуказанной позиции А.Ю. Чурилов указывает о преимуществе критерия наличия имущественного интереса над критерием юридической связи: третье лицо может быть и не связано ни с одной из сторон обязательства какой-либо юридической связью, но при этом быть способным воздействовать на динамику правоотношения. В качестве такого примера исследователь приводит институт действия в чужом интересе без поручения, в рамках которого регулируются отношения третьего лица, не обладающего юридической связью с должником, по исполнению за последнего обязательств перед его кредитором⁶⁶.

В качестве дополнительного примера воздействия третьего лица на динамику обязательственных правоотношений необходимо привести случаи недобросовестного вмешательства в чужие договорные отношения⁶⁷. К таким случаям, например, могут относиться недобросовестные действия третьих лиц, направленные на прекращение договорных отношений, на создание препятствий к надлежащему исполнению, наносящие вред сторонам договорного обязательства.

Подход к понятию третьего лица как к лицу, имеющему интерес в чужом обязательстве, позволяет определить активную роль такого лица по защите

⁶⁵ Об интересе как об элементе субъективного частного права см. подробнее: Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880. Также см.: Третьяков С.В. Субъективное право как интерес? Трактровка категории субъективного (частного) права в рамках классической теории интереса // Вестник гражданского права, 2020, № 4. С. 5 - 44.

⁶⁶ См.: Чурилов А.Ю. Третьи лица в обязательственном праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 206 - 211.

⁶⁷ В современной доктрине существует научная дискуссия относительно того, являются ли действия третьего лица по склонению должника к нарушению договора (вмешательство в чужие договорные отношения) деликтным правонарушением. Подробнее о вмешательстве в чужие договорные отношения см.: Березина Е.А. Вмешательство в чужие договорные отношения в деликтном праве // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников Российской школы частного права. Т. 2: Особенная часть / под ред. А.В. Егорова, А.А. Новицкой. М. РШЧП. 2018. Тарасов П.А. Соотношение ответственности нарушившей обязательство стороны и деликтной ответственности недобросовестного интервента // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2020. № 10. Также см.: Dan B. Dobbs. Tortious interference with contractual relationships // 34 Ark. L. Rev& 335, 338. 1980.

собственных интересов. Поскольку третье лицо имеет интерес в чужом обязательстве, то оно и заинтересовано в совершении определенных действий, что и составляет его роль в обязательстве. Банк, выдавая кредит должнику на осуществление определенной хозяйственной деятельности, заинтересован в том, чтобы должник не заключал убыточные сделки и смог сохранять платежеспособность по кредитным обязательствам. Банк является заинтересованным третьим лицом, поскольку является источником финансирования для должника, тем самым выделяясь из группы неопределенных иных лиц. Это объясняет возникновение у Банка субъективного права на защиту своих интересов, например, в делах так называемого внеконкурсного оспаривания сделок, направленных на злостное отчуждение имущества должником с целью уклонения от обслуживания долга.

Вместе с тем только лишь интерес в чужом обязательстве не может быть единственным квалифицирующим критерием третьих лиц, поскольку сам по себе интерес является сугубо субъективной категорией. Например, сегодня лицо имеет некий интерес в чужом договоре, а на следующий день ему этот договор уже будет безразличен. Стало быть, сегодня лицо является третьим, а на следующий день оно этот статус словно утрачивает. Интерес не может быть постоянной характеристикой, очевидной для сторон обязательства.

В этом отношении в научной литературе уже высказаны позиции в поддержку того, что интересы бывают как объективными, так и субъективными⁶⁸. Объективная сторона интереса состоит в независимости интереса от его субъекта. Иными словами, интерес очевиден не только для самого субъекта, но и для остальных участников гражданского оборота. Объективность интереса явно проявляется в позитивном праве, которое наделяет определенных субъектов возможностью реализовать свои права, поскольку они имеют законный интерес. К примеру, интерес залогодержателя

⁶⁸ См. подробнее, например: Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. 1967. № 1. Также см.: Богатырев Ф.О. Интерес в гражданском праве // Журнал российского права. 2002. № 2.

во взыскании предмета залога является объективным, поскольку прямо осознается должником.

Объективный интерес субъекта представляет определенного рода «презумпцию» того, что указанная потребность действительно существует. Опираясь на подобные «презумпции» из законодательства, стороны обязательства или правоприменитель может определить, кто относится к категории третьих лиц, кто вправе предъявить требование к сторонам обязательства. Однако ситуация может осложняться тем, что «презюмируемые» третьи лица могут не заявлять своих требований к сторонам обязательства, относиться к обязательству безразлично по каким-либо причинам. В таком случае выделение третьих лиц из неопределенной группы иных лиц уже теряет всякий смысл. Например, лицо, которое не исполнит обязательство за должника (ст. 313 ГК РФ) не может называться «третьим», так как не приобретет никакого требования к должнику в результате бездействия.

Субъективная сторона интереса заключается в психическом отношении субъекта к чему-либо, которое может выражаться в том числе в придаваемой им ценности. Как верно утверждал Е.В. Пассек «интерес – это значение, которое придается лицом чему бы то ни было, ценность – свойство блага. Если ценность – это способность имущественного объекта быть выраженным в известной денежной сумме, то интерес – это то значение, которое обладанию этой денежной суммой придается»⁶⁹. Автор также указывает, что право защищает скорее ценность, чем интерес: «в громадном большинстве случаев именно она кладется в основание оценки объектов и прав при регулировании имущественных отношений...»⁷⁰. В качестве исключений право может определять размеры ценности не по рыночной стоимости объекта, а по тому значению, которое придается обладанию им определенным лицом, данным субъектом. В таких случаях говорится о «ценности особого пристрастия» или «интересе особого пристрастия».

⁶⁹ Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев, 1864. С. 4 – 10.

⁷⁰ Там же.

Интерес особого пристрастия, о котором утверждает Е.В. Пассек представляет в конечном итоге «объективированный» субъективный интерес, то есть, когда такой интерес признан законодателем или правоприменителем в качестве охраняемого. В противном случае субъективный интерес не может получить правовую защиту⁷¹.

Если субъективный интерес третьего лица «не объективирован», третье лицо не совершило действий по защите такого интереса, то кредитор и должник могут и не догадываться, что существуют неизвестные им лица, которые имеют интерес в обязательстве, выражающийся, например, в получении предмета исполнения. Соответственно, провести различие между третьими и иными (другими) лицами представляется невозможным.

Вышеуказанная проблема соотношения субъективной и объективной стороны интереса показывает, что только лишь интерес в обязательстве или в исполнении обязательства не может быть квалифицирующим признаком третьего лица. Интерес, в субъективном смысле, установить крайне проблематично. Лишь определенная деятельность субъекта позволяет утверждать, что он обладает интересом⁷². В этой связи представляется необходимым обозначать третьих лиц как самостоятельных субъектов гражданско-правовых отношений, действия которых направлены на достижение собственных интересов в обязательстве. Третье лицо становится таковым только в случае, если оно предпринимает меры по защите собственного интереса. Именно факт совершения действия третьим лицом позволяет не только идентифицировать его как правомочного субъекта, но и делает возможным установление юридически значимого волеизъявления.

⁷¹ Например, в главе 2 пар. 2 устанавливаются конкретные случаи, когда субъективный интерес третьего лица в чужом обязательстве получил «объективацию» со стороны законодателя и правоприменителя, которая выражается в правонаделении третьего лица правом требования к должнику, в связи с ненадлежащим исполнением договорного обязательства.

⁷² Как утверждал Р. Иеринг активность субъектов частного права в защите собственных интересов, которые важны для субъектов как источник материальных и нематериальных благ, является двигателем развития частного права и способствует укреплению правопорядка. См.: Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880.

В подтверждение сказанного следует привести в пример основные ситуации с участием третьих лиц в договорных обязательствах. По смыслу договорной конструкции в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) для того, чтобы третье лицо получило предмет исполнения от должника, оно должно совершить соответствующее волеизъявление, выразить намерение воспользоваться своим правом. Аналогичный пример с исполнением обязательства третьим лицом (313 ГК РФ) – чтобы получить право требования к должнику, третье лицо должно исполнить обязательство его кредитору. Пока третьи лица в указанных правовых конструкциях не совершили предусмотренного законом действия, направленного на достижение интереса в обязательстве их правовой статус ничем не отличается от иных (других) лиц.

О роли третьего лица в структуре договорного обязательства

Отличительная особенность третьих лиц заключается в том, что, не являясь стороной договорного обязательственного правоотношения, они имеют интерес в обязательстве. Поскольку у них существует интерес в обязательстве, они предпринимают попытки реализовать его, претворить в жизнь, получить предмет своего интереса. Любые юридически значимые действия третьего лица, направленные на достижение собственного интереса в обязательстве, следует именовать как его «*влияние*»⁷³.

В этой связи, представляется, что роль третьего лица заключается в *осуществлении влияния на обязательство*, в котором такое лицо не выступает в качестве стороны⁷⁴.

⁷³ В этой связи следует провести параллель с выводами из специальной литературы о значении односторонних сделок. Так, следует согласиться с утверждениями М.Н. Илюшиной, которая предложила классифицировать односторонние волеизъявления, влияющие на гражданское правоотношение и односторонние волеизъявления как акты, не являющиеся по своей природе гражданско-правовыми актами и имеющие природу актов, относящихся к другим отраслям права. По мнению М.Н. Илюшиной указанные категории волеизъявлений могут влечь «движение правоотношения, то есть имеют юридическое значение. См.: Илюшина М.Н. Односторонние юридически значимые волеизъявления сторон как правомерные волевые акты, влияющие на гражданские правоотношения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 3 - 8.

⁷⁴ Подробнее о значении влияния третьего лица см. § 3 настоящего исследования.

Из уже ранее упомянутых положений ГК РФ возникновение прав субарендатора (п. 1 ст. 618 ГК РФ) на заключение нового договора аренды, прав субподрядчика (абз. 2 п. 3 ст. 706 ГК РФ) на предъявление требований к заказчику обусловлено наличием интереса субарендатора и субподрядчика в основном обязательстве. Следовательно, влияние субподрядчика, субарендатора на чужое договорное обязательство выражается в реализации предусмотренных законом или договором субъективных прав.

Третьи лица могут оказывать влияние на обязательство и в случаях, предъявления требования к должнику о возмещении убытков в связи с ненадлежащим исполнением обязательства⁷⁵. Во взаимосвязанных договорах третьи лица заинтересованы в надлежащем исполнении обязательств сторонами других групповых соглашений. Поэтому реализация третьим лицом права на судебную защиту в таком случае также способно оказывать влияние на чужие договорное обязательство⁷⁶.

Интересы третьих лиц в обязательстве могут являться как приведенными в качестве примера выше *охраняемыми*, так и *неохраняемыми*. Неохраняемый интерес не может быть предпосылкой для возникновения у третьих лиц каких-либо прав в отношении обязательства. Влияние недобросовестного третьего лица, которое, например, вмешивается в чужие договорные отношения, препятствует исполнению договорного обязательства или иным образом разрушает обязательственную связь между кредитором и должником, является неправомерным, поскольку нарушает

⁷⁵ Относительно права на судебную защиту третьих лиц примечательна судебная практика Судебной коллегии Верховного суда РФ по делу «Магадан-Тест» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368), в котором третьему лицу удалось взыскать убытки с должника, который ненадлежащим образом исполнил обязательство кредитором. Мотивируя свое решение, суд указал, что третье лицо реализовал право на судебную защиту, так как иной способ защиты не позволит ему компенсировать возникшие убытки по вине должника.

⁷⁶ См.: Грибанов В.П. Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права // Вестник МГУ. Серия «Право». 1968. № 3. Подробнее о допустимости права требования третьих лиц к должнику см. § 2 настоящего исследования.

принцип невмешательства в частные дела (ст. 1 ГК РФ) и причиняет убытки для сторон обязательства.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

В российском законодательстве недостаточно ясно проводится разграничение между понятиями «третье лицо» и «иное лицо». Между тем проведение такого различия необходимо, чтобы определить статус и роль третьего лица в договорном обязательстве.

Из проанализированных подходов к понятию третьего лица представляется наиболее удачной аргументация о необходимости выделения интереса в обязательстве как квалифицирующего признака третьих лиц. Указанный подход позволяет разграничить и подчеркнуть самостоятельность и независимость третьего лица от сторон обязательства, одновременно выделяя его из неопределенной категории иных (других) лиц. Однако определение одного лишь квалифицирующего признака в виде наличия интереса в обязательстве представляется недостаточным.

Наличие или отсутствие интереса является субъективной категорией, которую сложно определить, если условное лицо прямо об этом не заявляет. В этой связи третье лицо становится таковым только в случае, если оно предпринимает конкретные меры по достижению собственного интереса в обязательстве, совершает юридически значимые действия в этой связи. Именно совершение юридически значимого действия третьим лицом позволяет не только идентифицировать его как правомочного субъекта гражданских правоотношений, но и установить волеизъявление, преследующее конкретные интересы в обязательстве.

Поскольку третьи лица преследуют собственные интересы в обязательстве, то основная роль таких лиц в структуре обязательства заключается в оказании влияния на динамику обязательственной правовой связи. Указанное влияние может выражаться в реализации третьим лицом предусмотренных договором или законом

субъективных прав, в том числе в реализации правомочия на защиту (позитивный аспект), а также в совершении противоправных действий против сторон договорного обязательства (негативный аспект).

Таким образом, для квалификации поведения субъекта в чужом договорном обязательстве как юридически значимого или юридически безразличного, необходимо отграничение понятий третьих лиц от иных (других) лиц. Третье лицо – это субъект, который соответствует одновременно трем критериям: а) имеет собственный интерес в чужом договорном обязательстве, б) совершает юридически значимые действия по его удовлетворению, в) не является стороной обязательства. В отличие от третьих лиц, иные (другие) лица не имеют интереса в договорном обязательстве или несмотря на его наличие, не совершают действий по его реализации.

§ 3. Структура договорного обязательства с участием третьего лица

Чтобы установить юридическую природу влияния третьего лица в чужом договорном обязательстве, необходимо проанализировать структуру правовой связи, возникающей в связи с участием третьего лица в чужом договорном обязательстве. Ограничение настоящего правового исследования не позволяет проанализировать все формы участия третьих лиц в обязательстве при всем их многообразии. В связи с этим требуется разработать базовые модели участия третьего лица в обязательстве. Смысл указанных моделей заключается в определении различной роли третьего лица в обязательстве, что подразумевает также и различные правовые последствия для третьего лица.

Представление о структуре договорного обязательства с участием третьего лица может формироваться за счет определения видов такого участия и его общей характеристики. Обязательственное правоотношение представляет взаимную правовую связь нескольких его субъектов, которая состоит из обязательных элементов: субъект, объект, содержание, то есть совокупность субъективных прав и обязанностей⁷⁷. При этом состав и структура обязательственного правоотношения взаимозависимы, поскольку элементы состава, как и в любой системе, должны быть упорядочены или структурированы. Место третьего лица в структуре обязательственного правоотношения определяется его ролью, то есть, как следует из выводов § 2 настоящего диссертационного исследования, формой влияния.

Как видится, существуют две формы влияния третьего лица на договорное обязательство, которые предлагается условно именовать «позитивной» и

⁷⁷ В специальной литературе остается дискуссионным вопрос о составе правоотношения. Подробный обзор правовых позиций см.: Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография. М., 2010 // Режим доступа СПС «КонсультантПлюс». Также см., например: Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 44 – 45; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974; Агарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 19; Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 44.

«негативной». Позитивная форма предполагает, что участие третьего лица в обязательстве основано на охраняемом интересе и поэтому ему предоставляется правовая охрана, а негативная форма предполагает, что интерес третьего лица не признается правом, и поэтому он не охраняется государством, более того, от такого влияния обязательство, представляющее ценность для кредитора и должника, должно быть защищено с помощью правовых способов.

1) *позитивная форма* разделяется на договорную и внедоговорную. *Договорная форма* предполагает предусмотренное договором участие третьего лица, реализация прав и обязанностей которого оказывает воздействие на существующее обязательственное правоотношение между кредитором и должником. Указанное можно проследить в рамках предусмотренных законодательством договорных конструкций, таких как исполнение обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ), договор в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ), где третье лицо имеет возможность приобрести право требования к должнику после совершения юридически значимых действий. Для получения права требования в конструкции договора в пользу третьего лица последнему требуется реализация секундарного права, в случае исполнения обязательства третьим лицом – требуется совершение исполнения вместо должника. При этом переадресация исполнения (ст. 312 ГК РФ) не предполагает участия третьего лица, поскольку в таком случае уполномоченное лицо не соответствует признакам лица, которое имеет самостоятельный интерес в чужом договорном обязательстве и не имеет предусмотренной законом возможности оказывать влияние на договор между кредитором и должником.

Внедоговорная форма в отличие от вышеупомянутой договорной, не основана на условиях договора между должником и кредитором, она не предполагает каких-либо предусмотренных законом прав по отношению к сторонам договорного обязательства. Тем не менее третье лицо путем реализации субъективных прав может оказывать правомерное влияние на чужое обязательство или на сторону чужого обязательства.

Под влиянием в данном случае может пониматься реализация своих прав и обязанностей таким образом, что результат такой реализации имеет отражение в чужих связанных обязательствах. Указанное отражение может предполагать, например, создание новых условий для сторон чужого обязательства, в связи с наступлением которых стороны осуществляют значимые юридические действия. Иными словами, действия третьего лица в рамках своего обязательства могут влиять на связанные с ним чужие обязательства по принципу «домино». Ярким примером этой ситуации является использование модели договора оптовой купли-продажи товара. Покупатель товара – лицо, осуществляющее продажи товаров в розницу, предъявляет к своему продавцу требования в части качества, упаковки и маркировки товара такие, какие предъявляются к нему, как к розничному продавцу законодательством о защите прав потребителей, если в данном договорном обязательстве эти требования не будут исполнены, то покупатель будет привлечен к ответственности в другом договорном обязательстве - с розничным покупателем. Формально говоря, договор оптовой купли-продажи и договор розничной купли-продажи в данном случае не связаны между собой – у них разные субъекты, разный предмет, по-разному осуществляется регулирование этих отношений, однако поведение розничного покупателя влияет на обязанности продавца в договоре оптовой купли-продажи. Упреждая такое влияние, стороны в договор оптовой купли-продажи зачастую включают условия, предусматривающие обязанности продавца принять качественный товар, сданный оптовому покупателю его розничным покупателем, не подошедший ему по размеру, фасону, цвету (ст. 502 ГК РФ), либо по иным причинам, установленным законодательством о защите прав потребителей, несмотря на то, что с точки зрения продавца в договоре оптовой купли-продажи товар соответствует требованиям к качеству, и нет оснований для его замены, и законодательство о защите прав потребителей на эти отношения не распространяется.

К внедоговорной форме влияние следует относить также и реализацию третьим лицом правомочия на защиту своего нарушенного права, которое выражается в

неполучении материального блага вследствие допущенного нарушения договорного обязательства в рамках чужого взаимосвязанного договора. В российской судебной практике складываются предпосылки для развития доктрины взаимосвязанных договоров (*linked contracts*), которая имеет распространенность в западных правовых порядках⁷⁸.

2) *негативная форма*. В отличие от позитивной формы, негативная форма предполагает неправомерное поведение третьего лица по отношению к должнику или кредитору. Под рассматриваемой формой понимается вмешательство или посягательство на чужое договорное обязательство.

Под противоправным вмешательством третьего лица в чужое договорное обязательство понимаются любые действия третьего лица, направленные на реализацию неправомерных интересов в чужих договорах. Третье лицо намеренно разрушает правовую связь между кредитором и должником или оказывает воздействие на чужое обязательство таким образом, чтобы удовлетворить собственный интерес, в то время как стороны этого обязательства утратили правомерные ожидания. Представляется, что интервент (третье лицо) несет или должен нести деликтную ответственность за вторжение в чужие договорные отношения, однако в настоящее время теоретическое обоснование такой ответственности в российской правовой системе вызывает большие вопросы. Основным препятствием к привлечению третьего лица к ответственности является принцип относительности обязательства, одним из проявлений которого является свойство относительного правоотношения, которое может быть нарушено только участником такого правоотношения. В зарубежной доктрине эта проблема находит решение, далее (во второй главе диссертации) будут рассмотрены основные подходы к решению этого противоречия.

⁷⁸ Подробнее о влиянии третьего лица на договорное обязательство см. § 2 главы 2 диссертационного исследования.

На практике понятие вмешательства включает довольно широкий спектр неправомерных действий и предполагает такие случаи, как склонение должника к нарушению договора, воспрепятствование исполнению договора.

Таким образом, классификация упомянутых форм участия третьих лиц в чужом обязательстве основана на способе его воздействия: а) путем законной договорной конструкции, где законодатель наделяет третье лицо конкретными правами в чужом обязательстве; б) путем реализации прав в отношении чужого обязательства или стороны чужого обязательства; в) путем неправомерных действий, направленных на воспрепятствование реализации прав и обязанностей сторон чужого договора.

Объединяющим моментом всех вышеперечисленных форм участия третьего лица является наличие интереса в чужом договоре, или, вернее, в возникновении, изменении и прекращении чужого обязательства. Интерес является тем стимулом, который определяет целесообразность действий третьего лица. Соответственно, действия третьего лица по отношению к кредитору или должнику в большинстве случаев являются осознанными или намеренными.

При всех формах взаимодействия третье лицо по-прежнему находится «за границами» существующего обязательства между кредитором и должником. Даже в случае позитивной формы участия третье лицо может находиться на стороне должника (институт исполнения обязательства третьим лицом ст. 313 ГК РФ) или кредитора (договор в пользу третьего лица ст. 430 ГК РФ), однако это не создает множественность на стороне должника или кредитора. О необходимости разграничения третьего лица от сторон обязательства опять же свидетельствует буквальное толкование п. 3 ст. 308 ГК РФ, которое определила третьих лиц как лиц, не участвующих в обязательстве между кредитором и должником в качестве стороны.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

Влияние третьего лица на договорное обязательство может выражаться в двух формах – путем совершения: а) правомерных и б) противоправных действий, направленных на реализацию собственного интереса в договорном обязательстве.

Исходя из этого предложено различать влияние третьего лица на чужое обязательство в позитивной и негативной форме. Выявление формы влияния третьего лица позволяет разграничить возможные правовые последствия от действий третьих лиц.

Глава 2: Формы влияния третьего лица на договорные обязательства

§ 1. Позитивное влияние третьего лица в рамках договора

Общие положения

Принцип относительности обязательства представляет основу для регулирования отношений кредитора и должника (обязательства), а также устанавливает пределы договорного регулирования для всех иных не участвующих в обязательстве лиц⁷⁹. Принцип имеет двойное значение. С одной стороны, кредитор и должник не могут обязывать третье лицо совершать какие-либо действия без его согласия. С другой стороны, третье лицо не обладает правом требования к должнику в чужом обязательстве в отношении его сторон. Если в первом случае правило является очевидным, поскольку в таком случае пресекается установление обязанностей без волеизъявления или совершения юридических значимых действий субъектами частного права, то во втором случае – законодательством и судебной практикой предусматриваются исключительные случаи. Притом, что таких исключений с развитием коммерческого оборота становится все больше, а значимость третьих лиц, имеющих интерес в обязательстве, лишь возрастает.

Принцип относительности обязательства не может восприниматься безусловно, что третье лицо не может иметь права требования по отношению к сторонам договора. Законодательством предусматриваются конкретные договорные конструкции, посредством которых третье лицо становится активным участником правоотношений

⁷⁹ Принцип относительности обязательства закреплен в п. 3 ст. 308 ГК РФ и толкуется более подробно в доктринальных источниках. См., напр., Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву в 2 томах. Т. 2. М., 2012. С. 27-46; Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2009. С. 609-625; Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2.

с кредитором и должником, которое в зависимости от характера обязательства, может находиться на стороне кредитора или должника.

В рамках настоящего исследования объективно не представляется возможным исследовать все многообразие форм участия третьих лиц в многочисленных видах договоров с участием третьего лица, в частности, в договорах в области обеспечения обязательств, страхования, банковского вклада, доверительного управления. Для достижения целей настоящего исследования представляется целесообразным проанализировать возможности влияния третьих лиц на примере базовых институтов общего обязательственного права, а именно: а) договор в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ); б) принятие исполнения третьим лицом (ст. 312 ГК РФ); в) исполнение обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ).

Предполагается, что в указанных классических конструкциях третье лицо оказывает влияние на основное обязательство путем совершения юридически значимых действий. Совершение действий в виде реализации предусмотренных законом прав позволяет изменять динамику обязательственного правоотношения кредитора и должника.

Влияние третьего лица в договоре в его пользу (ст. 430 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 430 ГК РФ, договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Как видно из приведенного определения, конструкция договора в пользу третьего лица опосредует участие сразу трех субъектов, имеющих между собой правовые связи. Отношения

кредитора (промиссара), должника (промитента) и третьего лица (дестинатария) в литературе иногда именуют как отношения валюты, исполнения и покрытия⁸⁰.

Отношения покрытия подразумевают правовую связь между *кредитором и должником* по договору в пользу третьего лица. Договорное обязательство между кредитором и должником является основным, поскольку именно в рамках такого обязательства обуславливается возможность присоединения к договору третьего лица. Например, кредитор и должник прямо в договоре указывают право конкретного третьего лица заявить права требования к должнику. Надлежащее исполнение обязательства третьему лицу направлено на прекращение основного обязательства между кредитором и должником.

Отношения исполнения предполагают правовую связь между *должником и третьим лицом*. В рассматриваемой договорной конструкции третье лицо вправе обратиться с требованием к должнику, праву корреспондирует обязанность должника осуществить исполнение. Надлежащее исполнение способно прекратить обязательство как перед кредитором, так и перед третьим лицом.

Кредитор и третье лицо состоят в отношениях валюты. На практике отношения валюты являются фактически причиной того, что кредитор и должник договариваются о возможности присоединения к договору третьего лица. Такое решение обусловлено наличием самостоятельных обязательственных или иных отношений между кредитором и третьим лицом, где условный кредитор выступает уже в качестве должника, а третье лицо – кредитором. Чаще всего кредитора с третьим

⁸⁰ Договор в пользу третьего лица рассматривался подробно в дореволюционной юридической литературе Бутовский А.Н. Договоры в пользу третьих лиц // Журнал Министерства юстиции. № 12. 1910; Данилова Е.Н. Ответственность за действия третьих лиц, участвующих в исполнении договора. М., 1913; Дубовицкий Ю. Договоры в пользу третьих лиц // Юридический вестник Московского юридического общества. 1885. № 6 - 7. Современный анализ проблем договора в пользу третьего лица см., напр., Фогельсон Ю.Б., Ефремова М.Д. Договоры в пользу третьего лица: опыт неdogматического исследования. М., 2014; Бибикова Е.В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 12.

лицом связывает самостоятельное обязательство, но это могут быть и иные относительные правоотношения, например, корпоративные, родительские, брачные и пр. Закон не устанавливает перечня отношений, связывающих кредитора и третьего лица, встает вопрос, является ли юридически значимым выявление природы этих отношений в каждом конкретном случае заключения договора в пользу третьего лица. В некоторых случаях, когда между кредитором и третьим лицом существовало обязательство, надлежащее исполнение обязательства должником в рамках договора в пользу третьего лица способно прекратить обязательство между кредитором и третьим лицом.

Договор в пользу третьего лица предполагает наличие трех взаимосвязанных правоотношений, исполнение по которым в отдельных случаях способно оказывать воздействие на динамику каждого из них.

Поскольку в рассматриваемой договорной конструкции третье лицо выступает непосредственно в отношениях исполнения и валюты, то для того, чтобы определить значение влияния третьего лица на отношения покрытия между кредитором и должником следует определить:

- а)** правовую природу требования третьего лица к должнику (отношения исполнения);
- б)** соотношение прав требования кредитора и третьего лица (отношения валюты).

Для определения правовой природы требования третьего лица к должнику важное значение имеет выявление момента, когда такое требование возникает: с момента возникновения самого договорного обязательства или с момента совершения отдельного волеизъявления третьим лицом о своем праве к должнику. Если исходить из того, что право требования третьего лица существует изначально с момента возникновения самого договорного обязательства, то третье лицо выступает в качестве кредитора.

Исходя из этого в научной литературе существует правовая позиция, согласно которой третье лицо приобретает право требования без какого-либо волеизъявления, изначально может требовать исполнения со стороны должника чужого обязательства⁸¹. В.И. Серебровский, уделивший большое место проблеме договора в пользу третьего лица в рамках исследований в области страхового права, усматривал отличительную черту этого договора в том, что третье лицо становится обладателем права требования независимо от факта своего волеизъявления⁸². В его работах указывается, что право, которое приобретает выгодоприобретатель (третье лицо), является его самостоятельным правом. Для его приобретения не требуется формального изъявления воли со стороны выгодоприобретателя.

Сходным образом рассуждал и И.Б. Новицкий, который обращал внимание, что закон не требует специального выражения воли третьего лица о присоединении к заключенному договору. Третье лицо уже с момента заключения договора получает право требовать исполнения должником⁸³.

Особенное значение в этой связи имели прежние нормы ГК РСФСР, действующие в период существования советского государства. Например, в силу ст. 167 ГК РСФСР, утв. ВС РСФСР 11.06.1964, которая действовала в отношении конструкции договора в пользу третьего лица, где прямо указано, что исполнение договора в пользу третьего лица может требовать как кредитор, так и само третье лицо.

Согласно иной точке зрения в научной литературе право требования у третьего лица возникает не ранее, чем с момента волеизъявления самого третьего лица. При

⁸¹ См., например, Тарасенко Ю.А. Договор в пользу третьих лиц: особенности правовой конструкции // Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2008. С. 298 - 309. Кисель И.В. Обязательства с участием третьих лиц: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2002. С. 17.

⁸² См.: Серебровский В.И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица. 1948. С. 33.

⁸³ См.: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. 1950. С. 141.

этом правовая природа волеизъявления третьего лица имеет разное понимание в доктрине.

Г.Ф. Шершеневич указывает, что для третьего лица воля контрагентов является субъективной до тех пор, пока они не дали понять ему (третьему лицу) о своей воле. До этого момента воля сторон основного обязательства не может иметь для него юридического значения⁸⁴. Следовательно, ученый приходит к выводу, что условием приобретения третьим лицом права требования к должнику в чужом обязательстве является согласие самого третьего лица. В поддержку указанной позиции высказывается К.П. Победоносцев, который также отметил, что право третьего лица считается приобретенным с того времени, когда оно заявит об этом сторонам обязательства, то есть согласится на принятие этого права⁸⁵. Д.И. Мейер указывал, что третье лицо приобретает право из такого договора с момента вступления в него⁸⁶. Аналогичная правовая логика присутствует и в работе М.И. Брагинского⁸⁷.

Наибольший интерес представляет научная позиция А.М. Гуляева, который прямо указывал, что в договорной конструкции в пользу третьего лица до момента волеизъявления последним о праве требования между должником и третьим лицом существуют отношения *связанности*⁸⁸. В данном случае ученым признается, что никакой полноценной взаимосвязи «требование-обязанность» в отношениях между третьим лицом и должником нет. Однако у третьего лица имеется неполноценное

⁸⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1912. С. 520.

⁸⁵ См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М.: статут, 2003. С. 264.

⁸⁶ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1864. С. 398-400.

⁸⁷ См.: Брагинский М.И. Влияние действий третьих лиц на социалистическое гражданское право. С. 133. Цит. по: Ландкоф С.Н. Основы гражданского права. С. 181.

⁸⁸ См.: Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб., 1912. С. 238.

секундарное право, которое возникает с начала действия договора. Подобные условия «ожидания» именуется как отношения «связанности»⁸⁹.

Упомянутая позиция по отношению к толкованию правомочий третьего лица гармонично согласуется с современной позицией законодателя и правоприменителя⁹⁰. Так, в силу п. 2 ст. 430 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица. Правовая норма является диспозитивной, то есть стороны основного обязательства могут предусмотреть изначально, что третье лицо приобретает субъективное право с момента заключения основного обязательства, однако законодатель все же исходит из презумпции отсутствия согласия третьего лица на «вступление в договор»⁹¹.

Субъективное право третьего лица, которое выражается в требовании исполнения предмета обязательства должником, возникает при наличии совокупности юридических фактов: 1) заключение договора в пользу третьего лица; 2) волеизъявление третьего лица на принятие исполнения. Субъективное право образуется лишь при одновременном возникновении вышеуказанных фактов. Соответственно, волеизъявление третьего лица на принятие исполнения не обязывает должника, если условия по основному договорному обязательству не предполагают упоминания конструкции договора в пользу третьего лица. Равно как и отсутствие

⁸⁹ Подробнее о правовой природе секундарных прав см.: Зеккель М. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 204 – 252. Также см.: Лассен Т. Преобразовательные права (Gestaltungsrechte) по немецкому праву // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 139 – 168.

⁹⁰ В найденной судебной практике суды также указывают, что с момента заключения договора в пользу третьего лица, последний приобретает лишь секундарное право, которое необходимо реализовать. См. постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2017 по делу № А57-3529/2017.

⁹¹ См.: Илюшина М.Н. Конструкция договора в пользу третьего лица в новеллах ГК РФ // Юстиция. 2017. № 4. С. 5 - 10.

волеизъявления третьего лица не обязывает должника к исполнению в пользу третьего лица или не препятствует согласованию изменения договора его сторонами.

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод, что право третьего лица требовать исполнения от должника не является безусловным, поскольку перед этим требуется своего рода «трансформация» обязательственного правоотношения, которая запускается путем отдельного волеизъявления третьего лица. После совершения волеизъявления третьим лицом изначальные правоотношения между кредитором и должником претерпевают изменения: обязательственная связь возникает между третьим лицом (новым кредитором) и должником.

Понятно, что на практике третье лицо не совершает какого-то отдельного «уведомления», что он готов принять исполнение должника. Чаще всего трансформация договорного правоотношения наступает вместе с требованием третьего лица, заявленным должнику. Однако до указанного момента трансформации должник выступает обязанным перед кредитором, а не должником.

Соответственно, влияние третьего лица в договорной конструкции в пользу третьего лица выражается в реализации таким лицом предусмотренного законом или договором секундарного права, которое преобразует отношения между третьим лицом и должником в обязательственные.

Поскольку третье лицо получает самостоятельное право требования к должнику в результате реализации секундарного права, то следует определить в таком случае, в чем заключается соотношение правового статуса третьего лица и кредитора в исследуемых договорных конструкциях.

В специальной литературе распространена позиция о невозможности трактовки договора в пользу третьего лица как множественности на стороне кредитора. М.И. Брагинский указывает, что выражение третьим лицом согласия на вступление в договор не превращает его в обязательство со множественностью лиц на стороне кредитора, поскольку «в виде общего правила ни одна из известных гражданскому

праву моделей такой множественности - солидарные, субсидиарные или долевые кредиторы - здесь, опять-таки по общему правилу, не используется...»⁹².

С.В. Сарбаш со ссылкой на судебную практику также подтверждает собственную позицию, что участие третьего лица в обязательстве не предполагает наличие множественности⁹³.

Несмотря на то, что третье лицо выступает «на стороне» кредитора, так как имеет право требования к должнику, указанное не означает, что на стороне кредитора образуется множественность. Третье лицо является самостоятельным участником обязательственных отношений, которое имеет «специальные» права и обязанности, реализация которых необходима для защиты собственного интереса в обязательстве.

Из буквального толкования ст. 321 ГК РФ следует, что множественность кредиторов предполагает по общему правилу их равенство в правах и обязанностях. Для субординации требований к должникам кредиторы могут заключить соглашение о порядке удовлетворения их требований (ст. 309.1 ГК РФ).

Между тем договорные конструкции с участием третьих лиц, как правило, предполагают иную совокупность субъективных прав и обязанностей третьего лица. Договор в пользу третьего лица не является исключением.

Во-первых, третье лицо изначально не имеет субъективного права требования к должнику в отличии от кредитора. Должник не обязан исполнять обязательство по договору в пользу третьего лица до момента его волеизъявления. В результате изъявления согласия третьим лицом, кредитор ограничивается в правах по договору, он не вправе не только предъявить требование к должнику, но и не может реализовать производные договорные права, например, изменить или расторгнуть заключенный

⁹² См.: Брагинский М.И. Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М., 2001. С. 246 (автор главы М.И. Брагинский).

⁹³ См.: Сарбаш С.В. Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. М., 2004. С. 7-8.

договор. Реализация субъективных прав кредитором фактически поставлена в зависимость от действий третьего лица.

Во-вторых, кредитор не может предъявить требование к должнику до момента отказа от такого права третьим лицом. Несмотря на то, что кредитор состоит в обязательственном правоотношении с должником, он не вправе реализовать свое субъективное право требования, находясь в состоянии ожидания. Отказ от права третьего лица отменяет состояние ожидания у кредитора, возобновляя валидность его права требования к должнику. Следовательно, рассматриваемая договорная конструкция предлагает «альтернативное» право требования или кредитора, или третьего лица. Одновременное заявление одно и того же требования со стороны кредитора или третьего лица к должнику невозможно и противоречит смыслу договорной конструкции в пользу третьего лица⁹⁴.

В-третьих, выбор договорной конструкции в пользу третьего лица обусловлен наличием так называемых отношений валюты между третьим лицом и кредитором. Для того, чтобы исполнить собственное обязательство, условный кредитор гарантирует право требования третьему лицу в договорных правоотношениях с должником. Исполнение обязательства должником по требованию третьего лица фактически означает трансформацию правоотношений между кредитором и третьим лицом: обязательство также считается исполненным.

⁹⁴ Указанный довод актуален с примерами классической конструкции договора в пользу третьего лица. При этом в гражданском законодательстве установлено иное регулирование в отношении отдельных случаев рассматриваемой договорной конструкции. Так, в случае открытия банковского вклада в пользу третьего лица на основании п. 2 ст. 842 ГК РФ до момента получения банком волеизъявления destinatария на вступление в права по договору полноценным кредитором банка является именно промиссар. Отсутствие согласия destinatария не мешает промиссару реализовывать права и обязанности по договору банковского вклада.

Между тем по общему правилу ст. 321 ГК РФ множественность на стороне кредиторов не предполагает никакой иерархии или упорядоченности в правах требования к должнику⁹⁵:

- все кредиторы имеют субъективное право требования к должнику, которое они вправе заявить;
- кредитор является стороной обязательства, волеизъявление кредитора не зависит от действий иного кредитора, а до момента востребования исполнения их субъективное право требования остается неизменным;
- отношения между самими кредиторами юридически безразличны для их правоотношения с должником. Их прекращение или изменение не влияет на их субъективные права требования к должнику.

Таким образом, требования третьего лица и кредитора в конструкции договора в пользу третьего лица не образуют множественности на стороне кредитора. Отношения исполнения и покрытия представляют два разных правоотношения, которые изменяются в зависимости от действия третьего лица. Отказ от права третьим лицом фактически возобновляет право требования кредитора к должнику. Волеизъявление о намерении принять исполнение от должника, напротив, ограничивает в правах и кредитора, и должника в изменении или прекращении договорного обязательства. Рассматриваемая договорная конструкция представляет собой механизм взаимозаменяемости требований кредитора и третьего лица.

Данный вывод позволяет обосновать:

⁹⁵ Необходимо отметить, что нижеприведенные доводы свойственны к активной множественности по общему правилу ст. 321 ГК РФ. При этом существуют примеры, когда отношения множественности на стороне кредиторов могут регулироваться отдельными соглашениями. Примером такого соглашения является, например, договор синдицированного кредита, где должник привлекает финансирование множества банков. С целью гарантий собственных интересов в правоотношении с должником, банки как кредиторы стремятся упорядочивать отношения между собой.

а) самостоятельный правовой статус третьего лица, как субъекта, который имеет интерес в чужом договорном обязательстве и реализует свое право с целью защиты своего интереса в отношениях покрытия. В отличие от кредитора третье лицо имеет секундарное право на присоединение к договору, а после его реализации третье лицо приобретает право требования к должнику. В данном случае для третьего лица интерес представляет предмет исполнения от должника, который он может получить вместо кредитора.

б) отсутствие правовой возможности у кредитора реализовывать права по договору вместо третьего лица, поскольку такой кредитор не является участником отношений исполнения. Поскольку статус кредитора и третьего лица не является идентичным, не предполагает возникновение активной множественности, третье лицо реализует права в рамках отношений исполнения с должником независимо от кредитора и в своих интересах. Следовательно, кредитор не может обратиться с требованием к должнику в интересах третьего лица, если только такой кредитор не действует как поверенный в отношениях поручения с третьим лицом. Право, выговоренное для третьего лица, возвращается кредитору только при отказе третьего лица от реализации этого права (п. 4 ст. 430 ГК РФ).

Указанные признаки позволяют проводить принципиальное различие между договорными конструкциями в пользу третьего лица и исполнения уполномоченному лицу (ст. 312 ГК РФ).

О правовом статусе лица, принимающего исполнение обязательства

Согласно положениям ст. 312 ГК РФ обязательство может быть исполнено третьему лицу в силу условий договора между кредитором и должником или по указанию кредитора.

Из толкования положений п. 1 ст. 312 ГК РФ лицо, принимающее исполнение обязательства от должника, не имеет права требования к должнику. В доктрине и в

судебной практике в указанном усматривается принципиальное различие института переадресации исполнения и договора в пользу третьего лица⁹⁶.

При этом в научных исследованиях утверждается, что лицо принимающее исполнение обязательства является третьим лицом. Определяя третьих лиц как субъектов, имеющих юридическую связь с кредитором или должником, М.И. Брагинский указывает, что на активной стороне кредитора участие третьего лица проявляется при принятии исполнения вместо кредитора и переадресации исполнения⁹⁷. Участие «третьего лица» в ситуациях переадресации исполнения подчеркивают, например, и М.К. Сулейменов⁹⁸, М.К. Мильков⁹⁹, А.Ю. Чурилов¹⁰⁰.

На наш взгляд, так называемая переадресация исполнения предполагает отношения представительства интересов кредитора, а не участие третьего лица. В этом случае выгодоприобретатель не является третьим лицом, в том значении в котором оно обозначено в главе 1 настоящего исследования.

Как уже указывалось ранее третье лицо отличает не просто приобретение таким лицом какого-либо экономического блага в рамках правоотношения с кредитором или должником, а именно возможность активного воздействия на чужие договорные отношения. Такое воздействие может выражаться в виде реализации субъективных

⁹⁶ Так, в судебной практике возможность предъявления требования к должнику указывается как квалифицирующий признак договорной конструкции в пользу третьего лица см. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.06.2010 № 2410/10 по делу № А53-7183/09. Дело примечательно тем, что ВАС РФ объективно оценивает условия заключенного договора и приходит к выводу, что поскольку выгодоприобретатель не имеет права требования к должнику, соответственно, то к правоотношениям применимы положения ст. 312 ГК РФ (исполнение обязательства третьему лицу), а не ст. 430 ГК РФ. (исполнение в пользу третьего лица). Также см.: Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М., 2005. С. 197 – 201.

⁹⁷ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1998. С. 291 (автор главы - М.И. Брагинский).

⁹⁸ См.: Сулейменов М.К. Третьи лица в гражданском праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 127.

⁹⁹ См.: Мильков М.А. Исполнение обязательства третьему лицу // Закон. 2012. № 7. С. 132 - 137.

¹⁰⁰ См.: Чурилов А.Ю. Указ. соч. С. 47.

или секундарных прав, то есть в совершении юридически значимых действий по защите собственного интереса в чужом договорном обязательстве.

Представитель, который уполномочен в получении исполнения от должника, не может считаться третьим лицом, поскольку он не имеет собственного интереса в чужом договорном обязательстве и не совершает действий по защите своего интереса. Как известно, представитель действует в интересах представляемого в рамках предоставленных полномочий¹⁰¹.

В рамках настоящего исследования не представляется возможным подробным образом проанализировать институт представительства в отечественном гражданском праве, равно как и выявить его сущность и функцию. В дальнейшем анализе автор исследования полагается на позицию, которая находит поддержку в большинстве работ ученых и специалистов в упомянутой тематике¹⁰². Значением института представительства является именно юридическое «поглощение» личности представителя представляемым, и как следствие, действие представителя исключительно в чужих интересах.

¹⁰¹ При этом нельзя не упомянуть дискуссионность отношений представительства между кредитором и лицом, принимающим исполнение по его указанию. Так, со ссылкой на иностранные источники Ю.В. Байгушева указывает, что представительство не следует смешивать с заключением лицом сделки в осуществление принадлежащего ему *уполномочия*. По смыслу ст. 312 ГК РФ предполагает наделение кредитором уполномочием к получению. См.: Байгушева Ю.В. Сущность представительства // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2009. Вып. 16. С. 66-67. Однако упомянутый автор не исследовал применимость указанных выводов к российской правовой действительности с учетом положений ст. 182 ГК РФ, где прямо указано, что представитель совершает сделки в силу предоставленного *полномочия*.

¹⁰² Подробнее о сущности института представительства см., например, Невзгодина Е.Л. Представительство по советскому гражданскому праву. Томск, 1980. Также см.: Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М., 1878. Также см.: Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М., 2000. Также см.: Казанцев Л. Учение о представительстве в гражданском праве. Ярославль, 1878. Также см.: Рясенцев В.А. Представительство в советском гражданском праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1948.

Так, Л. Казанцев указывал, что представительство является «заступлением» одного лица другим перед третьим¹⁰³. По мнению Н.О. Нерсесова представитель юридически заменяет личность представляемого в имущественном обороте¹⁰⁴.

С учетом вышеизложенного участие представителя кредитора в принятии исполнения (ст. 312 ГК РФ) в любом случае обусловлено наличием соответствующего полномочия представителя, реализация которого осуществляется в интересах кредитора. В свою очередь, интерес кредитора выражается в двух формах: с одной стороны, кредитор заинтересован в исполнении обязательства должником, с другой – в погашении собственного обязательства, где уже он, будучи должником, стремится погасить долг перед своим контрагентом (принимая исполнение по смыслу ст. 312 ГК РФ).

В этой связи можно согласиться с утверждением С.В. Сарбаша, который отмечает, что принятие исполнения третьим лицом вместо кредитора во всех случаях будет иметь элементы представительства, поскольку такое лицо должно быть уполномочено, т. е. иметь соответствующие полномочия (п. 1 ст. 182 ГК РФ)¹⁰⁵. Действительно, независимо от того, какая форма выражения полномочия используется кредитором и должником (путем выдачи доверенности (п. 3 ст. 185 ГК РФ) или договором (п. 4 ст. 185 ГК РФ), суть заключается в том, что лицо, принимающее исполнение, в первую очередь, действует как уполномоченный представитель в интересах представляемого кредитора. Принятие таким лицом исполнения должника приравнивается к принятию его самим кредитором.

Отсутствие полномочий лица, которое получило исполнение должника вместо кредитора выходит за рамки регулирования ст. 312 ГК РФ. В таком случае обязательство не считается надлежаще исполненным кредитором, риски неисполнения

¹⁰³ См.: Казанцев Л. Указ соч. С. 40.

¹⁰⁴ См.: Нерсесов С.О. Указ соч. С. 27.

¹⁰⁵ См.: Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства третьим лицом. М., 2003. С. 29. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

обязательства несет должник, а на стороне адресата такого исполнения возникает неосновательное обогащение (ст. 1102 ГК РФ). Однако в случае последующего одобрения кредитором полномочий представителя к принятию исполнения неосновательное обогащение исключается, кредитор фактически признает надлежащее исполнение со стороны должника. Применительно к последующему одобрению кредитором действий возможно применение положений ст. 183 ГК РФ («Заключение сделки неуполномоченным лицом») по принципу юридической аналогии.

Исходя из вышеуказанного необходимо обозначить следующее.

Если представитель имеет собственный интерес в совершении сделки, то есть своим волеизъявлением лицо защищает свое субъективное право, то в таком случае лицо является третьим лицом. Такие случаи возможны, например, при исполнении обязательства вместо должника в условиях утраты имущества (ст. 313 ГК РФ) или при ведении чужих дел без поручения (ст. 980 ГК РФ). В таких случаях лицо не «замещает» представляемого, а действует как самостоятельный участник правоотношений.

Когда лицо не обладает интересом в чужом обязательстве, действует в рамках полномочий, то оно не может именоваться как третье лицо, поскольку в этом значении фигура представителя поглощается представляемой стороной. Лицо, выступающее по доверенности от имени и в интересах другого, не имеет значимости для правоотношений кредитора и должника, тем более не способно оказывать правовое влияние на стороны обязательства.

В ситуации, когда лицо действует за рамками выданных полномочий, его действия рассматриваются как совершенные в своем интересе и от своего лица, что уже не позволяет утверждать об отношениях представительства.

Лицо, которое принимает исполнение от должника по смыслу ст. 312 ГК РФ наиболее верно именовать как представитель кредитора – лицо, имеющее экономическую функцию в приобретении экономического блага в интересах

кредитора. На практике механизм ст. 312 ГК РФ используется кредитором в качестве оптимизации движения экономического блага к конкретному адресату. Для того, чтобы как можно скорее исполнить параллельные обязательства со своей стороны контрагент договорного обязательства «перенаправляет» исполнение в адрес собственного кредитора.

Представитель кредитора не имеет возможностей правового воздействия на должника, поскольку по смыслу ст. 312 ГК РФ он не имеет субъективных прав требования к должнику. Упомянутых ранее правоотношений исполнения, как это реализуется в договоре в пользу третьего лица, между представителем кредитора и должником не возникает. В случае передачи предмета исполнения должником, обязательство считается исполненным именно перед кредитором (ст. 312 ГК РФ), а не перед третьим лицом (ст. 430 ГК РФ).

Поскольку правоотношения между представителем и должником отсутствуют, то единственным обязанным лицом перед представителем является его представляемый в рамках отношений валюты. В таком случае ненадлежащее исполнение обязательства должником фактически означает неисполнение обязательства и самого кредитора в отношениях валюты. Правонарушение должника по исполнению обязательства имеет изначально юридическое значение для правоотношений покрытия (между кредитором и должником), а потом, как следствие, и в отношениях валюты (между кредитором и его «представителем»).

С целью подтверждения вышеуказанного с практической точки зрения думается необходимым экстраполировать полученные теоретические выводы в отношении институтов договора в пользу третьего лица и исполнения третьим лицом на классические для доктрины случаи грузоперевозки и получения товара получателем по отгрузочной разрядки.

О правовом статусе грузополучателя в рамках договора перевозки

По договору перевозки груза (ст. 785 ГК РФ) перевозчик обязуется в сохранности доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и

выдать его управомоченному на получение груза лицу (грузополучателю). Грузоотправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату.

По смыслу ст. 785 ГК РФ предполагаются две модели перевозки груза с различным субъектным составом. Первая модель предполагает совпадение грузополучателя и грузоотправителя в одном лице, в таком случае управомоченным лицом является представитель грузоотправителя. Вторая модель подразумевает независимого третьего лица (грузополучателя). Такое лицо, например, может иметь отдельные договорные обязательства с грузоотправителем, который отправляя товар по адресу управомоченного лица через перевозчика, фактически исполняет обязанность по передаче товара.

При этом в отечественной доктрине вопрос о том, является ли грузополучатель стороной договора перевозки остается дискуссионным. В частности, В.А. Егиазаров утверждает, что рассматриваемый договор является трехсторонним, поскольку волеизъявления участников договора перевозки совпадают по своему характеру и направлены на достижение единой цели – исполнение обязательства¹⁰⁶. При этом указанная позиция подвергалась критике в доктрине, уже утверждалось, что грузополучатель не является стороной договора, поскольку он не участвует в заключении договора перевозки¹⁰⁷.

Действительно, если исходить из буквального толкования ст. 785 ГК РФ предмет договора не предполагает каких-либо прав и обязанностей грузополучателя. Последний не является обязанным лицом ни перед грузоотправителем, ни перед

¹⁰⁶ См.: Егиазаров В.А. Транспортное право: Учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 65-73. Аналогичную позицию о том, что грузополучатель является особой стороной договора перевозки см.: Тарасов М.А. Очерки транспортного права. С. 98 – 99. Также см.: Аллахвердов М.А., Савичев Г.П. Договоры о перевозках грузов. М., 1967. С. 114-115.

¹⁰⁷ См.: Пугинский Б.И. Коммерческое право России: Учеб. 2-е изд. М., 2007. С. 273. Также см.: Лончакова Ю.А. Договор автомобильной перевозки грузов в системе транспортных договоров: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 62. Также см.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 410 (автор главы – В.В. Витрянский), также см.: Морозов С.Ю. Транспортное право: Учеб. пособие. М., 2010. С. 119 - 120.

перевозчиком. Поэтому непринятие груза получателем не влечет какие-либо негативные правовые последствия по договору перевозки. Указанный договор является надлежаще исполненным перевозчиком, если последний обеспечил сохранность груза.

Значение перевозки заключается скорее не в передаче товара, как это реализуется продавцом в пользу покупателя в рамках договора купли-продажи, а в его перемещении с обеспечением сохранности. В этой связи неслучайны разъяснения Верховного суда РФ, который отдельно подчеркивает, что если обязанность должника заключается не в *сохранной транспортировке* груза, то положения ГК РФ о перевозке к отношениям неприменимы¹⁰⁸.

Думается, что фигура грузополучателя не имеет никакого значения с точки зрения исполнения перевозчиком обязанности переместить груз в сохранности. Поскольку транспортировка груза находится в сфере ответственности в рамках отдельного договора поставки, то и все риски, связанные с перемещением груза, он также несет как должник по договору поставки. При этом договоры поставки и перевозки подразумевают два различных по субъектному составу правоотношения. Поэтому рассмотрение грузополучателя как стороны договорного обязательства между перевозчиком и грузоотправителем представляется необоснованным.

¹⁰⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции». П. 19. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что наиболее обоснована доктринальная позиция, что договор перевозки является двусторонним договором, но заключенным в пользу третьего лица¹⁰⁹.

При это основным доводом против квалификации договора перевозки в качестве договора в пользу третьего лица является наличие у грузополучателя (третьего лица) различных обязанностей, устанавливаемых специальными законами.

В частности, на грузополучателя в силу закона возложены следующие обязанности:

1. по принятию груза от перевозчика (ст. 36 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (далее по тексту – УЖТ РФ), ст. 15 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (далее по тексту – УАТ РФ), ст. 79 Федерального закона от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» (далее по тексту – КВВТ РФ), ст. 111 Федерального закона от 19 марта 1993 № 60-ФЗ «Воздушный кодекс Российской Федерации» (далее по тексту – ВК РФ);
2. по выгрузке груза с транспорта перевозчика в соответствующие сроки (п. 3 ст. 791 ГК РФ, ч. 8 ст. 11 УАТ РФ);
3. по оплате перевозки в случаях ее неоплаты или частичной оплаты со стороны грузоотправителя (ст. ст. 30, 36 УЖТ РФ, ч. 1 ст. 160 КТМ РФ);

¹⁰⁹ См.: Витрянский В.В. Договор перевозки. М., 2001. С. 287; Черепяхин Б.Б. Ответственность грузоотправителя по договору перевозки. Иркутск, 1927. С. 7; Изволинский В.Н. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. М., 1951. С. 40; Хаскельберг Б.Л. Обязательство железнодорожной перевозки груза по советскому праву. С. 20; Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975 . С. 561 – 563; Шматов М.А. Грузополучатель - третье лицо в договоре перевозки груза // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 19 - 21. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

4. по внесению платы за пользование путями общего пользования в случае отказа от приема порожних грузовых вагонов по причинам, зависящим от отправителя (ч. 14 ст. 39 УЖТ РФ).
5. по очистке вагонов, контейнеров, транспортных средств (ст. 44 УЖТ РФ, ст. 17 УАТ РФ).

В случае неисполнения обязанностей грузополучателем специальным законодательством устанавливаются следующие меры ответственности:

1. удержание груза до оплаты причитающихся перевозчику сумм (ч. 2 ст. 160 КТМ РФ, ч. 8 ст. 79 КВВТ РФ);
2. взыскание штрафа за задержку (простой) транспортных средств, поданных под выгрузку (ч. 4 ст. 35 УАТ РФ, ст. ст. 99, 100, 101 УЖТ РФ).

В.А. Егиазаров, не соглашаясь с тем, что договор перевозки соответствует договорной конструкции в пользу третьего лица, указывает, что поскольку грузополучатель несет вышеупомянутые обязанности, то положения ст. 430 ГК РФ к договору не применимы. По мнению упомянутого автора, договорная конструкция в пользу третьего лица предполагает наделение такого лица лишь правами, а не обязанностями. С указанными выводами нельзя согласиться.

Во-первых, договор в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) является договорной конструкцией обязательственного права, значение которой в признании законодателем возможности сторонам договора предусмотреть право требования для третьего лица, тем самым, исключая применимость принципа относительности договорного обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Третье лицо, не являясь стороной договорного обязательства, приобретает изначально секундарное право, после реализации которого, приобретает право требования к должнику.

Подобно тому, как это реализуется в договоре в пользу третьего лица, договор перевозки предполагает отношения связанности перевозчика и грузополучателя. Действия по приемке груза получателем означает намерение такого лица воспользоваться своим правом по договору перевозки. Именно с этого момента у

грузоотправителя прекращается возможность распоряжения грузом, в том числе перенаправления груза иным адресатам¹¹⁰. В конструкции договора в пользу третьего лица происходит аналогичное замещение кредитора третьим лицом.

Намеренное и необоснованное уклонение третьего лица от приемки груза свидетельствует о фактическом отказе грузополучателя от реализации права. В таком случае грузоотправитель вновь приобретает право распоряжения грузами. С целью сохранения груза он также может получить исполнение перевозчика в свою пользу или переадресовать иным лицам - грузополучателям¹¹¹.

Во-вторых, упомянутая *обязанность* получателя в приемке товаров не является обязанностью по договору перевозки (ст. 36 УЖТ РФ, ст. 15 УАТ РФ, ст. 79 КВВТ РФ, ст. 110 ВК РФ). Обязанность получателя груза по приемке груза следует из прямого указания специальных законов, а не из договора перевозки. Публичный характер обязанности грузополучателя также объясняет невозможность требования перевозчика или грузоотправителя понудить грузополучателя принять груз¹¹².

Императивное регулирование поведения участников грузоперевозки, в том числе путем регламентации обязанностей грузополучателя, необходимо для обеспечения безопасности всех иных лиц, участвующих в транспортной системе, обеспечения единого технологического процесса работы железнодорожных, автомобильных, морских путей и станций примыкания. Действительно, во избежание транспортных коллапсов, влекущих экономические убытки для всех без исключения участников торговли, регулирование отношений перевозок не может ограничиваться

¹¹⁰ См., напр., ст. 149 КТМ РФ.

¹¹¹ См., напр., ст. 36 УЖТ РФ, п. 3 ст. 15 УАТ РФ.

¹¹² Необходимо отметить, что чаще всего отказ грузополучателя в приемке груза возможен лишь в том случае, когда качество груза вследствие повреждения или порчи при перевозке изменилось настолько, что исключается возможность полного или частичного его использования по назначению см., напр., п. 5 ст. 79 КВТ РФ, п. 2 ст. 15 УАТ, п. 2 ст. 111 ВК РФ. При этом ст. 36 УЖТ РФ устанавливаются иные причины в приемке груза для получателей.

договором. В связи с этим неизбежно наложение законных обязанностей как на сторон договора, так и на любых третьих лиц, включая грузополучателей.

Внедоговорная природа обязанностей грузополучателя подтверждается также тем, что меры ответственности, которые применяются к грузополучателю в виде взысканий в пользу перевозчика, носят исключительно штрафной характер. Например, в силу абз. 2 ст. 103 УЖТ РФ в случае неисполнения обязанности по очистке вагонов со стороны грузополучателя, последний уплачивает перевозчику штраф в размере сорока пяти базовых размеров исчисления сборов и штрафов за вагон.

В-третьих, грузополучатель всегда имеет интерес в договоре перевозки, так как условия такого договора фактически определяют возможность такого лица получить исполнение от перевозчика.

Как известно, перевозчик вправе возражать против требования грузополучателя с учетом условий договора перевозки (транспортной накладной). Несмотря на то, что грузополучатель не заключает договор перевозки, он должен руководствоваться теми условиями, которые установили грузоотправитель и перевозчик. Аналогичные положения устанавливаются в п. 3 ст. 430 ГК РФ, где должник в договоре (то есть в данном случае перевозчик) вправе выдвигать против требования третьего лица (то есть грузополучателя) возражения, которые он мог бы выдвинуть против кредитора (то есть грузоотправителя).

Указанное также подтверждается в практических ситуациях, когда перевозчики возражают против требований грузополучателей относительно нарушения срока перевозки груза. Как известно срок перевозки устанавливается грузоотправителем, информация о котором фиксируется в транспортной накладной, подтверждающей заключение договора перевозки. Например, согласно статье 33 УЖТ РФ грузы считаются доставленными в срок, если до истечения срока доставки, указанного в транспортной железнодорожной накладной, перевозчик обеспечил выгрузку грузов. Следовательно, для целей установления факта просрочки исполнения обязательств

перевозчиком и начисления пени грузополучатель должен руководствоваться указанной транспортной накладной¹¹³.

Из вышеуказанного следует, что договор перевозки имеет признаки договорной конструкции в пользу третьего лица, в связи с чем, представляется возможным применение положений ст. 430 ГК РФ также и к отношениям перевозки. Более того, аналогичный подход в квалификации договора перевозки как договора в пользу третьего лица подтверждается в многочисленной судебной практике¹¹⁴.

Таким образом, грузополучатель является третьим лицом, интерес которого заключается в получении груза от перевозчика в сохранности и в пригодном для использования состоянии. Несмотря на то, что грузополучатель не является стороной договора перевозки, он способен оказывать влияние на договорное обязательство, путем реализации секундарного права и предъявления требования об исполнении к перевозчику. Требование грузополучателя как третьего лица замещает требование первоначального кредитора – грузоотправителя до момента полного исполнения обязательства перевозчиком или отказа от исполнения в предусмотренных договором или законом случаях.

¹¹³ Аналогичные обстоятельства дела были рассмотрены Арбитражным судом Московского округа, где кассационный суд применил положения о договоре в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) к отношениям перевозки. Суд указал, что у перевозчика перед грузополучателем возникли обязательства по доставке грузов в сроки, установленные в накладной. В накладной установлен договорный срок с конкретной датой исполнения. Груз доставлен в пределах договорного срока, то есть до истечения даты, указанной в графе накладной «срок доставки истекает». Таким образом, обязательство перевозчика по своевременной доставке является исполненным. См. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2021 по делу № А40-155071/2020. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.05.2022 № 09АП-24117/2022-ГК по делу № А40-281561/2021; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2022 № 09АП-87826/2021 по делу № А40-186560/202; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2021 № 09АП-43487/2021 по делу № А40-261938/2020. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

О правовой природе исполнения иному лицу в соответствии с отгрузочной разнарядкой покупателя

В коммерческой практике распространены ситуации, когда покупатель по договору поставки вправе указать иного адресата исполнения – получателя. С этой целью покупатель составляет отгрузочную разнарядку для поставщика, передача товаров осуществляется поставщиком получателем, указанным в отгрузочной разнарядке (п. 2 ст. 509 ГК РФ).

Проблема буквального толкования гл. 30 ГК РФ выражается в том, что законодатель при упоминании покупателя также указывает в скобках и на получателя товара. Это создает видимость того, что покупатель и получатель товара являются одним и тем же лицом, с одними и теми же правами и обязанностями. Например, В.В. Кулаков также обращает внимание на акценты законодателя в этом ключе, указывая, что «ГК РФ практически ставит покупателя и получателя в равное положение перед поставщиком», так как «об этом свидетельствует формулировка соответствующих норм законодателем, когда слово «получатель» следует в скобках после слова «покупатель»¹¹⁵.

Между тем в судебной практике достаточно распространена позиция, что положения п. 2 ст. 509 ГК РФ подлежат применению в случае, когда покупатель и получатели товара являются разными лицами, а покупатель дает поставщику отгрузочные разнарядки о передаче (отгрузке) товаров указанным покупателем получателям (ст. 312 ГК РФ)¹¹⁶.

Действительно, покупатель и получатель товара являются разными лицами, однако их законный интерес совпадает и представляет единый кредиторский интерес

¹¹⁵ См.: Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М., 2010. Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.12.2020 № Ф04-5257/2020 по делу № А03-2467/2020, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.04.2019 № Ф04-607/2019 по делу № А46-22956/2017, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.10.2018 № Ф04-3997/2018 по делу № А46-23695/2017.

в получении товара. При этом указанный интерес в товаре может иметь различное значение.

Товар представляет всякое экономическое благо, предназначенное для обмена¹¹⁷. Экономической наукой выделяется два важнейших свойства любого товара: потребительская и меновая стоимость. Как указывал Г.Ф. Шершеневич, потребительская стоимость товара означает его полезность для человека с точки зрения способности удовлетворять его потребности¹¹⁸, а меновая стоимость выражает способность блага обмениваться на другие блага¹¹⁹.

Исходя из этого для покупателя товар представляет как потребительскую, так и меновую ценность. Для всех участников рынка значение имеет меновая ценность товара, поскольку все заинтересованы в приобретении товара за цену как можно меньшую. Иная ситуация с потребительской ценностью, то есть товар удовлетворяет потребность только лишь для конечного покупателя. Соответственно, для покупателя-посредника важное значение имеет меновая стоимость товара для его последующей перепродажи, а для конечного покупателя – не только меновая, но и потребительская стоимость.

Такой инструмент торговли как отгрузочная разрядка необходим, в первую очередь, для так называемой «посреднической» поставки, когда покупатель заинтересован не в получении товара, как в классических отношениях купли-продажи, а в получении ценовой разницы между ценой продажи контрагенту (получателю товара) и ценой приобретения у поставщика¹²⁰. Указанная разница в ценовом значении означает принятие на себя всех юридических рисков, связанных с товаром,

¹¹⁷ См.: Менгер К. Основания политической экономии. М., 2008. С. 240 – 241.

¹¹⁸ Подробнее о потребительской стоимости товара также см.: Маркс К. Капитал. М., 1993. Т. 1. С. 36.

¹¹⁹ См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. II: Товар, Торговые сделки. М., 2005.

¹²⁰ Подробнее об отношениях посредничества в договоре поставки по отгрузочной разрядке см.: Белов В.А. Правовые последствия посреднической купли-продажи товаров - поставки по отгрузочной разрядке // Законодательство. 2017. № 7.

в том числе, несение де-юре всех обязанностей по заключенному договору поставки с поставщиком.

Получатель, то есть лицо, принимающее исполнение от поставщика, фактически исполняет обязанность покупателя по принятию товара. В отличие от покупателя получатель заинтересован в потребительской стоимости товара, а не только в меновой. Вместе с тем получатель не заключает договор с поставщиком, не является стороной договора и не несет рисков привлечения к договорной ответственности в силу принципа относительности договорного обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

Принципиально важно отметить, что волеизъявление в форме выдачи отгрузочной разрядки осуществляет именно покупатель, а не получатель. На практике получатель не связывается напрямую с поставщиком товара. Напротив, волеизъявление получателя возможно только в рамках правоотношений между покупателем и получателем. Только после того, как получатель заявит контрагенту-покупателю, что он готов принять товары от поставщика, покупатель представляет отгрузочную разрядку поставщику. Указанное явно отличает конструкцию «посреднической» поставки от договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ), где у третьего лица возникают субъективные права к должнику с момента самостоятельного выражения волеизъявления.

Следовательно, для того чтобы получить исполнение от поставщика получатель фактически действует через посредника – покупателя, который, ко всему прочему, берет на себя все риски договорной ответственности с поставщиком. Так, риск ответственности в случае непредставления отгрузочной разрядки несет исключительно покупатель (п. 3 ст. 509 ГК РФ), поскольку поставщик в момент заключения договора рассчитывает реализовать всю продукцию в адрес покупателя или получателя.

Покупатель также несет ответственность за неисполнения обязанностей получателем. Из буквального толкования ст. 513 ГК РФ обязанность по получению

товара устанавливается не только на покупателя, но и якобы на получателя. Однако если исходить из того, что покупатель и получатель представляют единую сторону договора «посреднической» поставки, то получатели несут обязанности покупателя в результате возложения исполнения (ст. 313 ГК РФ). В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, возложенных на получателя, договорную ответственность несет покупатель в силу принципа относительности договорного обязательства (п. 3 ст. 308, ст. 403 ГК РФ)¹²¹. Поскольку договором поставки не могут быть предусмотрены обязанности иных лиц без волеизъявления, то ответственным лицом перед поставщиком является покупатель.

Следовательно, представляется обоснованным, что представление покупателем отгрузочной разрядки предполагает реализацию права покупателя на указание надлежащего адресата – получателя (ст. 312 ГК РФ). При этом указанный получатель не имеет субъективных прав к поставщику, а последний вправе заявить возражения по поводу исполнения только лишь к покупателю как к стороне договора поставки.

Одновременно с этим, представление отгрузочной разрядки предполагает возложение покупателем обязанностей по принятию товара (ст. 513 ГК РФ) на получателя, если иное не предусмотрено в договоре между покупателем и получателем.

Таким образом, получатель по отгрузочной разрядке является третьим лицом, интерес которого заключается в получении товара от поставщика через конструкцию

¹²¹ В судебной практике также подтверждается, что за действия получателей (грузополучателей) ответственность несет покупатель. Так, в одном из дел Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд дает толкование ст. 509 ГК РФ, согласно которому названная статья не предусматривает, что в случае поставки в адрес получателя на него переводятся права и обязанности по договору поставки и он наделяется правом осуществить приемку товаров от имени покупателя. По мнению суда, ответственность за неисполнение обязательства по приемке товара на получателя не переходит, а остается за покупателем в соответствии со ст. 403 ГК РФ. См.: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2016 по делу № А76-16365/2014. См. аналогичную судебную практику: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.10.2019 по делу № А40-108367/2018; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.09.2019 по делу № А40-117457/2018.

«посреднической» купли-продажи между поставщиком и покупателем – посредником. Влияние такого получателя на договорное обязательство между поставщиком и покупателем выражается в надлежащем исполнении обязанностей покупателя, в том числе, по принятию товара от поставщика.

Исполнение договорного обязательства третьим лицом как возможность влияния на договорное обязательство

Исполнение договорного обязательства может осуществляться не только должником, но и третьим лицом (ст. 313 ГК РФ)¹²². В основе такого исполнения могут быть разные правовые предпосылки: по указанию или возложению должника (п. 1 ст. 313 ГК РФ) или в случаях, предусмотренных законом, когда должником допущена просрочка исполнения денежного обязательства или третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на такое имущество (п. 2 ст. 313 ГК РФ).

Исполнение третьим лицом ограничено законодателем, если оно не соответствует ожиданиям кредитора получить исполнение от конкретного должника. Так, кредитор обязан принять исполнение, если только из условий обязательства или законов не следует, что обязанность должника имеет личный характер (п. 3 ст. 313 ГК РФ).

Определение предпосылок для возникновения права третьего лица прямо влияет на определение того, существует ли конкретный интерес у третьего лица в договорном обязательстве кредитора и должника.

В случае возложения исполнения третье лицо фактически действует в интересах представляемого должника. Представляется, что исполнение чужого обязательства в результате возложения позволяет исполнить уже существующее договорное

¹²² Институт исполнения обязательства третьим лицом подробно рассматривался в доктринальных источниках. См., напр., Райхер В.К. Возложение исполнения обязательства на третье лицо // Правоведение. 1972. № 4; Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М., 2005; Толстой В.С. Исполнение обязательств. М., 1973.

обязательство между должником и третьим лицом. Например, А (поставщик) заключил договор поставки с В (покупатель). Одновременно В выступает поставщиком в отношениях с С (конечным покупателем). Поскольку товар фактически перепродается в пользу С, В с целью оптимизации логистики возлагает на А исполнение собственных обязательств в пользу С. Исполнение А имеет двойной эффект: с одной стороны, А исполняет обязательство перед В, с другой – А исполняет обязательство в интересах В перед С.

Указанный пример наглядно показывает взаимосвязанность институтов возложения исполнения договорного обязательства (п. 2 ст. 313 ГК РФ) и исполнения обязательства надлежащему лицу (ст. 312 ГК РФ). Уполномоченный адресат исполнения, равно как и уполномоченный исполнитель не являются третьими лицами по смыслу ст. 308 ГК РФ, поскольку представляют сторону кредитора и должника соответственно. Указанные лица не участвуют в исполнении обязательства по своей воле, отношения кредитора и должника для них безразличны, и они не имеют в них интереса. Участие в исполнении чужого обязательства с их стороны обусловлено исключительно наличием основных отношений с кредитором и должником, а любые действия уполномоченных адресатов и исполнителей направлены на создание юридических последствий в рамках собственных договорных правоотношений, где они являются сторонами такого обязательства.

Иная ситуация обстоит с третьими лицами, которые имеют интерес в чужом обязательстве и действия которых осуществляются по своей воле и без возложения должника. Если действия третьего лица осуществляются без согласования с должником, то третье лицо преследует собственный интерес, защищает свое имущественное право. Закон прямо перечисляет случаи правомерного исполнения без возложения со стороны третьих лиц (п. 2 ст. 313 ГК РФ): допущение должником просрочки исполнения денежного обязательства и наличие у третьего лица риска утраты своего права на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество.

Для определения формы влияния третьего лица в ситуации исполнения обязательства вместо должника, требуется проанализировать основные аспекты механизма суброгации с участием третьего лица.

Э. Годэме указывал, что суброгация – это средство защиты интересов лица, поскольку при суброгации приобретаемое право предстает в своем классическом виде как защищаемый законом интерес¹²³. Действительно, институт суброгации призван защитить интересы лица за чужой счет или восстановить баланс интересов между лицом, которое получило выгоду и лицом, за счет которого приобрели выгоду.

Суброгационная модель перехода права требования третьего лица к должнику (ст. 313 ГК РФ), действительно, позволяет восстанавливать нарушенный баланс встречных предоставлений между третьим лицом и должником, который возникает после исполнения обязательства первым в пользу второго. При этом политико-правовая обоснованность такой модели в отношении ситуаций с участием третьих лиц, которые имеют собственный интерес в чужом обязательстве, не может не вызывать сомнения. Суброгация прав требования позволяет третьему лицу при формальном наличии оснований из п. 2 ст. 313 ГК РФ фактически «перехватывать» контроль над должником. При этом последний может иметь реальные возражения против такого перехода. Такие ситуации следует именовать как вмешательства в чужие отношения, поскольку исполнение третьего лица фактически трансформирует договорное обязательство помимо воли стороны договора, но в интересах третьего лица. Подобная трансформация договорных отношений без воли ее стороны не соответствует принципу невмешательства в чужие дела (ст. 2 ГК РФ) и принципу относительности договорного обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

Мировой опыт также подтверждает, что подобный дисбаланс в преваляровании интересов третьего лица должен быть ограничен в ситуации исполнения

¹²³ См.: Годэме Е. Общая теория обязательств. М., 1948. С. 480 - 484. Аналогичную позицию см.: Мусин В.А. Суброгация в советском праве // Советское государство и право. 1976. № 7. С. 128.

обязательства таким лицом. Например, согласно кн. III. гл. 2 ст.107 Модельных правил европейского частного права в случае отсутствия согласия должника на исполнение третье лицо вправе исполнить обязательство, только если оно имеет *основанный на законе интерес в исполнении*¹²⁴. В отличии от ГК РФ основания для правомерного исполнения основаны не на субъективном восприятии третьим лицом риска утраты имущества, а только если такая возможность предполагается по смыслу закона.

Российский законодатель, очевидно неозадаченный указанной проблемой превалирования интереса третьего лица, вовсе оставляет без внимания данный момент. Такое игнорирование, в конечном итоге, привело к очевидным злоупотреблениям положениями ст. 313 ГК РФ, когда в делах о банкротстве недобросовестные кредиторы «наращивали» сумму прав требований к должнику за счет исполнения обязательства «без возложения» путем суброгаций. Конечной целью таких действий являлся контроль над реестром требований кредиторов должника и возможность определять дальнейшее развитие процедуры банкротства в целом. Таким образом, институт суброгации из способа защиты интересов третьего лица стал основным инструментом кредиторов для злоупотреблений в делах о банкротстве.

Традиционно, на помощь к российскому законодателю в вопросе толкования ст. 313 ГК РФ приходит практика высших судебных инстанций. Впервые недобросовестная суброгация стала пресекаться в делах, рассмотренных Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда РФ¹²⁵. Так, СКЭС ВС РФ сделала выводы, что если цель третьего лица заключается не в погашении обязательства за третье лицо, а в целях, например, контроля над ходом процедуры

¹²⁴ Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М., 2013. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁵ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 16.06.2016 № 302-ЭС16-2049; также см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 15.08.2016 № 308-ЭС16-4658.

банкротства, либо дополнительных голосов на собрании кредиторов, то суброгация в порядке п. 5 ст. 313 ГК РФ не может состояться.

Несмотря на то, что телеологическое толкование положений из п. 5 ст. 313 ГК РФ в исполнении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ (далее — «СКЭС ВС РФ») касалось дел о банкротстве, Пленум ВС РФ воспроизвел генеральную идею недопустимости недобросовестной суброгации¹²⁶. Так, на основании ст. 10 ГК РФ суд может признать переход прав (суброгацию) кредитора к третьему лицу несостоявшимся, если установит, что, исполняя обязательство за должника, третье лицо действовало недобросовестно.

С учетом разъяснений ВС РФ нельзя утверждать, что окончательно исключены возможности для третьего лица для вмешательства в чужие договорные отношения. Усмотрение суда в конкретном споре решит обозначенную проблему только при рассмотренных судом обстоятельствах. При этом если в делах о банкротстве недобросовестные действия третьих лиц пресекались, поскольку был очевиден результат их вмешательства в виде значительного увеличения размера требования третьего лица в реестре требований кредиторов, то в общегражданских спорах проблематично оценивать реальные цели третьего лица. Это связано с тем, что суду может быть неизвестно из доступных источников, какие последствия повлечет исполнение обязательства третьим лицом помимо перехода прав требований к исполнившему лицу (п. 5 ст. 313 ГК РФ).

С учетом проанализированной судебной практики полагаем, что при выявлении добросовестности третьего лица, который исполняет обязательство вместо должника без возложения, требуется установить несколько ключевых аспектов, которые характеризуют добросовестность намерений такого лица.

¹²⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». Пункт 21.

Во-первых, суду требуется определить источник информации о факте просрочки должника или риске утраты имущества в результате обращения на него взыскания. Если об этом сообщает сам должник третьему лицу, то предполагается, что оно должно принять эту информацию и предпринять меры по защите своего интереса. Уведомление должника в таком случае должно приравниваться к косвенному согласию на действия третьего лица по погашению долга, поскольку должник, сообщая об этом, не считает нужным сохранение указанной информации в конфиденциальности. В конце концов, сообщение должника о риске утраты значимого имущества и принятие мер по погашению долга третьим лицом позволяет идентифицировать интерес третьего лица в чужом обязательстве.

Во-вторых, если третье лицо получило информацию не от должника, а от кредитора или иных лиц, то требуется установление судом обстоятельств договорных отношений между третьим лицом и должником. Это позволяет обосновывать правомерный интерес третьего лица в обеспечении сохранности имущества должника, поскольку оно может использоваться этими лицами во исполнение соглашения между ними. В этой связи субарендатор вправе осуществлять погашение долга вместо арендатора по договору аренды помещения, чтобы не утратить права на использование помещений в будущем и не прекращать собственную предпринимательскую деятельность в указанном объекте.

Если первые два аспекта отрицательные, то у суда должны быть определенные сомнения о добросовестности намерений исполнителя. В таком случае суду требуется более внимательно исследовать обстоятельства возражений должника.

Представляется, что подобный алгоритм исследования фактических обстоятельств позволяет эффективно определить наличие оснований для признания перехода прав кредитора к третьему лицу несостоявшимся (ст. 10 ГК РФ).

С учетом превалирования интересов третьего лица в ситуации исполнения чужого договорного обязательства (ст. 313 ГК РФ), последний в действительности обладает влиянием на обязательство. При этом лицо, которое уполномочено

исполнять обязательство в чужом интересе, таким влиянием не обладает. Это объясняется тем, что такое лицо не имеет самостоятельного интереса в исполнении обязательства и действует по поручению. Похожая ситуация реализуется при переадресации исполнения в пользу уполномоченного лица (ст. 312 ГК РФ).

Влияние третьего лица на договорное обязательство прослеживается исключительно в погашении долга без возложения должником. Третье лицо имеет интерес в чужом обязательстве, так как исполнение должника прямо влияет и на его имущественную сферу. Значимость для третьего лица договорных отношений между кредитором и должником особенно подтверждается в сложных взаимосвязанных цепочках договоров, в которых исполнение каждого из них взаимозависимо. Неисполнение обязательств в рамках одного договора может повлечь перекрестный дефолт по остальным. К таким договорам относятся не только вертикальные взаимосвязанные договоры (аренда – субаренда, генеральный подряд – субподряд), но и горизонтальные взаимосвязи (синдицированное кредитование венчурной компании, создание ритейл-группы компаний с единым центром поставок и т. д.).

Влияние третьего лица в данном случае выражается в реализации права на исполнение в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 313 ГК РФ. Исполнение чужого обязательства является способом защиты интересов третьего лица, выражающихся в сохранении обязательственного права или права владения/собственности, утрата которых повлечет убытки для третьего лица.

Фокус настоящего исследования не позволяет подробно проанализировать основные аргументы относительно правовой природы исполнения обязательства как сделки или поступка. Об отнесении исполнения к сделке свидетельствует формальное подпадание действий должника под легальное определение сделки (ст. 153 ГК РФ), с

одной стороны, однако юридический эффект наступает для исполняющего лица вне зависимости от фактических намерений должника¹²⁷.

В целях настоящего исследования необходимо исходить из того, что осуществляя исполнение чужого договорного обязательства, третье лицо в любом случае осознает правовые последствия такого исполнения, поскольку его юридически значимое действие в пользу кредитора направлено на обеспечение собственного интереса в обязательственном или вещном праве, утрата которого может стать причиной убытков для третьего лица.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Установлено, что совершение предусмотренных договором или законом действий третьего лица по реализации своего интереса в чужом договорном обязательстве составляет позитивное влияние, которое не может расцениваться в качестве вмешательства в чужие договорные отношения.

2. К таким действиям могут относиться исполнение обязательства (ст. 313 ГК РФ), выражение намерения принять исполнение (ст. 430 ГК РФ)

В ситуации исполнения обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ), его влияние выражается в исполнении обязательства кредитору, что влечет переход права требования к должнику от кредитора к третьему лицу в силу закона (суброгация). При этом исполнение обязательства по поручению должника не позволяет характеризовать исполнителя как третье лицо, поскольку в таком случае исполнитель выступает в качестве уполномоченного лица (представителя).

¹²⁷ Подробнее о правовой природе исполнения обязательства см.: Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М., 2005; Советское гражданское право: В 2 т. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. С. 471; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М., 1999. С. 360, 361. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 701 - 703. Кулаков В.В., Филиппова С.Ю. Правовые последствия совершения действий, не являющихся сделками // Гражданское право. 2020. N 3. С. 15 - 21.

В конструкции договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) влияние третьего лица выражается во волеизъявлении требования к должнику для принятия предмета исполнения

Доказано, что в обоих случаях третье лицо имеет интерес не только в собственных отношениях с кредитором (отношения валюты), но и в чужом договорном обязательстве между кредитором и должником (в отношениях покрытия). Поскольку третье лицо имеет интерес в отношениях покрытия, то его действия направлены на трансформацию отношений покрытия в своем интересе.

Совершение предусмотренных договором или законом действий третьего лица по защите своего интереса в отношениях покрытия следует именовать как позитивное влияние третьего лица на договорное обязательство.

3. *Доказано, что конструкция исполнения уполномоченному лицу (ст. 312 ГК РФ) не предполагает участия третьего лица. В таком случае не образуются отношения исполнения должником и уполномоченным лицом, последнее не имеет интереса в отношениях покрытия, поскольку его требование направлено только в отношении кредитора. Только кредитор может определять, получит ли исполнение уполномоченное лицо, поскольку последнее не обладает никаким правом требования к должнику. В таком случае юридическая личность уполномоченного кредитором лица не имеет значения для отношений покрытия.*

4. *Доказано, что грузополучатель является третьим лицом, интерес которого заключается в получении груза от перевозчика в сохранности и в пригодном для использования состоянии. Несмотря на то, что грузополучатель не является стороной договора перевозки, он способен оказывать влияние на договорное обязательство путем реализации секундарного права и предъявления требования об исполнении к перевозчику. Требование грузополучателя как третьего лица замещает требование первоначального кредитора – грузоотправителя до момента полного исполнения обязательства перевозчиком или отказа от исполнения в предусмотренных договором или законом случаях.*

5. Доказано, что получатель по отгрузочной разрядке является третьим лицом, интерес которого заключается в получении товара от поставщика через конструкцию «посреднической» купли-продажи между поставщиком и покупателем – посредником. Влияние такого получателя на договорное обязательство между поставщиком и покупателем выражается в надлежащем исполнении обязанностей покупателя, в том числе, по принятию товара от поставщика.

6. Доказано, что условия перехода права требования от кредитора к третьему лицу в результате исполнения последним обязательства вместо должника создают возможности для злоупотребления правом третьими лицами. На практике исполнение обязательства третьим лицом может осуществляться не для погашения долга, а в целях, например, контроля над ходом процедуры банкротства. Предложен алгоритм исследования недобросовестных действий третьих лиц в ситуации исполнения вместо должника без поручения: анализ источника информации о факте просрочки должника или риске утраты имущества; выявление обстоятельств договорных отношений между третьим лицом и должником; учет возражений должника.

§ 2. Позитивное влияние третьего лица вне договора

Общие положения

Проблема соотношения абсолютных (вещных) и относительных (обязательственных) прав имеет особое место и значимость как фундаментальной цивилистической дилеммы. Как точно подмечает В.К. Райхер, в вопросе о делении гражданских прав сплетаются, как в узловой точке, нити многочисленных, более частных проблем¹²⁸.

Различие между относительными и абсолютными правами состоит в том, что первые реализуются лишь между определенными лицами (относительные права), в то время как вторые действуют в пользу управомоченного, против всех, безотносительно к каким-либо определенным лицам, то есть реализуются против каждого одинаковым способом (абсолютные права). Заключение договора между лицами по поводу перехода какого-либо экономического блага (товар, работы, услуги и т.д.) означает приобретение относительных прав таким лицами в отношении друг друга¹²⁹.

При этом абсолютные и относительные права отличаются не только по числу обязанных субъектов, но и по их содержанию¹³⁰. Также М.М. Агарков указывал, что важно учитывать не только количественный, но и качественный критерий разделения субъективных абсолютных и относительных прав¹³¹. Значение абсолютных прав заключается в определении правовой связи субъекта с объектом права, какими

¹²⁸ См.: Райхер В.К. Указ. соч. С. 148.

¹²⁹ При этом деление прав на абсолютные и относительные имело и противников в особенности среди представителей советской науки. Так, Д.М. Генкин указывал, что такое деление не оправдывается и основано «на апологетике капиталистической собственности ... на идеалистической концепции субъективного права и не имеет никакого практического значения». См.: Генкин Д.М. Доклад по вопросу о классификации гражданских прав в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 75- 77.

¹³⁰ Подробнее о соотношении абсолютных и относительных прав см.: Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис... д.ю.н. М., 2017.

¹³¹ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / дис... д-р юрид. наук. М., 1939. С. 49.

правами обладает субъект в отношении объекта, меры его юридического господства над объектом. В то же время относительные права устанавливают юридическую связанность отдельных субъектов права по поводу перемещения объекта, а не состояние принадлежности объекта права субъекту.

В отечественных цивилистических работах подчеркивается противопоставление не столько абсолютных – относительных прав как более общей классификации гражданских, сколько соответствующих им вещных – обязательственных прав¹³². Впрочем, аргументы отдельных юристов относительно проблемы соотношения вещных и обязательственных прав применимы и к проблеме соотношения абсолютных и относительных прав. Верно и ясно отмечал эту разницу абсолютных (вещных) и относительных (обязательственных) прав, например, К.П. Победоносцев: вещное право означает, что человек обладает имуществом, имеющим значение вещи, под личным правом или требованием понимается, что человек обладает, в переносном смысле, личной способностью другого человека, его волей и деятельностью, поэтому он может требовать от него личного или вещественного исполнения¹³³. Об абсолютном характере вещных прав рассуждал С.И. Аскназий, который указывал, что вещные права открывают перед управомоченным лицом лишь возможности многообразных правоотношений с любым другим участником гражданского оборота, в которые он может вступить в процессе использования своего имущества, в то же время обязательственно-правовое отношение означает уже сложившиеся правоотношения и именно с определенным лицом или лицами¹³⁴.

¹³² Существуют иные позиции относительно, что вещное право соответствует абсолютному праву. См. критику такого отождествления со ссылкой на условность деления абсолютных и относительных прав, напр.: Гамбаров Ю.С. Гражданское право: Общая часть. М., 2003. С. 437.

¹³³ См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2022. С. 83.

¹³⁴ См.: Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008. С. 579-581.

Выявление соотношения абсолютных (вещных) и относительных (обязательственных) прав позволяет сформулировать принцип относительности договорного обязательства. Заключая договор, стороны приобретают права и обязанности «относительно» друг к другу, оставляя третьих и иных лиц за пределами такой правовой связи. Поэтому третье (иное) лицо не может иметь договорное право требования к должнику, равно как и последний не имеет обязанности перед третьим лицом.

Это не означает, что договорное обязательство полностью обособлено и независимо от иных (третьих) лиц. Еще М.И. Брагинский отмечал, что «не существует правоотношений, которые можно было изолировать от действий других / третьих лиц»¹³⁵. Развитие экономического оборота приводит законодателя и правоприменителя к осознанию, что в определенных случаях третье лицо должно обладать правом требования к должнику, даже если сами стороны не выражали на это своего волеизъявления. Как правило, такие допущения возможны в ситуациях, когда необходимость защиты интересов третьего лица имеет преваляющее значение над принципом свободы договора (ст. 421 ГК РФ) и принципом относительности договорного обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

В рамках настоящего исследования представляется целесообразным определить правовую природу влияния третьего лица на договорное обязательство в тех случаях, когда законодателем или правоприменителем фактически игнорируется относительность договорного обязательства, а интересы третьего лица – коммерсанта имеют преваляющее значение по каким-либо причинам.

¹³⁵ Брагинский М.И. Влияние действия других/третьих лиц на социалистические гражданские правоотношения: дис... д.ю.н. Л, 1962. С. 61.

Иностраный опыт развития идеи защиты интересов третьего лица на примере отдельных правовых институтов

Прежде чем переходить к непосредственному анализу исключений из принципа относительности договорного обязательства по российскому праву, требуется определить основные мировые тенденции развития аналогичных институтов в правопорядках Германии и Франции. Полагаем, что такое исследование позволит определить причины появления указанных институтов и самой идеи необходимости защиты интересов третьих лиц в договорном обязательстве.

Как уже было продемонстрировано в главе 1 настоящего исследования исходной точкой развития идеи защиты интересов третьих лиц в договорном обязательстве является римский принцип о недопустимости конструкции в пользу третьего лица – *alteri stipulari nemo potest* (никто не может получить стипуляционное обещание в пользу третьего лица). Следовательно, в римском праве изначально не просто не признавалась договорная защита третьего лица, которое не участвовало в договоре, но и в целом отрицалась конструкция договора в пользу третьего лица.

Е. Годэмэ указывает, что непередаваемость прав требований и долгов объясняется особым значением обязательства в римском праве, которое предполагало личную связь в самом строгом смысле. Поскольку связь является строго личной, изменить кредитора или должника – значило уничтожить эту связь¹³⁶. Действительно, указанная правовая логика римских юристов получила отражение в правиле о независимости обязательственной связи между кредитором и должником¹³⁷. Однако с развитием общественных отношений и с ростом практического значения правовых институтов изменился и юридический характер обязательства. Теперь личность

¹³⁶ См.: Годэмэ Е. Общая теория обязательств. Пер. с фр. И.Б. Новицкого. М., 1948. С. 21-22.

¹³⁷ Подробнее о принципе относительности в обязательстве в Германии см., напр., Henke H. E. Die sog. Relativität des Schuldverhältnisses. Wie relativ ist eigentlich das Band zwischen Gläubiger und Schuldner? // *Schriften zum Bürgerlichen Recht*, Bd. 121. Berlin, 1989. S. 4. 11; во Франции – см., напр., Weill A. *La relativité des conventions en droit privé français*. Strasbourg, 1938.

кредитора или должника давно утратила первостепенное значение в обязательстве. Кредитор не имеет права на личность должника, а право требования кредитора обладает свойством оборотоспособности, то есть может отчуждаться. Кредитор и должник могут измениться без уничтожения или изменения права требования или долга¹³⁸. Как указывал Г.Ф. Шершеневич к изменению кредитора способны все обязательства, потому что должнику безразлично, кому произвести то действие, которое он должен исполнить¹³⁹. Действительно, зачастую ценность обязательства заключается в юридическом закреплении возможности получения уполномоченным лицом экономического блага, а не в том, кто это благо передаст или потребует. Хотя, конечно, необходимо оговориться о важности наличия обязательств, тесно связанных с личностью¹⁴⁰.

Понимание обязательства как ценности неизбежно приводит к наиболее гибким правилам и подходам в отношении того, кто может выступать в качестве исполняющего лица или кто может требовать исполнения.

Исключения из принципа относительности во Франции

Во Франции важной вехой развития идеи необходимости защиты интересов третьего лица является развитие доктрины групповых договоров (*groupes de contrats*), их взаимозависимости (*interdependance contractuelle*), которая развивалась в 1970 –

¹³⁸ См.: Годэмэ Е. Указ. соч. С. 22.

¹³⁹ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1914 г.). М., 1995. С. 288.

¹⁴⁰ Непередаваемость обязательства и прав требования, например, свойственна обязательствам из публичных контрактов, где личность первоначальной стороны договора имеет важное значение, а уступка права требования имеет законодательные препятствия. См. об этом подробнее: Беляева О.А. Уступка права требования по обязательствам, возникшим из публичных контрактов // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М., 2020. Вып. 26. С. 4 - 18.

1980 г. сначала в доктрине¹⁴¹, а позже в судебной практике французского кассационного суда¹⁴².

Два или более договора, заключенные отдельно с юридической точки зрения, могут составлять единое целое с экономической точки зрения по причинам единства объекта или цели¹⁴³. Соответственно, поскольку договоры являются взаимосвязанными, то юридические последствия применительно к одному из договоров могут быть применены и к другим договорам в рамках их условной группы. Например, очевидно, что изменение или прекращение договора генерального подряда имеет одинаковые правовые последствия для нижестоящих договоров субподряда между субподрядчиками и генеральным подрядчиком: договоры субподряда и генеральный подряд являются договорами одной и той же группы, поскольку их заключение обусловлено строительством одного и того же объекта.

Единый правовой результат взаимосвязанных договоров может выражаться во взаимном прекращении таких договоров, возможности приостановления исполнения или заявления возражений со стороны лиц, участвующих в различных договорных обязательствах единой договорной цепочки. Третьи лица, которые являются

¹⁴¹ См., например: Teyssie V. *Les groupes de contrats*. Paris, 1975.

¹⁴² Подробнее о судебной практике Кассационного суда Франции см.: Deshayes M. *Interdependance contractuelle: la Cour de cassation tranche pour une definition objective de la notion* // *Option Finance*. 2013. № 1225.

¹⁴³ Подробнее о понятии *Interdependance contractuelle* во французском праве см.: Pelle S. *La notion d'interdependance contractuelle: contribution a l'etude des ensembles de contrats*. Paris, 2005. Центральное значение для развития института взаимосвязанных договоров (*linked contracts*) см.: Samoy I., Loos M. *Linked Contracts*. Cambridge. 2012. Сравнительно-правовой анализ института взаимосвязанных договоров также проводился в российской доктрине, например: Батищев А.О. *Доктрина взаимосвязанных договоров в сфере потребительского кредитования* // *Договоры и обязательства: сб. работ выпускников РШЧП*. Т. 3. 2019; Гуна А.Н. *Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование* // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2021. № 11; Кирпичев А.Е. *Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве* // *Гражданское право*. 2014. № 2. О взаимосвязанности договоров в публичном секторе см.: Кирпичев А.Е. *Предпринимательские обязательства в публичном секторе отечественной экономики: Монография*. М., 2017; Беляева О.А. *Закупки у взаимозависимых лиц: в поисках оптимальной модели регулирования* // *Юрист*. 2019. № 1. С. 53 – 57.

такowymi в отношении к иному взаимосвязанному договору и его сторонам, могут использовать указанные правовые средства для гарантии защиты своих интересов уже в собственном договорном правоотношении.

Особенное значение для развития аналогичной практики имеет имплементация концепции взаимосвязанных договоров в рамках Директивы ЕС от 23 апреля 2008 г. № 2008/48/ЕС, в которой декларируется принцип единства судьбы кредитного договора по отношению к договору купли-продажи или оказания услуг¹⁴⁴. Например, конструкция договора займа, который заключается с целью покупки недвижимости, предполагает «отменительное условие» в течение не менее 4 месяцев, в случае если основной договор не будет заключен¹⁴⁵, или целевой кредит, который автоматически следует судьбе основного обязательства в случае его отмены или недействительности¹⁴⁶.

Помимо этого, во французской доктрине выделяют две категории взаимосвязанности договоров¹⁴⁷: 1) акцессорные, которые подразумевают прекращение акцессорного обязательства в связи с прекращением основного; и 2) неделимые, которые предполагают единство каузы договоров или воли сторон к их заключению.

Неделимость обязательств в значении единства функционального значения группы договоров, которые призваны в совокупности опосредовать единую экономическую операцию в правовой доктрине, имеет разное толкование. Так, в

¹⁴⁴ Развитие практики имеет отражение не только в официальных кодификациях, но и в источниках soft law. Так, тот же смысл закладывается в Модельных правилах европейского частного права (DCFR), в которых также устанавливается распространение отказа потребителя от договора на все взаимосвязанные договоры (п. 1 ст. II – 5:106). В DCFR уделяется внимание именно тем взаимосвязанным договорам, которые направлены на удовлетворение потребностей потребителя.

¹⁴⁵ См.: ст. L. 313-36 Кодекса защиты прав потребителей Франции (Code de la consommation) // <https://wipolex.wipo.int/ru/text/489187>.

¹⁴⁶ См.: ст. L. 312-55 Кодекса защиты прав потребителей Франции (Code de la consommation) // <https://wipolex.wipo.int/ru/text/489187>.

¹⁴⁷ Wery P. Droit des obligations: developements recents et pistes nouvelles, Formation permanente C.U.P., vol. 96, Anthemis, 2007. P. 10.

судебном акте по одному из дел Кассационный суд Франции отметил диссонанс в доктринальных подходах применительно к институту каскадной утраты силы договоров, относящихся к одной функциональной совокупности¹⁴⁸.

По мнению одних французских правоведов действительным основанием «каскадной» утраты силы договорами, относящимися к одной совокупности договоров, является не что иное, как их неделимость, которая выводится из общей воли сторон, выраженной прямо или молчаливо. Согласно позиции других ученых, если договоры экономически взаимозависимы и юридически неделимы, а также служат друг другу каузой, Кассационный суд решает, что утрата силы одним договором из группы в силу его неисполнения влечет отпадение остальных договоров.

Указанные правовые позиции характеризуют дискуссию о том, что на самом деле представляет для суда определение взаимозависимости договоров: путем толкования договоров (определение субъективной стороны сделки, то есть вопрос факта), или квалификацией договоров (установление взаимной каузы – то есть вопрос права). Соответственно, французская судебная практика основывается либо на объективных критериях, полученных из экономического единства совокупности договоров, либо на субъективных критериях, вытекающих из общего намерения сторон¹⁴⁹.

Развитие концепции взаимосвязанных договоров стало предтечей для дальнейших рассуждений не только о взаимосвязанности отдельных договорных обязательств, но и о роли кредитора в хозяйственной деятельности должника, который выступает в качестве третьего лица в таких отношениях.

¹⁴⁸ См.: «От расторжения к отпадению зависимой финансирующей сделки: изменение практики Кассационного суда Франции по прекращению договоров лизинга в связи с недостатками приобретенной вещи. Комментированный перевод решения объединенной палаты от 13.04.2018 № 285 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2020, № 4.

¹⁴⁹ Там же.

Французский законодатель также закрепляет право защиты третьего лица в чужом обязательстве, стороной которого оно не является. Так, ст. 1341–1 ФГК устанавливает возможность кредитору одного обязательства обратиться с иском к должнику своего «собственного» контрагента в связи с неисполнением последним производного обязательства (*l'action oblique*). Вместе с тем ст. 1341–3 ФГК содержит оговорку, что случаи предъявления таким кредитором-третьим лицом своих требований в рамках чужого обязательства возможно только лишь в предусмотренных законом случаях. К таким юридическим ситуациям относятся, например, требование арендодателя к субарендатору (ст. 1753 ФГК).

По смыслу концепции *l'action oblique* кредитор вправе предъявить в адрес контрагента должника договорное требование в форме косвенного иска, поскольку сам должник не предпринимает меры по взысканию задолженности по какой-то причине. Если средства успешно получены от контрагента должника, кредитор вправе обратиться на них взыскание с должника в свою пользу¹⁵⁰.

В результате проведенного анализа следует определить, что развитие концепции взаимосвязанных договоров и косвенного иска кредитора от имени должника во Франции обусловлено необходимостью защиты интересов третьего лица, которое, как и стороны обязательства, имеют интерес в исполнении. Указанные концепции являются точечными правками принципа относительности, который зачастую толкуется консервативно и не позволяет третьим лицам, не участвующим в чужих договорных обязательствах, эффективно защищать свои права в результате нарушений, допущенных должниками. Следовательно, влияние третьего лица на договорное обязательство выражается в реализации права на защиту вследствие неправомерных действий должника в рамках чужого обязательства.

¹⁵⁰ Подробнее см., напр., Fabre – Magnan *Droit des obligations* (4th ed 2016). P. 611; Borghetti J.S. *Breach of Contract and Liability to Third Parties in French Law: How to break the Deadlock?* // *ZEuP : Zeitschrift für europäisches Privatrecht*, № 2. 2010. P. 279-303. Также см.: *The Borderlines of tort law: interactions with contract law* // ed. Miquel Martin-Casals. 2019. P. 764-766.

Исключения из принципа относительности в Германии

В Германии правоприменитель находит свою собственную правовую логику, которая иным путем подводит к необходимости предоставления защиты третьему лицу. Такая защита предоставляется третьему лицом с помощью фикции. Так называемый «договор с охранительным эффектом» (*Vertraege mit Schutzwirkung fur Dritte*) позволяет распространить меры защиты вследствие неисполнения/ненадлежащего исполнения обязательства, в том числе, и для третьего лица. Развитие договора с охранительным эффектом берет свое начало с решений Верховного суда Германии в первой половине XX в. В результате ненадлежащего ремонта варочной плиты со стороны А на основании заключенного договора с В пострадало третье лицо – С. Несмотря на то, что договор между А и В не был заключен в пользу С, суд признал ее требования С к предпринимателю на основании того, что предприниматель при починке плиты был обязан действовать добросовестно, а это предполагает гражданско-правовую ответственность и перед третьим лицом¹⁵¹.

Данная правовая конструкция предполагает, что третье лицо не участвует в заключении договора, не участвует прямо в исполнении договора, но неисполнение договора может создать неблагоприятные для данного третьего лица последствия, зачастую такие же, как и для кредитора по договору. Следовательно, помимо кредитора третьи лица также имеют интерес в надлежащем исполнении обязательства должником.

Третье лицо не имеет притязания на исполнение договора против должника, но уполномочено требовать возмещение убытков в случае неисполнения договора должником. В связи с этим правомерное исполнение договора в пользу кредитора оказывает защитное действие (*Schutzwirkung*) в отношении третьего лица.

¹⁵¹ См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 462 – 463. Также см.: Markens S.B., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract. A Comparative Treatise. Oxford; Portland; Oregon, 2006. P. 186.

В этой связи судебные споры, способствующие становлению доктрины договора с охранительным эффектом, объяснялись необходимостью заполнения пробелов немецкого деликтного права. Исторически более казуистичное по сравнению с французским германское деликтное право не содержит принципа генерального деликта и не допускает возмещения косвенных убытков, то есть убытков, причинение которых не находится в прямой причинно-следственной с действиями деликвента¹⁵².

В самом общем виде принцип генерального деликта представляет собой прямую доказательственную презумпцию возникновения ответственности в случае совершения деликта. Согласно этому принципу само по себе причинение вреда одним лицом другому уже может служить основанием возникновения обязанности возмещения причиненного вреда. Поэтому у потерпевшего нет необходимости в доказывании ни вины деликвента, ни противоправности его действий. Однако причинитель вреда вправе предъявить доказательства отсутствия факта причинения вреда и тем самым освободить себя от деликтной ответственности¹⁵³.

К. Цвайгерт и Х. Кетц указывали, что для принципа генерального деликта характерна максимальная степень абстрактности, что дает возможность его применения практически в любой ситуации, связанной с причинением

¹⁵² Принцип генерального деликта получил закрепление в ст. 1382 ФГК, которая устанавливает, что «какое бы то ни было действие человека, которое причинило другому ущерб, обязывает того, по вине которого ущерб произошел, к возмещению ущерба».

Принцип генерального деликта (*fundamental rule of imputation*) находит отражение в ст. 1:101 Европейских принципов деликтного права, в соответствии с которой лицо, в отношении которого на законных основаниях установлено, что оно причинило вред другому лицу, обязано возместить этот вред. Причинение вреда считается имеющим место: 1) в отношении лица, чье виновное поведение явилось причиной этого вреда; 2) в отношении лица, чья деятельность, представляющая собой повышенную опасность, повлекла за собой причинение этого вреда; 3) в отношении лица, чей работник причинил этот вред при исполнении им своих служебных обязанностей.

¹⁵³ См.: Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие / Отв. ред. Егорова М.А. М., Юстицинформ, 2017.

имущественных потерь потерпевшему. Основная идея генерального деликта заключается в том, что при наличии в составе действий признаков деликта всякий вред, возникающий в результате этого действия, подлежит возмещению¹⁵⁴.

В то же время деликтное право в Германии существенно отличается от французского законодательства, поскольку в нем отсутствует норма о генеральном деликте¹⁵⁵. Вместо него ГГУ использует три основные нормы деликтного права: 1) § 823 (1) - причинение вреда по неосторожности (неумышленное причинение вреда); 2) § 823 (2) - причинение вреда посредством нарушения закона, направленного на защиту другого лица и содержащего правило о строгой ответственности деликвента; 3) § 826 - умышленное причинение вреда.

Существо немецкой модели взыскания убытков заключается в том, что защита предоставляется не всем, а только тем правам, которые охраняются законом. Иными словами, чтобы защитить свои права потерпевший должен доказать суду, что его право охраняемо законом. Если законом защита прав потерпевшего не предполагается, то последний возместить убытки не вправе¹⁵⁶.

Очевидно, что законодатель не мог и не может регламентировать все случаи противоправного поведения, поэтому задача расширения перечня ситуаций, в которых потерпевший справедливо имеет право на возмещение убытков, стала

¹⁵⁴ Zweigert K., Kotz H. *An Introduction to Comparative Law*. Third Revised Edition. Oxford University Press, 1998. P. 615 - 616. Между тем нельзя не отметить и иной подход: в литературе высказана точка зрения, согласно которой право Германии, так же как право Франции и России, содержит полноценную конструкцию генерального деликта. См., напр., *Основания ответственности за причинение вреда в российском и зарубежном праве* // Труды Оренбургского института МГЮА. Оренбург, 2008. Вып. 9.

¹⁵⁵ Zweigert K., Kotz H. *Op. cit.* P. 598 – 599.

¹⁵⁶ Pinzger E. in: *Palandt Bürgerliches Gesetzbuch*. 67. Aufl. C.H. Beck, 2008. § 823 (Rn. 1 - 22). S. 1206 - 1209; Schaub R. in: *BGB Kommentar*. 7. Aufl. Luchterhand, 2012. § 823 (Rn. 5 - 7, 10 - 13). S. 1661 - 1663; Fuchs M., Pauker W. *Delikts- und Schadensersatzrecht*. 8. Aufl. Springer, 2012. S. 11; Looschelders D. *Schuldrecht: Besonderer Teil*. 7. Aufl. Vahlen, 2012. Rn. 1173. S. 398 - 399; Van Dam C. *Op. cit.* P. 81 - 82; Markesinis B.S., Unberath H. *The German Law of Torts: A Comparative Treatise*. 4th ed. Hart, 2002. P. 43.

возлагаться на судебную практику. Соответственно, немецкая модель взыскания убытков является причиной «искусственного» расширения перечня защищаемых благ¹⁵⁷.

Модель не похожа на регулирование, определяемое принципом генерального деликта: в немецкой модели появляется дополнительное условие, которое определяется обозначенной выше особенностью. Им является противоправность поведения причинителя вреда (*Rechtswidrigkeit*). Для наличия противоправности поведение причинителя вреда должно нарушать охраняемое законом право потерпевшего (*Erfolgsunrecht*).

В германском юридическом сообществе понимание противоправности воспринимается по-разному. Согласно первой позиции противоправностью является нарушение охраняемых законом прав. Другие толкуют противоправность как такое поведение причинителя вреда, которое отклоняется от поведения усредненного человека в аналогичных условиях (*Handlungsunrecht*)¹⁵⁸. Последняя точка зрения направлена на преодоление проблем, связанных с определением случаев, когда потерпевший все же вправе компенсировать вред даже при отсутствии прямого указания закона. Однако как указывает Е. Пинзгер реализация такой позиции не соответствует идеям, заложенным в ГГУ, и является кардинальным изменением всей модели компенсации вреда, на что германский правопорядок не решился до настоящего момента.

В то же время по мнению других исследователей большинство специалистов по немецкому праву сходятся во мнении, что, несмотря на различия в подходах, результат применения норм деликтного права в конкретных случаях всегда должен

¹⁵⁷ Pinzger E. Op. cit. Rn. 22. S. 1209; Schaub R. Op. cit. Rn. 58. S. 1670; Fuchs M., Pauker W. Op. cit. S. 34; Looschelders D. Op. cit. Rn. 1215. S. 416.

¹⁵⁸ Pinzger E. Op. cit. Rn. 24. S. 1209; Schaub R. Op. cit. S. 1663. Цит. по Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения / Вестник гражданского права, 2017, № 4.

быть одинаков. Оба указанных подхода являются применимыми, но может оказаться и так, что в конкретном деле один из них окажется предпочтительнее другого. Так, в случаях, касающихся непрямого нарушения субъективных прав лица, защищенного нормами деликтного права, содержащихся в ч. 1 § 823 ГГУ, применим подход, основанный на приоритете обязанности проявлять разумную предусмотрительность. В случаях непосредственного причинения вреда предпочтение отдается подходу, которым презюмируется приоритет противоправности¹⁵⁹.

Таким образом, думается, что концепция договора с охранительным эффектом – это попытка германской судебной практики в свое время нивелировать невозможность третьего лица предъявить требование к стороне договора, при этом находясь за рамками договорного обязательства. Чтобы распространить действие договора на третьих лиц, в германской судебной практике указывали, что объективная цель (забота о безопасности близких) и смысл некоторых договоров направлены на защиту не только кредиторов, но и определенного круга третьих лиц. Иными словами, значительная роль третьих лиц в социальной и правовой жизни кредиторов позволяет распространить действие договоров по отношению к ним в том числе, это соответствовало интересам кредитора.

Из анализа судебной практики и доктрины следует, что условия применения конструкции договора с охранительным эффектом заключаются в следующем¹⁶⁰:

- 1) Третье лицо является вовлеченным в исполнение по договору в такой степени, что риски неисполнения также несет такое третье лицо.
- 2) Интерес третьего лица следует из договора, поскольку третье лицо состоит в юридических отношениях с кредитором.

¹⁵⁹ См.: Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Там же.

¹⁶⁰ См.: Palandt. BGB. Auflage 68, 2009. § 328 Rn. 17. Также см.: Фогель В.А. Условия возмещения убытков в рамках договора с защитой третьего лица по германскому праву. Тезисы к круглому столу М-Логос. // URL: https://m-logos.ru/img/spravka_M-Logos_25062018_Fogel.pdf; Бибикина Е.В. К вопросу о договоре с охранительным эффектом в немецком частном праве // URL: https://m-logos.ru/img/spravka_M-Logos_25062018_Bibikova.pdf

3) Предвидимость для должника круга потенциальных «третьих лиц» и риска негативных последствий для таких лиц в результате неисполнения договора.

4) Для третьего лица иск к должнику должен быть единственным способом защиты, не допускается конкуренция с иными доступными для третьего лица исковыми требованиями.

Установление указанных критериев создает правовую основу для признания за третьим лицом законного интереса, который должен быть защищенным¹⁶¹.

Признание прав третьих лиц, непосредственно не предусмотренных сторонами договора, безусловно, направлено на достижение более справедливого результата - возмещения вреда, причиненного третьим лицам по вине нарушителя договора. Однако такой подход создает очередное исключение из принципа относительности обязательства между кредитором и должником. Возложение дополнительной обязанности на участников основного обязательства «проявлять должный уровень заботливости» по отношению к третьему лицу можно растолковать крайне широко. В таком случае может оказаться, что у должника обязанность не только перед кредитором, но и перед неограниченным кругом третьих лиц, которые каким-либо образом связаны с кредитором, что совершенно не характерно для классической концепции обязательства.

Так, институт договора с охранительным эффектом представляет исключение из принципа относительности договорного обязательства. Несмотря на то, что обязательство кредитора и должника является независимым от правоприязаний третьих лиц, законный интерес последних может предполагаться, что создает обоснованность их законного требования к должнику. Пусть это требование не

¹⁶¹ Договор с охранительным эффектом получил свое легальное закрепление в п. 3 § 311 ГГУ, в котором указывается, что, в частности, третье лицо, не предусмотренное договором, может приобретать права по нему, если оно «пользуется особым доверием и таким образом оказывает значительное влияние на предварительные переговоры или на заключение договора». Германский законодатель критерии «значительного влияния» не разъяснил. В отсутствие конкретных критериев возможность применения п. 3 § 311 ГГУ решается германскими судами по своему усмотрению.

аналогично договорному, которое принадлежит кредитору, однако само по себе «искусственное» возникновение обязанности должника не только перед кредитором, но и перед охраняемым третьим лицом слабо согласуется с принципом относительности договорного обязательства. Следовательно, в указанном значении доктрина договора с охранительным эффектом является исключением из принципа относительности.

Таким образом, пути развития правовой идеи защиты интереса третьего лица являются уникальными, поскольку обусловлены специфичными правовыми проблемами каждого из правопорядков: во Франции – проблема отсутствия механизмов взаимодействия кредиторов и должников в рамках группы договоров; в Германии – неэффективность немецкого деликтного права по обоснованию причинно-следственной связи между неисполнением договорного обязательства должником и убытками третьего лица.

Несмотря на различные причины появления исключений из принципа относительности договорного обязательства проанализированные правовые институты имеют общую цель в предоставлении экстраординарного права требования третьему лицу, поскольку последнее: а) имеет интерес в чужом обязательстве; б) несет имущественные риски или реальные имущественные потери в результате неисполнения должником договорного обязательства; в) не имеет иных альтернативных способов защиты права, кроме как обращение с требованием к должнику.

Думается, что указанные признаки, которые обуславливают предоставление правоприменителем и законодателем третьему лицу права требования к должнику также могут быть отмечены в отдельных институтах российского права.

Требование третьего лица к должнику, минуя надлежащего ответчика – контрагента (в отношениях с участием потребителя).

В коммерческой практике распространены ситуации, в которых несколько лиц являются не просто стороной одного из договоров, а участниками целой системы

договоров. Стороны вертикальной цепочки договоров взаимосвязаны друг с другом, правовые последствия в рамках одного звена цепи оказывают воздействие также как на следующие, так и на предыдущие договоры. Эффект «домино» особенно явно можно проследить в случае неисполнения обязательств субподрядчиком в отношениях генерального подряда, где дефолт субподрядчика означает неисполнение обязательств и его посредников, которые участвуют в качестве стороны в договоре с заказчиком.

В силу принципа относительности договорного обязательства требование к должнику в связи с неисполнением договорного обязательства должно быть предъявлено его контрагентом, который претерпевает договорное нарушение. В свою очередь, лица, участники конечного звена, которые потерпели реальные убытки, но не являющиеся сторонами договора с правонарушителем, ограничены в предъявлении прямого иска к должнику, поскольку надлежащий способ защиты их права выражается в требовании к их контрагенту. В этом выражается известный российскому праву принцип недопустимости конкуренции исков из договорных и деликтных оснований¹⁶².

Например, в отказном определении ВС РФ констатируется: «при этом суды указали, что возмещение лицом, имеющим договор с арендатором, вреда непосредственно арендодателю по правилам о деликтной ответственности, в обход договора аренды, недопустимо в силу того обстоятельства, что такое возмещение не прекращает обязанности возместить убытки третьим лицом - арендатору, а арендатора – арендодателю...»¹⁶³.

¹⁶² Проблема запрета конкуренции лиц – ответчиков имеет давнюю историческую традицию и неоднократно подвергалась критике в современных работах отечественных исследователей. Подробнее см.: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. *Общее учение об обязательстве*. М., 1950. С. 381 - 384. Из современных критических работ см.: Драгунова Т.В. *Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 12. С. 91 — 161.

¹⁶³ Определение Верховного Суда РФ от 02.09.2016 № 305-ЭС16-10782 по делу № А40-60569/2015.

Все это приводит к тому, что конечные выгодоприобретатели, которые имеют также интерес в исполнении не только своего, но и, прежде всего, чужого договорного обязательства одной договорной цепи, лишены возможности предъявить требование прямо к должнику.

Вместе с тем российское законодательство предполагает отдельные случаи, в которых третье лицо имеет возможность обратиться с требованием к должнику, минуя своего контрагента – надлежащего ответчика. Подобные экстраординарные ситуации объясняются необходимостью: а) обеспечить третьему лицу реализацию права на судебную защиту, который по каким-либо причинам не может его реализовать с учетом доступных правовых средств: б) предоставить дополнительные гарантии в силу объективного неравенства возможностей сторон договора. Если определение неравенства возможностей и регламентация прямого требования к должнику является прерогативой законодателя, то установление обстоятельств того, что третье лицо фактически лишено возможности защитить свои нарушенные права осуществляется в судебной практике.

Согласно ст. 1095 – 1098 ГК РФ устанавливаются возможности для потребителей обратиться с требованием к изготовителю, минуя продавца, с учетом того, что продавец и изготовитель являются разными лицами. Фактически потребитель-потерпевший вправе заявить требование к должнику, минуя своего контрагента по договору купли-продажи/услуг. По смыслу п. 1 ст. 1096 ГК РФ потерпевший вправе самостоятельно определить, к кому предъявить требование к изготовителю или к продавцу. Аналогичные нормы предусматриваются ст. 14 Закона о защите прав потребителя¹⁶⁴.

Даже несмотря на то, что требование покупателя к изготовителю представляет иск о возмещении вреда, его предъявление к стороне договора, в котором покупатель не участвует, может расцениваться как правомерное влияние на договорное

¹⁶⁴ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

обязательство между продавцом и изготовителем. Реализация права на судебную защиту потребителем характеризует его как третье лицо, которое своими действиями оказывает воздействие на динамику обязательственных правоотношений между продавцом и изготовителем. Так, требование к изготовителю может повлечь возникновение оснований регрессного требования к продавцу, если последний нарушал обязательства по надлежащему хранению товара, что привело к его порче. В этом отношении удовлетворение требований потребителя в рамках ст. 1096 ГК РФ является необходимым юридическим фактом для возникновения оснований для регрессного требования к другой стороне обязательства.

При этом влияние третьего лица – потребителя может иметь косвенное значение для коммерсантов, которое выражается в возникновении репутационных рисков. Если продавец, ретейлинговая компания, узнает о факте некачественной продукции изготовителя, который может повлечь снижение репутации ретейлингового бизнеса продавца, то последний может предпринять меры по прекращению договора поставки или по изменению его условий. Более того, сами договоры могут устанавливать специальные механизмы, которые предусматривают порядок дальнейшего взаимодействия сторон в результате выявленного покупателем (третьим лицом) заводского брака. В этом отношении достаточно вспомнить случающиеся на практике массовые отзывы партий автомобилей их производителем в случае выявления фактов причинения вреда покупателям в результате заводского брака.

Следовательно, предъявление требования покупателем о возмещении вреда к изготовителю способно оказывать воздействие на стороны договора, и, как следствие, на обязательственные отношения между изготовителем и продавцом.

Несмотря на то, что в ст. 1095 ГК РФ устанавливается ограничение ее применимости к отношениям между коммерсантами, в судебной практике все же выражается иная позиция.

Прямое требование покупателя к изготовителю в порядке ст. 1095 ГК РФ представляет собой исключение, в первую очередь, из принципа недопустимости

конкуренции требований из договорных и деликтных оснований. Поскольку указанный принцип является производным правилом относительности договорного обязательства, то требование третьего лица – потребителя к изготовителю является особым правовым регулированием и в отношении п. 3 ст. 308 ГК РФ. Изготовитель товара несет обязанность по производству безопасной продукции пригодной для потребления не только перед контрагентом – коммерсантом по заключенному договору поставки, но и перед третьими лицами – конечными потребителями. Особенности правила, как и любые исключения из принципа относительности обязательства, обладают общими для них признаками.

Во-первых, потребитель имеет интерес не только в получении качественного товара, но и в обязательственных правоотношениях между продавцом и изготовителем. Потребитель заинтересован, чтобы договор поставки исполнялся изготовителем надлежащим образом, товар соответствовал качеству, которое предъявляется продавцом в рамках договора поставки. Во-вторых, потребитель является конечным звеном в приобретении товара или услуг, поэтому в случае его потребления он несет имущественные и нематериальные потери. В-третьих, потребитель является слабой стороной договора с продавцом, поскольку он обладает заведомо неравными переговорными возможностями¹⁶⁵. В таком случае, предъявление требований к продавцу или изготовителю является единственным способом защиты права доступным для такого потребителя.

¹⁶⁵ Подробнее о статусе слабой стороны и его влиянии на договорное обязательство см., напр., Дегтярева А. Ограничение свободы договора или защита прав слабой стороны: Постановление Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Административное право. 2014. № 2.

Требование третьего лица к должнику, минуя надлежащего ответчика – контрагента (в отношениях с участием коммерсантов).

Несмотря на то, что в ст. 1095 ГК РФ устанавливается ограничение ее применимости к взаимоотношениям между коммерсантами¹⁶⁶, в судебной практике допускаются различные отступления из указанного правила. В частности, суды могут поддержать позицию третьего лица – коммерсанта (а не конечного потребителя), который обращается с иском к производителю.

Так, в одном из дел суды взыскали убытки с производителя вагонов в пользу конечного покупателя - коммерсанта из-за недостатка, обнаруженного в приобретенных вагонах¹⁶⁷. Исковое требование коммерсанта связано с тем, что из-за некачественного ремонта и заводского брака боковой рамы вагоны сошли с рельс. Собственник вагона (покупатель) обратился с требованием о возмещении убытков солидарно к производителю боковой рамы и подрядчику, выполнявшему деповский ремонт. В результате рассмотрения спора суды удовлетворили исковое требование покупателя в полном объеме.

Довод ответчика, что истец не вправе предъявлять требования к изготовителю дефектной детали, так как товар использовался исключительно в предпринимательской деятельности, исследован и отклонен, поскольку из смысла ст. 1064 ГК РФ усматривается, что требования о возмещении вреда могут быть заявлены:

- исключительно к причинителю вреда;
- при наличии вины причинителя вреда, если законом не предусмотрено возмещение вреда, и при отсутствии вины причинителя вреда

¹⁶⁶ Суды толкуют указанное ограничение в буквальном смысле, не допуская возможность ограничения. В связи с указанным правилом также выявлена судебная практика, из которой следует, что в случае обращения предпринимателя с иском к производителю товара в обход продавца, суды отказываются в удовлетворении исковых требований. См., например, Постановление АС Московского округа от 28.01.2015 № Ф05- 13214/2012 по делу № А40-84472/12-161-782, Постановление ФАС Центрального округа от 03.06.2011 по делу № А36-3326/2010.

¹⁶⁷ Постановление 17 ААС от 28.03.2014 № 17АП-695/2013-ГК № А60-42185/2012.

(например, в соответствии со ст. 1079 ГК РФ - ответственность за вред, причиненный деятельностью, представляющей повышенную опасность).

При этом основание и условия деликтной ответственности, предусмотренные ст. 1064 ГК РФ, не ставятся в зависимость от наличия или отсутствия договорных отношений. Вред, причиненный имуществу юридического лица в связи с приобретением товара не в потребительских целях (в частности, для использования в предпринимательской деятельности), подлежит возмещению по общим основаниям, предусмотренным ст. 1064 ГК РФ.

Таким образом, в судебной практике также допускается возможность предъявить требование о возмещении убытков к изготовителю не только для потребителя (ст. 1095 ГК РФ), но и для предпринимателя-коммерсанта (ст. 1064 ГК РФ). При этом, думается, что такой подход нарушает принцип единообразия судебной практики в отношении невозможности конкуренции исков из деликтного и договорного основания, который отмечался ранее. В указанном случае надлежащим ответчиком по требованию покупателя должен быть продавец вагонов, а не изготовитель конкретных деталей указанных вагонов. В противном случае предъявление требований к любым иным лицам, которые даже не могут предвидеть круг потенциальных потерпевших в результате их ненадлежащего исполнения, нарушает принцип относительности договорного обязательства.

Несмотря на объективные сложности в правоприменении, в российском праве существуют предпосылки для развития правовой идеи о необходимости защиты интересов третьих лиц, нарушенных сторонами чужого договорного обязательства. В этом отношении нельзя утверждать, что в российском праве отсутствует эффективная защита интересов третьего лица в судебных спорах против сторон чужого обязательства. Несмотря на то, что вышеупомянутые доктрины о взаимосвязанных и охранительных договорах не имплементированы в российском праве, в отечественном законодательстве и судебной практике аналогичные проблемы уже поднимались и подразумевают особенный подход к их разрешению.

Во-первых, необходимо отметить, что российское законодательство уже содержит перечень ситуаций, когда третье лицо все же может предъявить требование к должнику в рамках чужого обязательства. Например, при залоге обязательственных прав после возникновения оснований для обращения на заложенное право требования залогодержатель имеет право на получение исполнения по данному требованию с должника¹⁶⁸. В таком случае залогодержатель как третье лицо имеет прямое право требования к должнику в рамках чужого обязательства.

Требование залогодержателя к должнику возможно объяснить тем, что договор залога и договор, в рамках которого заложены обязательственные права кредитора, являются взаимосвязанными соглашениями. Этим объясняется роль кредитора–залогодержателя в отношениях между должником и залогодателем. Указанная правовая ситуация весьма сходна с положениями ФГК относительно косвенного требования третьего лица к должнику от имени кредитора (*l'action oblique*). Вместе с тем предусмотренное законом право требования залогового кредитора относится лишь к отношениям залога, в то же время косвенное требование кредитора устанавливается законодательством в качестве общего положения французского обязательственного права.

Во-вторых, концепция взаимосвязанных договоров находит своего рода поддержку законодателя применительно к отношениям выкупного лизинга, которые представляют договорные правоотношения между продавцом и лизингодателем, с одной стороны, и лизингополучателем, и лизингодателем — с другой. Так, лизингополучатель как третье лицо вправе предъявлять требования к продавцу объекта лизинга, которые основаны на правоотношениях между продавцом и лизингодателем¹⁶⁹. В случае если лизингодатель отвечает перед лизингополучателем за выбор продавца, то лизингополучатель как третье лицо вправе предъявлять

¹⁶⁸ п. 3 ст. 358 ГК РФ.

¹⁶⁹ п. 1 ст. 670 ГК РФ.

требования из договора купли-продажи как к лизингодателю, так и к продавцу объекта лизинга.

В судебной практике отношения выкупного лизинга всегда предполагали взаимосвязанность, в том числе, в цепочке договоров сублизинга. Лизинговое обязательство является структурно осложнённым, но единым обязательством, которое возникает на основании как минимум двух юридических фактов: договора купли-продажи имущества и договора лизинга¹⁷⁰. При разрешении споров об имущественных последствиях исполнения и расторжения нескольких взаимосвязанных договоров выкупного лизинга подлежит определению совокупный сальдированный результат¹⁷¹. Согласно правовой позиции СКЭС ВС РФ в случае расторжения договора выкупного лизинга в связи с неисполнением обязательства сублизингодателя (посредника между лизингодателем и сублизингополучателем) существует необходимость осуществлять сальдирование во всей цепочке договоров лизинга¹⁷². Если сублизингополучатель исправно осуществлял лизинговые платежи в пользу сублизингодателя, который не исполнил свои обязательства в отношении кредитора– лизингодателя, то указанные платежи должны учитываться в результате расторжения договора сублизинга.

Правовая ситуация со сублизингом показывает готовность российских судов определять не только общую экономическую цель цепочки сделок в самостоятельных относительных отношениях между лизингодателем и сублизингодателем, с одной стороны, между сублизингодателем и сублизингополучателем — с другой, но и признавать общие правовые последствия для таких отношений.

Указанный общий правовой результат в относительных и независимых правоотношениях свойственен именно концепции взаимосвязанных договоров.

¹⁷⁰ См.: Беляева О.А. О применении лизинга в контрактных отношениях // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 1. С. 16 - 18.

¹⁷¹ п. 15 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга)» утв. Президиумом ВС РФ от 27.10.2021.

¹⁷² Определение СКЭС ВС РФ от 30.09.2021 № 301-ЭС21-10601.

Подобная квалификация отношений лизинга представляется важным аргументом в пользу того, что в российской судебной практике осознается необходимость в защите интересов третьего лица путем признания цепочки договоров сублизинга в качестве взаимосвязанных договоров. Остается открытым вопрос, могут ли подобные правовые позиции Верховного суда РФ быть адаптированы к иным договорным конструкциям помимо отношений сублизинга.

Требование третьего лица к должнику, который не исполнил договорное обязательство кредитору в рамках взаимосвязанной цепочки договоров

В определенных ситуациях третьи лица претерпевают негативные правовые последствия в результате ненадлежащего исполнения договорного обязательства должником, который находится в цепочке взаимосвязанных сделок. Третье лицо, который является конечным приобретателем экономического блага претерпевает наибольшие экономические потери. Наиболее очевидным способом защиты права в таком случае выступает обращение с договорным требованием к собственному контрагенту. Однако ситуация может осложняться тем, что такой способ не позволит восстановить поврежденную имущественную сферу такого третьего лица. Например, в случае банкротства или ликвидации собственного контрагента, то есть когда существуют весомые основания полагать, что предъявление требования третьим лицом к должнику-банкроту мало того, что не позволит получить компенсацию возникших убытков, но и не позволит привлечь к ответственности должника, который состоит в договорных отношениях с банкротом, и в результате неисполнения которого третье лицо понесло экономические убытки.

Аргумент о невозможности защиты права таким третьим лицом воспринимается российскими судами позитивно. И это притом, что институт взаимосвязанных договоров (linked contracts) в российском праве де-юре отсутствует¹⁷³.

¹⁷³ Подробнее о взаимосвязанных договорах как о единой коммерческой единице на основе французского опыта см. выше.

Для того, чтобы определить позитивные тенденции в судебной практике применительно к случаям «выпадения» надлежащего ответчика – контрагента по договору следует проанализировать правовую логику судов на конкретных примерах.

Так, в деле ООО «Магадан-Тест» СКЭС ВС РФ была подтверждена возможность взыскания убытков с лица, которое отвечало за надлежащую сертификацию объекта лизинга, в пользу третьего лица, которое не являлось стороной договора¹⁷⁴. Думается, что выраженная позиция СКЭС ВС РФ важна не только с точки зрения развития идеи о чистых экономических убытках в России¹⁷⁵, но и в связи с признанием судом законного интереса третьего лица в чужом обязательстве и необходимости гарантии его права на защиту.

Обстоятельства указанного дела состояли в том, что лизингополучатель (В.А. Федоров, истец) не смог использовать объект лизинга – полученное транспортное средство в связи с прекращением действия сертификата. С целью защиты своих прав лизингополучатель обратился в суд с исковыми требованиями как к контрагенту по договору лизинга (ООО «Сарфининвест»), так и к лицу, которое выдавало незаконный сертификат – ООО «Магадан Тест». Ответчик (ООО «Магадан Тест») очевидно возражал против заявленных требований, обращая внимание суда на то, что оно не является обязанным для истца лицом ни по договору, ни по деликту. ООО «Магадан Тест» заключало договор об осуществлении действия по сертификации с ООО «Энерготехстрой», которое осуществило куплю-продажу транспортного средства с лизинговой компанией. Следовательно, надлежащая выдача сертификата – это сфера действия договора между ООО «Магадан Тест» и ООО «Энерготехстрой».

¹⁷⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.05.2018 по делу № 306-ЭС17-18368, А57-15013/2016.

¹⁷⁵ О значимости дела Федоров против ООО «Магадан тест» с точки зрения развития доктрины о чистых экономических убытках см., например, Ягельницкий А.А. Ответственность за недостоверное заявление. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2019, № 8. Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2.

Суды апелляционной и кассационной инстанций ожидаемо согласились с указанной позицией ООО «Магадан – тест» и отказали истцу в удовлетворении требований. Суды исходили из того, что ООО «Магадан-Тест» «стороной договора лизинга не являлось, предмет лизинга для лизингодателя - лизинговой компании не приобретало, договор на осуществление действий по сертификации спорного товара с последним в интересах Федорова В.А. не заключало».

Несмотря на это, СКЭС ВС РФ все же установила подлежащий защите интерес В.А. Федорова. По мнению коллегии, суды, указывая на отсутствие между истцом и обществом «Магадан-Тест» договорных отношений и не усмотрев оснований для взыскания убытков из деликтных обязательств, ограничились формальным применением норм и фактически лишили истца права на судебную защиту. Коллегия обратила внимание, что поскольку ООО «Энерготехстрой» на момент подачи искового заявления фактически ликвидировано, то и право предъявления иска продавцу утрачено в силу объективных причин.

Представляется, что значимость правовой позиции СКЭС ВС РФ в указанном деле выражается, во-первых, в признании интереса третьего лица во взаимосвязанном договоре, в рамках которого осуществлялась сертификация товара, во-вторых, в признании третьего лица в качестве конечного звена, понесшего основные имущественные потери в связи с непригодностью приобретенного товара, и наконец, в-третьих, в наделении такого третьего лица возможностью требования возместить убытки с непосредственного должника, не исполнившего взаимосвязанное договорное обязательство.

Аналогичную логику преследует и Арбитражный суд Уральского округа, который рассмотрел дело ООО «Афины» против ООО «Новэлстрой». ООО «Афины»

предъявило исковое требование к подрядчику в результате несения расходов на устранение недостатков выполненных работ¹⁷⁶.

Суды, отказывая в иске, исходили из того, что строительство объекта велось подрядчиком ООО «НовэлСтрой» на основании договора, заключенного с ООО «Логистический терминал» (застройщик), в свою очередь, ООО «Логистический терминал» в целях финансирования строительства объекта привлекало инвесторов, в том числе, истца ООО «Афины». При этом правоотношений между истцом и ООО «НовэлСтрой» не установлено, обязательства ООО «НовэлСтрой» перед истцом отсутствуют, ООО «НовэлСтрой» не является надлежащим ответчиком.

Суд кассационной инстанции с такой логикой судов не согласился. С требованиями о возмещении убытков за недостатки (дефекты), обнаруженные в процессе эксплуатации объекта, инвестор вправе обратиться к застройщику, который, в свою очередь, вправе обратиться с требованием об устранении недостатков к подрядчику, однако, как следует из материалов дела, застройщик ООО «Логистический терминал» прекратил свою деятельность. Следовательно, у третьего лица – ООО «Афины» не было иной возможности защитить свои права, кроме как обратиться с требованием о возмещении убытков к подрядчику ООО «НовэлСтрой».

Арбитражный суд Уральского округа в указанном деле подчеркнул важность права ООО «Афины» на судебную защиту, хотя оно и было третьим лицом в отношении договора между ООО «НовэлСтрой» и ООО «Логистический терминал». Однако с учетом мотивировки судебного акта, если бы застройщик не прекратил свою деятельность, подрядчик был бы ненадлежащим ответчиком по иску.

Акцентирование внимания судов на необходимость представления третьему лицу судебной защиты с целью восстановления имущественного положения, поврежденного неисполнением обязательств должником в рамках чужого

¹⁷⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.04.2021 № Ф09-733/21 по делу № А60-31847/2020.

обязательства, демонстрирует готовность судов самостоятельно определять статус третьего лица и его интерес в чужом обязательстве. Совершенно очевидно, что такая защита не может представляться иным лицам, которые не претерпевают негативные последствия неисполнения обязательства должником, не совершают действий по защите нарушенных интересов.

Правовые ситуации с выпадением звена в цепочке взаимосвязанных сделок фактически вынуждают суды отходить от формального правила о недопустимости конкуренции договорного и деликтного требования к должнику, принципа относительности договорного обязательства и расценивать фактические обстоятельства с точки зрения факта нарушения прав и интересов третьего лица.

С учетом проанализированной судебной практики и международного опыта предлагается необходимым определить основные критерии для удовлетворения требования третьего лица к должнику, в связи с неисполнением обязательства по взаимосвязанному договорному обязательству:

Условие 1: третье лицо должно иметь непосредственный интерес в чужом обязательстве. Такой интерес выражается в надлежащем исполнении обязательства должником, поскольку такое исполнение фактически определяет степень удовлетворённости третьего лица полученным в конечном итоге материальном благе в рамках собственного обязательства. Например, в отношениях покупатель заинтересован, чтобы обслуживающая компания осуществила надлежащий ремонт объекта купли-продажи и передала его продавцу, который, в свою очередь, реализует его покупателю.

Условие 2: третье лицо должно быть конечным звеном в цепочке взаимосвязанных сделок, опосредующих переход экономического блага, поскольку только в таком случае оно несет наибольшие имущественные потери в связи с неисполнением обязательства должником в рамках взаимосвязанного договора. При этом указанное третье лицо может быть как потребителем, который приобретает

товары и услуги для личного потребления, так и профессиональным участником рынка, использующим их для ведения предпринимательской деятельности.

Условие 3: третье лицо не имеет иных способов защиты права, кроме как обратиться с требованием к должнику, который не исполнил собственное обязательство перед кредитором. Как показывает судебная практика такое условие имеет место, в случае если должник каким-то образом фактически освобождается от несения негативных последствий в результате ненадлежащего исполнения обязательств перед собственным кредитором. Чаще всего такая ситуация возникает, когда обстоятельства ненадлежащего исполнения обнаруживаются третьим лицом спустя длительное время, однако к этому моменту кредитор уже не осуществляет деятельность и не может отвечать по договорному требованию перед третьим лицом. Представляется, что подобное выпадение кредитора из последовательной цепочки сделок, опосредующих передачу условного блага, не должно препятствовать конечному приобретателю – третьему лицу в деликтном требовании к последнему «ответственному» звену – должнику.

Ранее были проанализированы формы влияния третьего лица, которое может осуществляться как в рамках предусмотренных договорных конструкций путем реализации предусмотренных законом механизмов вступления в договорные правоотношения, так и вне договора путем реализации права на защиту интереса в чужом обязательстве. Правомерные формы влияния третьего лица на договорное обязательства лишь доказывают необходимость расширительного толкования принципа относительности договорного обязательства. Такое толкование может сводиться к тому, что несмотря на то, что договор направлен на регулирование только лишь отношений между кредитором и должником, это не означает, что любые юридически значимые действия в рамках договора не могут иметь значение для третьих заинтересованных лиц.

В указанном смысле принцип относительности договорного обязательства имеет регулирующую функцию, которая выражается в определении статуса или лиц,

которые участвуют в исполнении договорного обязательства (кредитор, должник, третье лицо), в определении субъективных прав и обязанностей таких участников, которые необходимы для достижения цели обязательства. Тем самым, указанный принцип обеспечивает предсказуемость поведения сторон договорного обязательства, а также позволяет сформировать ожидания всех его сторон.

Однако как уже было отмечено договор и его действие не могут существовать отрешенно от общего гражданского оборота. Кредитор и должник имеют собственные отдельные правоотношения с иными лицами по поводу перемещения иных экономических благ. Также не исключены правовые связи с третьими лицами, которые имеют интерес не только в участии должника или кредитора в рамках отдельного правоотношения, но и в самом обязательстве между кредитором и должником. В таком случае принцип относительности договорного обязательства проявляет свое вторую функцию – охранительную.

Выдача согласия на совершение сделки (ст. 157.1 ГК РФ) как возможность влияния третьих лиц на договорные обязательства.

В соответствии со ст. 157.1 ГК РФ определяется порядок предоставления согласия и последующего одобрения в случаях, когда в силу закона такое согласие требуется для совершения сделки.

В специальной литературе существуют различные позиции относительно правовой природы согласия на совершение сделок. Е.А. Воробьева рассматривает согласие в качестве «сделкоподобного» действия, которое служит одним из оснований для возникновения, прекращения или изменения прав и обязанностей у других лиц¹⁷⁷. В.А. Болдырев определяет согласие как совершение сделки, выдаваемое участникам гражданского оборота, с одной стороны, и как решение

¹⁷⁷ См.: Воробьева Е.А. Правовая природа согласия антимонопольного органа на совершение сделки юридическим лицом // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 132.

органа юридического лица, с другой¹⁷⁸. Наиболее классическими позициями считаются квалификация согласия как односторонней сделки¹⁷⁹, юридического поступка¹⁸⁰, особый юридический факт в рамках сложного фактического состава¹⁸¹, разновидность юридического действия, которое имеет особое значение и не относится к сделкам¹⁸².

Думается, что проблема определения правовой природы согласия, в том числе как сделки или поступка, сводится к тому, что из-за обширного разнообразия категории согласия, последнее в определенных случаях может выступать как «сделка», в других – как «поступок». Например, очевидно, что согласие органа юридического лица не может являться поступком, поскольку орган юридического лица выражает функцию волеобразования, то есть его действия направлены на создание, изменения и прекращение прав и обязанностей. Иное дело обстоит при согласии родителя на совершение сделки малолетним ребенком. В указанном случае согласие выступает как юридический поступок, поскольку очевидно, что действия родителя не только не направлены на создание правовых последствий, но и касаются имущественного положения иного лица – малолетнего опекаемого ребенка. Проблема определения правовой природы согласия не просто не разрешима в силу разнообразия общественных отношений, но и не имеет практической направленности, учитывая, разъяснения Верховного суда РФ о природе сделки¹⁸³.

¹⁷⁸ См.: Болдырев В.А. Согласие на совершение сделки: правовая природа и место в системе юридических фактов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 82–86.

¹⁷⁹ Подробнее анализ позиции см.: Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009. С. 106 – 110.

¹⁸⁰ См.: Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 215, 216.

¹⁸¹ См.: Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: Учеб. пособие. М., 2015. С. 92.

¹⁸² См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2000. С. 193.

¹⁸³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 50.

Для определения случаев влияния третьего лица на договорное обязательство путем выдачи согласия на совершение сделки следует обозначить типы таких согласий и самих субъектов волеизъявления.

Во-первых, согласие государственного органа или органа местного самоуправления, которое является административным актом, разновидностью юридического акта, самостоятельным юридическим фактом. Например, антимонопольный орган дает свое согласие на слияние крупнейших компаний в определенной сфере рынка или правительственная комиссия выдает разрешение на сделки купли-продажи акций и долей в иностранных компаниях.

Подобные согласия направлены на регулирование правоотношений в отдельной сфере. Это означает, что органы государственной власти должны принимать непосредственное участие в экономических процессах, поскольку является гарантом баланса интересов в той или иной сфере жизни. Например, совершенно недопустима монополизация рынка путем слияний или объединений капиталов в одно предприятие-монополиста, поэтому для совершения подобных сделок антимонопольный орган дает свое согласие, если ситуация не выходит за рамки правового регулирования конкуренции на рынках.

Также важно отметить, что волеизъявитель в виде государственного органа или органа местного самоуправления не имеет собственного интереса в даче согласия. Орган государственной власти не имеет собственного интереса в одобрении той или иной сделки, поскольку действует в строгом соответствии с полномочиями, установленными законом. Цель государственного органа применить закон по его назначению, что должно привести к защите нарушенных прав или превенции правонарушения. Таким образом, выдача согласия государственного органа не предполагает частного интереса в договорном обязательстве, и не может рассматриваться в качестве влияния на чужие договорные обязательства.

Во-вторых, «волеформирующее» согласие, то есть согласие выступает как часть сложного фактического состава, соблюдение которого необходимо для совершения

сделки. К данной категории представляется возможным относить согласие родителя на совершение сделок малолетним ребенком (ст. 26 ГК РФ). На вопрос является ли третьим лицом субъект, который согласием дополняет волеизъявление представляемого, также представляется отрицательным. Например, родитель по смыслу ст. 26 ГК РФ является законным представителем. Последний не является третьим лицом, поскольку он действует в чужом интересе – в интересе представляемого. Следовательно, ни опекун, ни попечитель третьими лицами для обязательства между представляемым и контрагентом не выступают, а являются «дополняющим звеном» на стороне представляемого.

В-третьих, согласие третьего лица, преследующее частный интерес в чужом договорном обязательстве с участием контрагента. ГК РФ содержит значительный перечень подобных примеров: уступка требования по обязательству, где личность кредитора имеет существенное значение для должника, не допускается без согласия последнего (п. 2 ст. 388 ГК); при переводе долга должником на другое лицо необходимо согласие кредитора (п. 1 ст. 391 ГК); заказчик вправе заключить договоры на выполнение отдельных работ с другими лицами с согласия генерального подрядчика (п. 4 ст. 706 ГК).

Законом или договором может быть установлена императивная необходимость получения согласия лицом, права которого могут быть нарушены при наступлении определенных юридических фактов. По смыслу приведенных примеров к таким случаям относятся вступление нового субъекта в правоотношение с контрагентом третьего лица, которое уполномочено выдавать согласие на совершение сделки. Вступление нового субъекта может нарушить права третьего лица. Таким образом, потенциальное участие в правоотношении нового контрагента зависит от волеизъявления (согласия) третьего лица. Вместе с тем вряд ли можно расценивать согласие третьего лица в качестве влияния на чужие договорные обязательства, если они фактически невозможны без соответствующего согласия.

Представляется, что позитивным влиянием третьего лица в виде согласия возможно в редких отдельных случаях, когда новый договор между кредитором и должником уже заключен, однако третье лицо, преследуя частный интерес в чужом договорном обязательстве отзывает его. Третье лицо, давшее предварительное согласие на совершение сделки, вправе отозвать его, уведомив стороны сделки до момента ее совершения и возместив им убытки, вызванные таким отзывом (статья 15 ГК РФ)¹⁸⁴. Более того, поскольку согласие на совершение сделки может быть признано недействительным применительно к положениям гл. 9 ГК РФ, при признании согласия на совершение сделки недействительным сделка может быть оспорена по мотиву отсутствия необходимого в силу закона согласия по правилам статьи 173.1 ГК РФ, действия по защите интереса третьим лицом по оспариванию указанного согласия также представляют возможность влияния на уже существующее договорное обязательство.

Таким образом, выдача согласия на совершение сделки (ст. 157.1 ГК РФ) не во всех случаях предполагает позитивное влияние третьего лица в том значении, в котором оно излагается в настоящем исследовании. Согласие на совершение сделки третьим лицом (ст. 157.1 ГК РФ) представляет позитивное влияние на чужое договорное обязательство в случае, если: а) третье лицо имеет частный интерес в чужом договорном обязательстве; б) третье лицо совершает действия по защите своего частного интереса в чужом договорном обязательстве (отзыв согласия, оспаривание согласия как недействительную сделку и др.).

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Установлено, что возникновение права требования третьего лица к должнику в исключительных случаях возможно в результате ненадлежащего исполнения взаимосвязанного чужого договорного обязательства должником.

¹⁸⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 57.

Отсутствие договора между должником и третьим лицом в таком случае не является надлежащим возражением в удовлетворении требований третьего лица.

2. *Установлены основные критерии для удовлетворения требования третьего лица к должнику о возмещении убытков, возникших в связи с неисполнением обязательства по взаимосвязанному договорному обязательству: а) третье лицо должно иметь интерес в чужом договорном обязательстве; б) третье лицо должно быть конечным выгодоприобретателем в цепочке взаимосвязанных договоров, опосредующих переход экономического блага, поскольку в таком случае указанное лицо несет основные имущественные потери в связи с неисполнением обязательства должником в рамках взаимосвязанного договора; в) третье лицо не имеет иных способов защиты права, кроме как обратиться с требованием к должнику, который не исполнил собственное обязательство перед кредитором.*

3. *Установлено, что российское законодательство предполагает отдельные случаи, в которых третье лицо имеет возможность обратиться с требованием к должнику, минуя своего контрагента – надлежащего ответчика. Подобные экстраординарные ситуации объясняются необходимостью: а) обеспечить третьему лицу реализацию права на судебную защиту, который по каким-либо причинам не может его реализовать с учетом доступных правовых средств; б) предоставить дополнительные гарантии в силу объективного неравенства возможностей сторон договора. Если определение неравенства возможностей и регламентация прямого требования к должнику является прерогативой законодателя, то установление обстоятельств того, что третье лицо фактически лишено возможности защитить свои нарушенные права осуществляется в судебной практике.*

4. *К примерным исключительным случаям из законодательства относятся возможность для потребителей обратиться с требованием к изготовителю, минуя продавца, с учетом того, что продавец и изготовитель являются разными лицами (ст. 1095 – 1098 ГК РФ); при залоге обязательственных прав после возникновения*

оснований для обращения на заложенное право требования залогодержатель имеет право на получение исполнения по данному требованию с должника (п. 3 ст. 358 ГК РФ).

5. К примерным случаям, выявленным в российской судебной практике, относятся: примеры расширительного толкования судами ст. 1095 ГК РФ, устанавливающей право потерпевшего заявить требование к производителю товара, минуя контрагента по сделке, также на споры между коммерсантами; сальдирование встречных обязательств сублизингополучателя и сублизингодателя, которые являются сторонами отдельных договорных обязательств (см. «дело Симакова»); взыскание убытков в пользу третьего лица в связи с ненадлежащим исполнением обязательства должника в рамках договора, входящего в цепочку взаимозависимых сделок (см. «дело Магадан-Тест»); а также при условии ликвидации надлежащего ответчика-контрагента (см. «дело Новэлстрой»).

6. Доказано, что согласие на совершение сделки третьим лицом (ст. 157.1 ГК РФ) представляет позитивное влияние на чужое договорное обязательство в случае, если: а) третье лицо имеет частный интерес в чужом договорном обязательстве; б) третье лицо совершает действия по защите своего частного интереса в чужом договорном обязательстве.

§ 3. Негативное (противоправное) влияние третьего лица

Охранительная функция принципа относительности носит двойное значение. С одной стороны, это ограничение для самих кредитора и должника – они не вправе договором устанавливать обязанности для третьего лица. С другой стороны, это право на возражение для сторон договора против всех третьих лиц, которые осуществляют какое-либо неправомерное влияние на договорное обязательство. Например, в случае, когда третье лицо заявляет требование о готовности принять исполнение, закон устанавливает для должника право потребовать доказательства уполномоченности на принятие такого исполнения (ст. 312 ГК РФ). Такое возражение является проявлением охранительной функции принципа относительности договорного обязательства.

Несмотря на упорядочивание отношений сторон договора и третьих лиц возможности защиты интересов третьих лиц, последние могут предпринимать попытки по обеспечению своих интересов неправомерными способами, которые, в конечном итоге, выражаются в причинении вреда сторонам договора. Как правило, к таким способам относятся любые неправомерные действия третьего лица, препятствующие исполнению договорного обязательства, вмешательства в чужие договорные отношения путем сговора должника и третьего лица против кредитора. Нарушение, изменение, прекращение договорного обязательства представляет какой-либо правовой результат не только для сторон обязательства, но и для третьих лиц. Если кредитор не получит товар или услугу от должника, то ее может получить третье лицо. Если кредитор и должник договорятся расторгнуть договор, то с должником заключит новый договор третье лицо. Поэтому изменение динамики договорного обязательства представляет цель третьего лица, поскольку в таком случае для него возникает новая возможность или выгода.

Негативное влияние третьего лица составляют действия, направленные на создание условий для изменения, прекращения и нарушения чужого договорного обязательства, и извлечения выгоды от такого нарушения. В основе противоправного

влияния третьего лица лежит его интерес в договорном обязательстве, который выражается в приобретении материальных и нематериальных благ путем совершения неправомерных действий.

Проблема относительно того, в чем заключается противоправность действий третьего лица, препятствующих исполнению чужого обязательства в своих интересах, представляет наибольший научный интерес для достижения целей настоящего исследования.

Противоправный характер действий третьих лиц: постановка проблемы

Проблема признания действий третьего лица в качестве противоправных, то есть причиняющих вред имущественному праву кредитора, осложняется тем, что третье лицо не может нарушить относительное право кредитора. И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц указывали, что лица, не причастные к данному обязательственному отношению, не обязаны перед кредитором, и потому последний по общему правилу не может направить против них какие-либо притязания. Эти посторонние данному обязательству лица не могут нарушить права кредитора¹⁸⁵.

Также должник является единственным лицом, которое несет договорную ответственность, в том числе, за действия всех иных или третьих лиц (ст. 403 ГК РФ)¹⁸⁶. В противном случае кредитор просто бы лишился разумных ожиданий получить исполнение от конкретного должника, с которым он решил иметь дело в рамках договора, а для должника создавалась бы возможность необоснованно перекладывать договорную ответственность на иных лиц. Такое положение дел не соответствует ни принципу относительности обязательства, ни свободе договора.

Необходимость соответствия фундаментальным принципам обязательственного права фактически ограничивает кредитора в доступных способах

¹⁸⁵ См.: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. *Общее учение об обязательстве*. М., 1950. С. 47.

¹⁸⁶ Исключением из указанного правила является например п. 6 ст. 313 ГК РФ, где устанавливается ответственность третьего лица, исполнившего обязательство вместо должника, в неденежной форме.

защиты нарушенного права. Например, если кредитор знает, что действия третьего лица также способствовали нарушению договорного обязательства, то требование о взыскании убытков должно быть, в любом случае, предъявлено должнику, поскольку именно последний несет договорную ответственность перед должником.

Привлечение третьего лица к деликтной ответственности также несовместимо с реализацией права должника расторгнуть договор с кредитором или совершение должником так называемого «эффективного» правонарушения (должник получает больше выгоды от намеренного неисполнения договорного обязательства, нежели от его надлежащего исполнения). Указанная проблема особенно остро проявляется, если рассматривать действия должника с точки зрения экономического анализа.

Рассуждая о специальном методе *common law*, R. Posner утверждает, что суть метода заключается в распределении обязанностей между взаимодействующими субъектами таким образом, чтобы максимизировать общую стоимость вещи и минимизировать стоимость совместной деятельности¹⁸⁷. Если следовать подобной правовой логике, выходит, что заключение нового наиболее выгодного договора должником является его правом, а третье лицо не должно каким-либо образом отвечать перед кредитором за сделанное предложение должнику. В таком случае действия третьего лица и должника направлены на максимизацию стоимости собственной хозяйственной деятельности и право не должно препятствовать им в этом.

Вместе с тем существует обратная позиция относительно того, почему действия третьего лица, воздействующие на должника и подвигающие на какое-либо изменение чужих договорных отношений, все же должны восприниматься как деликт. В качестве такого обоснования W. Landes и R. Posner утверждают, что деликтная ответственность третьего лица как интервента должна иметь место в случаях если кредитор не может получить полное возмещение договорных убытков с должника в силу банкротства

¹⁸⁷ См.: Posner R. *Economic Analysis of Law*. 1972. P. 41 – 43.

последнего¹⁸⁸. L.BeVier полагает, что деликтная ответственность третьего лица – интервента применима к ситуациям, когда кредитору по каким-то причинам не удастся взыскать полную сумму договорных убытков с должника¹⁸⁹. Иными словами, идея заключается в том, что деликтная ответственность третьего лица – интервента имеет вспомогательный субсидиарный характер к первоначальному требованию кредитора к должнику о возмещении договорных убытков, вызванных его ненадлежащим исполнением договора.

Ф. McChesney считает, что деликтная ответственность третьего лица – интервента должна наступать в тех случаях, когда «стоимость» вещи, передаваемой по договору между кредитором и должником, превышает сумму потенциального денежного возмещения вследствие расторжения договора с должником¹⁹⁰. В таких случаях денежное возмещение договорных убытков для кредитора является менее экономически эффективно, нежели получение самого предмета исполнения от должника. Например, если речь идет о поставке товара, который субъективно оценивается кредитором выше, чем его рыночная «реальная» цена. Следовательно, меры договорной ответственности за срыв поставки уникального товара со стороны должника в результате склонения со стороны третьего лица – интервента являются для кредитора неэффективными с экономической точки зрения.

Все упомянутые позиции исследователей сводятся к обоснованию ответственности третьего лица – интервента только лишь с позиции экономической эффективности. В этой связи ответственность третьего лица – интервента воспринимается исключительно с точки зрения оценки достижения цели кредитора в покрытии возникших убытков в результате нарушения договорного обязательства

¹⁸⁸ Landes W., Posner R. Joint and Multiple Tortfeasors: An Economic Analysis, 9 J. Legal Stud. 517. 1980. P. 4- 9; Posner R. Common-Law Economic Torts: An Economic and Legal Analysis // 48 Ariz. L. Rev. 735, 743-745. 2006. P. 15-19.

¹⁸⁹ BeVier L. Reconsidering Inducement // 76 Va. L. Rev. 877. 1990. P. 15-17.

¹⁹⁰ См.: McChesney F. Tortious Interference with Contract Versus «Efficient Breach»: Theory and Empirical Evidence, 28 J. Legal Stud. 131. 1999. P. 77.

должником. Вследствие такой логики деликтная ответственность третьего лица является дополнительной, то есть воспринимается неразрывно с договорной ответственностью должника. Если взыскание договорных убытков покрывает все расходы, которые понес кредитор в результате ненадлежащего исполнения обязательства, то и третье лицо не должно нести ответственность за возникшие убытки кредитора¹⁹¹.

Вмешательство третьих лиц в чужие договорные отношения: иностранный опыт и российские реалии

Вышеуказанная проблема квалификации действий третьих лиц в качестве противоправного поведения возникает в связи с тем, что недостаточным образом обосновывается наличие у третьих лиц абсолютной обязанности воздерживаться от вмешательства в чужие договорные отношения. Если третье лицо нарушает такую обязанность, то такие действия должны признаваться в качестве неправомерных. Для того, чтобы определить пределы такой абсолютной обязанности, следует обозначить значение понятия вмешательства в чужие договорные отношения.

Подобные случаи неправомерного влияния в научных работах преимущественно зарубежных авторов принято именовать как «неправомерное вмешательство» (*tortious interference*)¹⁹². Существо термина «интервенция» предполагает недобросовестные действия интервента, которые направлены на причинение негативных юридических последствий для сторон чужого обязательства с целью извлечения собственной выгоды.

¹⁹¹ Примечательно, что в российской доктрине также высказывается аналогичное мнение о том, что исковое требование кредитора о возмещении убытков с третьего лица возможно при условии исчерпаемости предусмотренных договором способов защиты права. См., напр., Тарасов П.А. Соотношение ответственности нарушившей обязательство стороны и деликтной ответственности недобросовестного интервента // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2020. № 10.

¹⁹² См.: Dobbs V. *Tortious interference with contractual relationships* // 34 Ark. L. Rev& 335, 338. 1980. P. 4- 10.

Исторически возмещение убытков вследствие неправомерного вмешательства являлось способом защиты работодателя от убытков, которые он претерпевал в результате приостановки работ со стороны незаменимых работников. Например, в собственном исследовании D. Dobbs отмечает, что споры по поводу вмешательства разрешались в средние века, когда феодал был вправе возместить убытки с лица, который наносил увечья слуге феодала, в результате чего последний уже не мог рассчитывать на выполнение своих приказов¹⁹³. Спустя время суды стали разрешать подобные дела не только в случаях нанесения физических увечий, но и в принципе в результате неправомерных действий со стороны третьего лица.

В 1853 г. английские судьи разрешили известное дело *Lumley v. Gye*, которое, как указывают американские и английские исследователи¹⁹⁴, существенно повлияло на становление доктринальной идеи о неправомерном вмешательстве третьих лиц в чужие договорные отношения.

В деле *Lumley v. Gye* суды признали обоснованной позицию истца, который обратился с иском о возмещении убытков в связи с тем, что последний склонил оперного певца отказаться от участия в концерте, о котором уже договорились истец и исполнитель. За отказ сотрудничества ответчик предложил исполнителю денежную сумму, большую чем предлагал истец за участие в концерте. Предложение более высокой платы от третьего лица, ответчика, создало благоприятные экономические условия для отказа от участия в концерте. Суды обратили внимание, что в данном случае правонарушение третьего лица – ответчика заключалось в «неправомерном и злонамеренном» вмешательстве в договор об

¹⁹³ См.: Prosser W., Keeton P. *Prosser and Keaton on Torts*. 1984. P. 970-980.

¹⁹⁴ См.: Baron S., Lane H., Schulz D. *Tortious Interference: the Limits of Common law Liability for Newsgathering* // *William & Mary Bill of Rights Journal*. Vol. 4 Issue 3. 1996. P. 53-58.

оказании услуг между исполнителем и истцом¹⁹⁵. В последующих делах подобное правонарушение стало признаваться таковым не только при заключенных договорах, но и при ведении переговоров на преддоговорной стадии.

Приобретая все более универсальную форму в common law, идея вмешательства в чужие договорные отношения стала означать ответственность третьих лиц за любое воздействие на одну из сторон уже сложившихся договорных или преддоговорных отношений (economic relationship). Третье лицо не несло ответственности за вмешательство, если такие действия имеют достаточное правовое обоснование. Подобное широкое толкование деликта не могло не вызывать оживленные дискуссии как в американском, так и в английском сообществе. Несмотря на то, что английский и американский подход к вмешательству имеет общие доктринальные истоки из дела Lumley v. Gye, к середине XX века пути развития идеи вмешательства в каждой юрисдикции разминулись.

В 1923 г. американский исследователь Francis Sayre опубликовал статью с призывом переформулировать элементы деликтной ответственности и усилить требования к бремени доказывания на стороне истца по делам о взыскании убытков за склонение к расторжению договора¹⁹⁶. В середине 1960-х годов Американский юридический институт в авторитетном доктринальном источнике Restatement дал разъяснения, что для привлечения к ответственности воздействие третьего лица на договор должно быть, в первую очередь, совершено неправомерными/недопустимыми (improper) способами.

При этом указанная формулировка не разрешила неопределенности подхода в правоприменительной практике, судебные дела по-прежнему разрешались скорее непредсказуемо. Неслучайно в 1990-х годах американские исследователи отметят, что

¹⁹⁵ Аналогичная формулировка имела место и в последующей развивающейся американской судебной практике. В деле *Angle v. Chicago* 1894 Верховный суд США также указывает, что ответственность третьего лица – интервента наступает за «злонамеренное» вмешательство (malicious interference).

¹⁹⁶ Anderson D. An Errant Tort // 9 Rev. Litig. 409. 1990. P. 74 – 90.

вмешательство в чужие договорные отношения как разновидность правонарушения вызывает «доктринальную неразбериху» не только в рамках отдельного штата, но и по всей стране¹⁹⁷.

Неслучайно американские исследователи в области экономического анализа права до сих пор задаются обоснованным вопросом, может ли третье лицо нести ответственность лишь за переубеждение или какое-то склонение к неисполнению договора. Действительно, третье лицо само противоправных действий в рамках договора не совершает, оно лишь воздействует на должника таким образом, что тот допускает нарушение договора. В том числе по этой причине авторы американского Restatement уточнили в последующих редакциях комментария, что третье лицо несет ответственность лишь при совершении «недопустимых» (improper) методов воздействия. Для примера подобных методов авторы Restatement приводят следующие ситуации:

Казус 1: **А** регулярно приобретает товар у **В**. Узнав, что **В** заключил договор с **С**, **А** прекращает закупки у **В**. **В** спрашивает у **А**, в чем причина расторжения договора, и **А** говорит, что он узнал о договоре между **В** и **С**, а поскольку это так, то не желает сотрудничать с **В**. **В** разрывает договор с **С**, чтобы продавать товары именно только в пользу **А**.

Вышеуказанная ситуация не считается вмешательством, **А** не несет ответственности перед **С** поскольку **А** не совершает воздействия в негативном смысле на **А**, а реализует собственное субъективное право на прекращение договора.

Казус 2: **А** регулярно приобретает товар у **В**. Узнав, что **В** заключил договор с **С**, **А** пишет **В** письмо, в котором отказывается продолжать закупки у **В**, если тот не расторгнет договор с **С**. Находясь под влиянием **А**, **В** расторгает договор с **С**, чтобы продавать товары **А**.

¹⁹⁷ См.: Anderson D. Op. cit. P. 91. Также см.: Perlman H. Interference with Contract and Other Economic Expentacies: A Clash of Tort and Contract Doctrine. 49U. Chi. L. Rev. 61, 64. 1982. P. 100 – 120.

В отличие от казуса № 1 в данном случае **А** фактически шантажирует **В**, чтобы тот расторгнул договор с **С**, поэтому, по мнению авторов Restatement, **А** должен нести ответственность перед **С**.

Казус 3: **А** регулярно приобретает товар у **В**. Узнав, что **В** заключил договор с **С**, **А** пишет **В** письмо, в котором предлагает расторгнуть договор с **С** и заключить аналогичный договор с **А** на более выгодных условиях, достаточных для покрытия возможных убытков **С**. **В** прекращает договор с **С**, чтобы продавать товары **А**.

В отличие от казуса № 1 в данном случае **А** фактически «перекупает» **В**, предложив лучшие договорные условия, при этом зная, что это может нанести убытки для **С**. По мнению авторов Restatement в указанном случае **А** несет ответственность перед **С**.

Думается, что могут быть разные оценки приведенных примерных ситуаций. Конечно, вмешательство третьих лиц не может сводиться к трем указанным ситуациям, однако даже на указанных примерах не всегда отчетливо ясно, где проходит граница между надлежащими и ненадлежащими переговорами. Например, из казуса № 1 и № 2 проблематично определить, каковы критерии такого коммерческого шантажа со стороны **А**: вполне допустима ситуация, что расторжение договора с **В** тоже представляет собой шантаж, если **А** знает, что **В** предпримет любые меры для восстановления связи с **А**, в том числе пойдет на расторжение договора с **С**.

В настоящий момент вмешательство в чужие договорные отношения в американском праве чаще всего предполагает именно склонение должника к нарушению договорного обязательства. Согласно § 766 Restatement лицо, которое умышленно и неправомерно воспрепятствует исполнению договора (за исключением договора о заключении договора брака) между другим лицом и третьим лицом путем склонения или иного принуждения к неисполнению договора, подлежит ответственности перед другим лицом (кредитором) за имущественный ущерб, причиненный другому лицу в результате неисполнения договора третьим лицом.

Следовательно, в американском праве фактическими обстоятельствами, которые должны быть установлены, выступают¹⁹⁸:

1. существование договора между должником и кредитором;
2. умысел третьего лица на вторжение, либо понимание того, что его действия станут причиной нарушения договора;
3. склонение должника к нарушению договора;
4. возникновение убытков у пострадавшего лица;
5. причинно-следственная связь между действиями интервента и убытками пострадавшей стороны по договору.

Однако поскольку такое правонарушение как вмешательство не является достаточно определенным понятием, то к нему относят и иные правонарушения, которые предполагают экономический вред для потерпевшего (*interference with economic expectancies*). Например: склонение должника к отказу от договора (*inducement to termination at will*), вторжение в будущие договорные отношения (*prospective contractual relations*).

Таким образом, в американском праве объектом посягательства является не только договор, но и экономическое состояние кредитора, который ожидает получить потенциальное исполнение договора.

В английском праве квалификация вмешательства в чужие договорные отношения имеет свои особенности.

Согласно современным прецедентам для удовлетворения иска истец должен доказать следующие элементы¹⁹⁹:

1. Третье лицо (ответчик) знало или должно было знать о существовании договора между кредитором и должником;

¹⁹⁸ Restatement (Second) Of Torts. 1977. § 766.

¹⁹⁹ Jones M., Dugdale A., Simpson M. Clerk & Lindsell on Torts. 2014. P. 1705-1734.

2. Факт намеренного побуждения третьим лицом (ответчиком) стороны договора нарушить договор;
3. Факт нарушенного договора стороной в результате убеждения третьего лица. Нарушение договора находится в причинно-следственной связи с возникшими убытками другой стороны договорного обязательства.

Современный подход английских судов к вмешательству третьих лиц в чужой договор отчетливо продемонстрирован в деле *OBG Ltd v Allan* 2008 г. Владелец строительной компании М. нанял двух директоров для ведения собственного бизнеса. Через несколько месяцев эти директора создали две отдельных компании, которые также занялись строительным бизнесом. Новые компании директоров работали над проектами, которые потенциально могли бы вестись компанией М. После того, как владелец компании М. узнал о стороннем бизнесе своих сотрудников, он предъявил иск о возмещении убытков к третьему лицу - инвестору, который спонсировал бизнес директоров. Владелец компании М. посчитал, что действия инвестора являются вмешательством в договорные отношения между владельцем компании М. и директорами. Между тем инвестор утверждал, что он не знал, что директора действовали в условиях конфликта интересов, так как они заверили его, что компании М. пришлось самой отказаться от проектов, которые взяли вести новые компании директоров.

Английские суды и Палата Лордов разрешили данное дело в пользу инвестора. Судьи отметили, что ответчик (инвестор) честно полагал, что его участие в совместном предприятии с директорами не ведет к нарушению договора с их стороны, поскольку получил от них соответствующее заверение. Следовательно, он не имел целью инициировать расторжение договора между директорами и владельцем компании М.

Для английского права принципиальным моментом для квалификации вмешательства как правонарушения является факт конкретных действий или усилий третьего лица инициировать нарушение чужого договора. При этом если лицо

осознанно побуждает сторону нарушить договор в качестве средства для достижения своих целей, оно несет ответственность, даже если его действия не злонамеренные (malicious), а лишь направлены на получение имущественной выгоды. Под конкретными действиями или усилиями третьего лица- интервента понимаются любые формы убеждения должника, такие как поощрение, помощь, переговоры²⁰⁰. Таким образом, по английскому праву объектом посягательства в результате вмешательства третьего лица является непосредственно действительный договор между кредитором и должником.

Иностраный опыт дает почву для дальнейшего рассуждения о противоправности вмешательства в чужие договорные отношения в российских реалиях, равно как о возможности признания вмешательства в чужие договорные отношения в качестве деликта. Конечно, в российском праве на уровне официальных источников случаи вмешательства в чужие договорные отношения не являются настолько разработанными в деликтном праве, однако существуют определенные предпосылки для их дальнейшего развития.

Во-первых, любые действия третьего лица, в основе которых лежит неохранный (неправомерный) интерес в чужих договорных отношениях и которые направлены на изменение договорного обязательства, является нарушением гражданско-правового принципа невмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Указанный принцип предполагает запрет любым субъектам права осуществлять посягательство в любых формах на частное дело иных субъектов, а также в отношении их приватности. При этом понятие «частное дело» должно восприниматься в самом широком смысле, включая и не только договор между субъектами, но и всю их совместную хозяйственную деятельность.

В российской судебной практике принцип невмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ) часто применяется в спорах предпринимателей с государственными

²⁰⁰ Global Resources Group Ltd. v. Mackay [2008] CSOH 148; [2009] S.L.T. 104.

органами по поводу невозможности последними устанавливать императивные предписания к исполнению без закрепленных в законе компетенций²⁰¹.

Однако наибольшую ценность применительно к настоящему исследованию представляет практика, где судами во исполнение вышеуказанного принципа пресекается косвенное влияние кредитных организаций на хозяйственную деятельность независимых субъектов – заемщиков²⁰²: «суд апелляционной инстанции учитывает, что такие условия позволяют Банку произвольно повышать размер процентной ставки, а заемщик вынужден осуществлять хозяйственную деятельность строго под контролем Банка, что противоречит основному принципу гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ - невмешательства кого-либо в частные дела и ст. 50 ГК РФ - извлечение прибыли как основная цель деятельности предприятия)».

Так, из вышеуказанной судебной практики следует, что, устанавливая невыгодные условия для заемщиков в виде возможности в одностороннем порядке регулировать процентную ставку по нецелевому кредиту, судами пресечена попытка осуществлять фактическое вмешательство кредитных организаций в хозяйственную деятельность должника. Последний имеет право самостоятельно выбирать контрагентов, условия потенциальных договоров, модель поведения в рамках уже существующих договорных отношений с контрагентами.

Подобная ситуация, когда кредитная организация оказывает влияние на управленческие решения должника, в том числе по выбору контрагентов, является примером реализации кредитной организацией неохраемого интереса в отношении чужих договорных обязательств между должником и третьими лицами. Так, кредитная организация вполне может требовать от должника прекратить исполнять

²⁰¹ См., напр.: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 07.07.2020 № 02АП-452/2020 по делу № А28-3770/2019, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2019 № 18АП-19203/2018 по делу № А47-1008/2018.

²⁰² См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2010 № 15АП-10606/2010 по делу № А53-17264/2009. Аналогичное дело см. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.07.2010 № 15АП-4936/2010 по делу № А53-26996/2009.

обязательства в пользу контрагента по каким-либо внешним причинам, спекулируя на праве одностороннего изменения процентной ставки в рамках кредитного договора.

В приведенном случае между кредитной организацией отсутствует какой-либо сговор с должником, равно как и между ними отсутствует какая-либо совместная деятельность, направленная на причинение ущерба контрагенту. Кредитная организация преследует собственный интерес в чужом обязательстве, а ее манипулятивные действия направлены на получение экономической выгоды. Должник, который потенциально нарушает договорное обязательство с контрагентом, преследует цель не допустить возникновение невыгодных кредитных условий с банком. Следовательно, кредитор имеет два самостоятельных независимых требования как к кредитной организации, действия которой составляют деликт, так и к должнику, действия которого повлекли нарушение договорного обязательства.

В рассмотренных судебных актах суды заблаговременно усмотрели, что условия кредитного договора с плавающей кредитной ставкой фактически создают предпосылки для неправомерной интервенции кредитной организацией в чужие договорные отношения между должником и контрагентом и признали их недействительными. Условия кредитного договора создают возможность для кредитной организации оказывать неправомерное влияние на хозяйственную деятельность должника в целом.

Исходя из выводов судебной практики и толкования п. 1 ст. 1 ГК РФ следует, что любые действия третьего лица, которые направлены на прекращение договорного обязательства помимо изначальной воли самих сторон, нарушают принцип невмешательства в частные дела.

Во-вторых, действия третьего лица, направленные на изменение или прекращение чужого договорного обязательства, причиняют вред праву требования кредитора. Поскольку право требования является оборотоспособным объектом гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), оно подлежит оценке, имеет внутренние и внешние факторы, влияющие на нее. К таким внешним факторам необходимо относить любые

действия третьих лиц, которые могут изменить ценность относительного права кредитора.

При этом в российской судебной практике подтверждается право возражения кредитора против сделки должника с третьим лицами, которая совершается с целью уклонения от исполнения договорного обязательства²⁰³. В практике распространены ситуации, когда должник, осознающий неизбежность собственного банкротства, избавляется от активов в пользу аффилированных лиц, чтобы сохранить эти активы от потенциального взыскания в пользу кредиторов. В судебной практике такие кредиторы могут оспорить сделку по передаче имущества третьим лицам, если докажут недобросовестность действий должника и третьего лица²⁰⁴. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что СКГД РФ пресекаются попытки безвозмездной передачи активов в пользу третьего лица, исследуются обстоятельства мнимой передачи активов: несмотря на переход юридического титула, фактическое пользование остается по-прежнему за должником. Тем самым, такой способ защиты права как оспаривание сделки пресекает попытку должника и третьего лица оставить кредитора без удовлетворения²⁰⁵.

²⁰³ В доктринальных источниках более известно как внеконкурсное оспаривание сделки кредитором. См., напр., Grimm Д.Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. 2010. № 4; Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (окончание) // Вестник гражданского права. 2017. № 4; Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / Под ред. А.Г. Смирных. М., 2019; Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5.

²⁰⁴ Определения СКГД ВС РФ от 1.12.2015 № 4-КГ15-54, от 08.12.2015 г. № 5-КГ15-179, от 08.12.2015 г. № 34-КГ15-16, от 29.03.2016 № 5-КГ16-28, 19.04.2016 № 83-КГ16-4, от 14.06.2016 № 52-КГ16-4, от 09.08.2016 № 21-КГ16-6, от 09.08.2016 № 21-КГ16-7, от 20.09.2016 № 49-КГ16-18, от 28.02.2017 № 32-КГ16-30, от 18.04.2017 № 77-КГ17-7.

²⁰⁵ Судами также подтверждается, что правом на оспаривание могут также обладать приставы, которые осуществляют исполнительное производство в пользу кредитора (см. определение СКГД от 18.04.2017 № 77-КГ17-7 дело Валуева).

Развитие судебной практики в указанном направлении доказывает готовность российских судов воспринимать право требования кредитора как ценность, которой он фактически лишается в случае совершения сделки по сокрытию имущества должника в пользу третьего лица. Право внеконкурсного оспаривания гарантирует защиту интереса кредитора в получении предмета исполнения от должника, является средством охраны от неправомерного вмешательства третьего лица в договорные отношения. Оспаривание в таком случае позволяет нивелировать неправомерные действия третьего лица, контрагента должника, по удержанию денежных средств или вещей, на которые можно обратить взыскание.

При этом действия третьего лица, направленные на изменение и прекращение договорного обязательства, причиняют вред не только относительному праву кредитора, но и договорному обязательству как имущественному благу.

Договорные отношения, сложившиеся между сторонами, могут сами по себе представлять для сторон имущественное благо. Стороны на протяжении многих лет могли налаживать наиболее комфортные условия взаимодействия и сотрудничества, которые могут выражаться в виде налаженной логистики и цепочки сбыта товаров, сложившейся репутации на рынке. Как верно подчеркивает О.А. Беляева любое лицо, намеревающееся заключить какой-либо договор, всегда старается найти надежного делового партнера с хорошей репутацией. Такое нематериальное благо, как деловая репутация не является объектом правового воздействия, однако, несмотря на это, существуют косвенные возможности определения ее уровня²⁰⁶.

Многолетний результат взаимодействия между субъектами договоров выражается в формировании высокой договорной дисциплины и устойчивости

²⁰⁶ О деловой репутации организации может свидетельствовать: 1) реестр надежных партнеров, который ведет Торгово-промышленная палата РФ; 2) членство в составе какого-либо объединения предпринимателей; 3) кредитное досье в банках и информация в бюро кредитных историй заемщика. Подробнее см.: Беляева О.А. Деловая репутация участников корпоративных закупок в контексте реестра недобросовестных поставщиков // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 54 - 63.

договорно-хозяйственных связей. Между тем точное и своевременное выполнение условий договора является важным резервом экономического роста²⁰⁷. Следует согласиться в этом отношении с Б.И. Пугинским, который утверждает, что «ценность договора как правового средства возникает из квалифицированной выработки условий и надлежащего исполнения субъектами принятых на себя обязательств»²⁰⁸.

Прекращение договорных отношений в результате воспрепятствования третьего лица нивелирует достигнутый уровень договорной дисциплины и результатов взаимодействия, которые способствовали повышению экономической эффективности нарушенного договора, приводит к утрате всех связанных с договором неимущественных благ. Потерпевшей стороной от подобных вмешательств выступает не только кредитор, но и должник.

В-третьих, действия третьих лиц, направленные на получение материального блага, причитающегося кредитору, в результате сговора с должником являются проявлением недобросовестности (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ). Если в случае с внеконкурсным оспариванием, неправомерная сделка совершается с целью сокрытия имущества должником, то следующие практические примеры демонстрируют материальный интерес скорее третьего лица в предмете исполнения, причитающегося изначально кредитору.

Признание сделки недействительной как противоречащей «объективной» добросовестности исторически является универсальным способом защиты права, которое необходимо для применения негативных правовых последствий к недобросовестному лицу.

И.Б. Новицкий рассматривал обязанность добросовестности как гражданско-правовой инструмент, позволяющий решать проблемы оборота, которые без этого не решаются: «Современные кодификации признают необходимым в параллель

²⁰⁷ Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008. С. 193.

²⁰⁸ Там же. С. 193.

эластичной норме, дающей сторонам возможность вкладывать в договоры какое угодно содержание, ввести столь же гибкую норму и для противодействия таким соглашениям, которые нарушают серьезные интересы, принимаемые правом под свою защиту»²⁰⁹. Известным оппонентом И.Б. Новицкому в вопросе целесообразности подобных «каучуковых» норм, как известно, выступал И.А. Покровский, который утверждал, что «скорее можно примириться с неполнотой перечня в законе, чем с введением в закон такого неопределенного начала, как добрые нравы, способного породить разноречивые решения, судебскую субъективность»²¹⁰. Следует согласиться с М.Н. Илюшиной, которая подчеркивает проблемы правоприменения в российской практике: наиболее сложная ситуация складывается для реализации судебного усмотрения в условиях, когда судья находится в изменяющихся экономических условиях и требующих выбора и применения новых правовых механизмов и инструментов регулирования. В таком случае к оценочной ситуации, составляющей основу судебного усмотрения, присоединяется проблема осознания и реализации новой экономической парадигмы²¹¹.

Последствием несоблюдения участниками гражданского оборота требований из п. 3 ст. 1, 10 ГК РФ является возможность аннулирования сделки с участием такого недобросовестного лица на основании ст. 168 ГК РФ. Механизм оспаривания сделок на основании ст. 10, 168 ГК РФ как способ защиты права имеет широчайшую область применения: как в общегражданских имущественных спорах, так и в более

²⁰⁹ См.: Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 81.

²¹⁰ Там же. Также см.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2013.

²¹¹ Илюшина М.Н. Пределы судебного усмотрения и новые гражданско-правовые механизмы защиты прав в связи с предстоящей реформой судебной системы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 15 - 19.

специфичных корпоративных спорах, правовых конфликтах, связанных с банкротством²¹².

Думается, что в подобном развитии гражданско-правовых механизмов оспаривание сделок вызвано экстраординарной особенностью российской судебной практики или даже российского правопорядка в целом, которые предполагают значительный уклон в аннулирование совершенных сделок участниками гражданского оборота. В этой связи следует согласиться с аналогичными наблюдениями авторитетных исследователей. Так, К.И. Скловский, рассуждая на примере склонности российских судов признавать ничтожными условия, исполнение которых зависит лишь от одной из сторон обязательства (ст. 157 ГК РФ), указывает, что «видимо, в этой практике проявилась вообще присущая российскому правопорядку тенденция к преимущественному аннулированию сделок, оспариваемых в судах, вместо известного праву другого принципа - всемерной судебной защиты сделок...»²¹³.

Недобросовестные действия третьих лиц, которые предполагают вмешательство в чужие договорные отношения в российской судебной практике, пресекаются в большинстве случаев через оспаривание сделок на основании ст. 10, 168 ГК РФ.

В одном из дел Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ указала, что дарение и продажа одним из собственников долей в праве общей долевой собственности на квартиру в пользу третьего лица могут быть признаны ничтожными по правилам ст. ст. 10 и 168 ГК РФ, если, совершая такие сделки, собственник нарушил договорные права покупателя, ранее заключившего с ним договор на

²¹² Данный способ был закреплен в п. 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» и впоследствии поддержан ВС РФ в Постановлении Пленума № 25 от 23.06.2015 г. в пп. 7-8, а также в ряде других разъяснений.

²¹³ См.: Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. М., Статут. 2019 // СПС КонсультантПлюс.

покупку доли, уплатившего цену и правомерно претендовавшего на получение доли. При этом судами установлено, что в поведении приобретателя доли, на которого она была в конечном итоге оформлена, также имеются признаки недобросовестности²¹⁴. Иными словами, судами пресечена сделка между собственником и третьим лицом, которая совершалась в обход первого покупателя по причине недобросовестности третьего лица.

В другом деле судебная коллегия ВС РФ по гражданским делам развивает вышеуказанную практику по пресечению недобросовестных действий собственника и третьего лица, которые осуществляют двойную куплю-продажу недвижимости. Так, если покупатель, имеющий договорное право на получение квартиры, получил ее во владение, но затем до регистрации перехода к нему права собственности столкнулся с тем, что продавец произвел отчуждение той же квартиры третьему лицу по другому договору и в результате регистрации к этому третьему лицу перешло право собственности на данную занимаемую первым покупателем квартиру, то он вправе требовать признания такого договора ничтожным, в том числе, на основании правил ст. 10 ГК РФ. При этом должно быть доказано, что получившее право собственности третье лицо знало о нахождении квартиры во владении истца и наличии у него правомерных ожиданий в отношении регистрации перехода права собственности именно к нему²¹⁵. Хотя указанная позиция во многом вызвана защитой покупателя в связи с недобросовестными действиями самого собственника, который по каким-то причинам не осуществляет государственную регистрацию перехода прав на недвижимое имущество, суды все-таки делают акцент на необходимости доказывания субъективной недобросовестности третьего лица – последующего покупателя.

Судебная коллегия ВС РФ по экономическим спорам также разрешала споры о вмешательстве третьих лиц, где не исключила возможность аннулирования сделки с

²¹⁴ Определение СКГД ВС РФ от 09.01.2018 № 50-КГ17-27.

²¹⁵ Определение СКГД ВС РФ от 27.03.2018 № 49-КГ17-35.

недобросовестным третьим лицом. Пострадавший пайщик не может требовать перевода прав на дополнительные инвестиционные паи по правилам ст. 250 ГК РФ, если управляющая компания закрытого паевого инвестиционного фонда нарушила права такого участника на преимущественное приобретение дополнительных инвестиционных паев, разместив их в пользу третьего лица. Требование о переводе прав на себя в результате нарушения преимущественного права не предусмотрено законодательством об инвестиционных фондах. При этом согласно позиции ВС РФ право оспаривания этой сделки по правилам ст. ст. 10 и 168 ГК РФ при наличии признаков злоупотребления правами как управляющей компанией, так и приобретателем дополнительных паев, внесшим явно неэквивалентное встречное исполнение, не исключается²¹⁶. Нельзя исключать и того, что указанная судебной коллегией возможность оспаривания сделки пайщиком во многом обусловлена необходимостью обеспечения потерпевшего конституционным правом на судебную защиту.

Из вышеперечисленной судебной практики следует, что вмешательство в чужие договорные отношения между продавцом и покупателем совершается третьим лицом при участии другой стороны обязательства. Для стороны обязательства, которая вступает в сговор с третьим лицом, фактическое прекращение первоначальных обязательственных отношений представляет большую выгоду. При этом другая сторона договора, вступая в отношения с третьим лицом, предельно ясно осознает последствия как для договорных отношений с первоначальным контрагентом, так и для имущественной сферы самого контрагента.

Следовательно, действия продавца в ситуации двойной купли-продажи сами по себе являются недобросовестными, поскольку они прямо противоречат принципу договорного сотрудничества. Так, согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать

²¹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2018 № 307-ЭС17-11311.

добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. При исполнении договоров, как отмечал О.С. Иоффе, «стороны вправе рассчитывать на такую взаимопомощь, которая не вытекает из их конкретных обязанностей, но становится в силу сложившихся обстоятельств необходимой для одной стороны и может быть ей оказана другой стороной без ущерба для себя»²¹⁷.

Если бы не содействие второй стороны вмешательство третьего лица в договорные отношения само по себе было бы невозможно. Третье лицо заинтересовано в извлечении выгоды за счет неисполнения или прекращения договорных отношений между первоначальным покупателем и продавцом, поскольку такое лицо находится в конкурентных отношениях с таким покупателем. При этом суды делают верный акцент на субъективной добросовестности третьего лица, то есть для удовлетворения иска покупателя требуются доказательства того, что третье лицо знало или должно было знать о наличии у покупателя – истца охраняемого интереса в отношении спорного объекта.

Рассмотренные случаи двойной купли-продажи и иные случаи «параллельных» договорных отношений, которые фактически направлены на прекращение первоначального договорного обязательства, осуществляются исключительно совместными усилиями недобросовестной стороны первоначального договора и

²¹⁷ Иоффе О.С. Обязательственное право / Избранные труды: В 4 т. СПб., 2004. Т. 3: С. 113.

третьим лицом²¹⁸. Совместные действия недобросовестных лиц выражаются в заключении сделки, которая фактически нарушает права стороны договорного обязательства на спорную вещь.

В-четвертых, действия третьих лиц, контролирующих должника лиц, в результате которых должник стал банкротом и наступила невозможность удовлетворения требований кредиторов, являются основанием для субсидиарной ответственности по смыслу Закона о банкротстве²¹⁹. Соответственно, правовыми основаниями для привлечения лиц к субсидиарной ответственности являются соблюдение одновременно двух условий: 1) установление за ответчиком статуса контролирующего должника лица²²⁰; 2) совершение указанным лицом неправомерных действий, которые привели к невозможности удовлетворения требований кредиторов или выразились в неподаче заявления о банкротстве.

В этом случае можно привести аргумент, что законодательство о банкротстве предполагает особое правовое регулирование, которое отличается от гражданского законодательства, поэтому проводить аналогию ответственности третьих лиц и ответственности контролирующих должника лиц преждевременно. Однако такой подход представляется неверным, поскольку основной смысл института

²¹⁸ При этом представляется, что в случае если стороны договора купли-продажи предусмотрели специальные механизмы защиты права, например, заверение об отсутствии конкурирующего покупателя, то у первоначального покупателя всегда есть возможность эффективной защиты его нарушенного права, что может исключить возможность предъявления каких-либо требований к третьему лицу. Наличие такого рода заверений дает сторонам сделки осведомленность, что в периметре сделки существует риск появления третьего лица. Указанное допущение по смыслу договора должно лишать кредитора предъявлять требование о признании недействительной сделки между третьим лицом и продавцом. Подробнее о заверениях и гарантиях как эффективном способе защиты права покупателя см.: Илюшина М.Н. Гражданско-правовые механизмы защиты прав граждан при продаже жилых помещений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 9 – 14; Илюшина М.Н. Проблемы использования заверения об обстоятельствах как нового субинститута договорного права в сделках с недвижимостью // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 29 - 32.

²¹⁹ Глава III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – «Закон о банкротстве»).

²²⁰ Лицо, которое имеет право давать обязательные для исполнения указания, либо иным образом определять действия должника в случаях, предусмотренных ст. 61.10 Закона о банкротстве.

субсидиарной ответственности в банкротстве заключается не в том, что контролирующее должника лицо несет ответственность перед обществом за причиненные своими действиями убытки, а в том, что оно таким образом лишило его кредиторов на ожидаемый правовой результат.

Верховным судом РФ неслучайно подчеркивалась необходимость проведения различия между корпоративной ответственностью (ст. 53.1 ГК РФ) и субсидиарной ответственностью за доведение компании до банкротства (гл. III.2 Закона о банкротстве). При решении вопроса, какие нормы подлежат применению к контролирующему должнику лицу суды самостоятельно оценивают, как сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника, какие тенденции приобрели экономические показатели, характеризующие должника, после этого воздействия. Если допущенные контролирующим лицом (несколькими контролирующими лицами) нарушения явились необходимой причиной банкротства, применению подлежат нормы о субсидиарной ответственности²²¹.

Институт субсидиарной ответственности за доведение до банкротства имеет именно деликтную правовую природу, что подтверждается в судебной практике²²². При этом в специальной литературе содержатся и альтернативные мнения²²³.

Однако в отличие от классической деликтной ответственности потерпевшим, то есть лицом, который в действительности претерпевает убытки от противоправного поведения, является не столько должник, сколько его кредиторы, поскольку

²²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». П. 20.

²²² При привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Закона о банкротстве, подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». П. 2.).

²²³ Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 42 - 49.

вредоносный характер действий контролирующего должника лица направлен против уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Аналогичным образом рассуждает Е.Д. Суворов, который указывает, что фигура должника не является «целевой», должник используется лишь как источник расчетов, но не как конечный выгодоприобретатель по требованию о субсидиарной ответственности²²⁴.

Соответственно, контролирующие должника лица имеют интерес в чужом договорном обязательстве между должником и кредиторами, не являясь участниками их правоотношения. Намеренное доведение должника до банкротства преследует различные цели, но, чаще всего, контролирующим лицом движет необходимость сокрытия активов должника от потенциального взыскания в пользу кредиторов. С этой целью контролирующее лицо совершает ряд убыточных сделок по отчуждению активов иным аффилированным лицам. В таком случае контролирующее должника лицо является третьим лицом, которое своими действиями препятствует исполнению обязательства должником (приводит к неплатежеспособности и банкротству), тем самым, фактически осуществляет вмешательство в чужие договорные отношения. Результатом такого вмешательства является неисполнение обязательства кредитора, последний фактически лишается возможности получить исполнение, его имущественная сфера умалается.

Институт субсидиарной ответственности в банкротстве является примером «прокалывания корпоративной вуали» и является исключением из базового принципа корпоративного права об ограниченной ответственности участников корпорации²²⁵. Однако активное развитие указанного института в российском праве формирует условия для кристаллизации признаков незаконного вмешательства в чужие

²²⁴ См.: Суворов Е.Д. Там же.

²²⁵ См.: Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрыва» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 31 – 73; Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: избранные труды 2008 - 2012 гг. М., 2013.

договорные отношения за счет подробного анализа возражения должника о причинах неисполнения договорного обязательства и возможности предоставления кредитору дополнительных способов защиты права путем предоставления возможности предъявления требования об убытках к третьему лицу в исключительных случаях.

Абсолютный характер права требования кредитора

Для того, чтобы утверждать, что действия третьего лица могут быть противоправными по отношению к сторонам договорного обязательства, необходимо определить, в чем выражается объект такого правонарушения: абсолютное или относительное право потерпевшей стороны. Если действия третьего лица имеют цель посягательство на относительное право кредитора в получении причитаемого от должника, то ответственность третьего лица имеет договорный характер. Если действия третьего лица причиняют вред абсолютному праву кредитора, то третье лицо несет деликтную ответственность.

В отечественной доктрине вопрос о том, может ли третье лицо нарушить относительное право кредитора, то есть фактически нарушить чужой договор, уже обсуждался в работах крупнейших цивилистов, где чаще всего такая идея воспринимается отрицательно²²⁶. Следует также согласиться с указанной позицией. Действительно, относительное право кредитора всегда противопоставляется обязанности должника. Как уже было указано ранее, в этом выражается регулирующая функция принципа относительности обязательства, которая предполагает получение исполнения именно от должника, а не от иных лиц. Для того, чтобы нарушить обязательство, третье лицо должно обладать противопоставляемой обязанностью перед кредитором. Однако обязательство не может наделять обязанностями иных лиц, которые не участвуют в нем (принцип относительности

²²⁶ См., напр., Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М., 2003. С. 262. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 54. Впрочем, есть и иные противоположные позиции см., напр., Брагинский М.И. Влияние действий других/третьих лиц на социалистические гражданские правоотношения: дис...д-ра юрид. наук. Л., 1962. С. 61.

договорного обязательства). Следовательно, утверждение о том, что третье лицо нарушает относительное право кредитора прямо противоречит принципу относительности.

Изложенное вовсе не означает, что действия третьих лиц не могут нарушать права таких кредиторов в абсолютном значении, то есть причинять прямой имущественный вред, который может проявляться в результате неполучения или ненадлежащего получения предмета исполнения от должника. Нельзя исключать случаи прямого воспрепятствования исполнению, подстрекательства должника к договорному нарушению, которые могут организовываться самими третьими лицами с целью воздействия на динамику чужого договорного обязательства.

Кредитор является обладателем имущественного блага – требования до тех пор, пока обязательство не исполнено должником. Право требования к должнику само по себе представляет ценность и является полноценным объектом гражданских прав и, как следствие, может быть переуступлено в пользу иных лиц. Поскольку объект – обязательственное *требование имеет потребительскую и меновую ценность*²²⁷, то возникает закономерная необходимость в охране имущественных интересов кредитора от вмешательства третьих лиц. Под вмешательством понимаются любые действия третьих лиц, которые умаляют экономическую ценность требования. Отсюда следует, что кредитор имеет не только субъективное обязательственное право, но и должен иметь и абсолютное право требовать воздержания всех иных третьих лиц от посягательства на объект – требование. Вместе с классической относительной защитой требования кредитора, которая реализуется, например, посредством применения мер договорной ответственности, должна существовать и абсолютная защита, которая обеспечивается, в частности, мерами деликтной ответственности за недобросовестное вмешательство со стороны третьих лиц.

²²⁷ Подробнее о требовании как об объекте гражданских прав см.: Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота: дис...канд. юр. наук. СПб, 2004.

Об абсолютной защите обязательственных прав справедливо рассуждает К.П. Победоносцев, который указал, что «непризнание права по обязательству со стороны третьих лиц, когда выражается в действии, составляет нарушение не обязательства, в котором эти лица непосредственно не участвуют, но нарушение спокойного юридического состояния и соединенного с ним интереса по имуществу». Автор подчеркивает, что «и иск о признании принадлежности требования носит абсолютный характер», «в строгом смысле слова имеет свойство не личного, а вещного иска – каковыми считались в римском праве иски, имевшие целью признание известного состояния. Состояние, соединенное с правом по обязательству имеет, подобно всякому законному состоянию, подобно состоянию владения, имеет право на признание не только со стороны, непосредственно участвующей в обязательстве, но и со стороны всех третьих лиц, прикосновенных к этому состоянию... Этой стороной обязательство опять касается области вещных прав»²²⁸.

Из современных исследователей обоснованность абсолютной защиты прав кредиторов отстаивает В.В. Байбак. Автор справедливо отмечает, что вместе с относительными правоотношениями, связывающими кредитора с должником, следует выделять и абсолютные правоотношения, основу которых образует право кредитора, обеспечивающее защиту принадлежащего ему требования от неправомерных посягательств третьих лиц²²⁹.

В литературе также высказывались следующие позиции об абсолютном характере обязательственных прав. Так, В.К. Райхер в работе, посвященной исследованию проблемы соотношения абсолютных и относительных прав, показывает, что относительное правоотношение не замыкается рамками взаимоотношений между его непосредственными участниками, но действует в той или иной мере и по адресу всех «третьих», «прочих лиц». Поскольку в относительном

²²⁸ См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. С. 191.

²²⁹ См.: Байбак В.В. Указ. соч. С. 73.

праве непосредственная правовая связь существует у управомоченного не со всеми, а лишь с одним лицом, то (поскольку всякое право является социальным, а, следовательно, общезначимым отношением, связующим управомоченного со всем обществом) этим самым уже устанавливается, что с прочими лицами у управомоченного должна быть какая-то посредственная, косвенная правовая связь, являющаяся результатом и отражением вышеуказанной прямой и непосредственной его связи²³⁰.

Между тем подобные «признаки абсолютного в относительном» не нарушают принцип разделения абсолютных и относительных прав. В частности, тот же В.К. Райхер объясняет это тем, что в абсолютных правах данный эффект имеет непосредственный характер (только управомоченный и все остальные), а в относительных правах он является «отражением» внутренней связи управомоченного с обязанным²³¹.

О двойственной природе договора рассуждал М.М. Агарков, который указывал на необходимость строгого различия двух разных правоотношений: а) между кредитором и должником (оно может быть нарушено только должником), б) между кредитором и всяким, и каждым (оно может быть нарушено всяким и каждым). Ученый указывает: «в первом случае мы будем иметь обязательственное правоотношение, во втором – особое абсолютное право»²³². В то же время автор

²³⁰ См.: Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета ленинградского политехнического института. 1928. Вып. 1. С. 295.

²³¹ Там же. С. 297 - 298. Также следует различать абсолютный эффект договорного обязательства от так называемого «внешнего» эффекта, то есть исполнение чужого договора может иметь юридические последствия для иных взаимосвязанных договоров. Например, В.В. Кулаков указывает, что межкредиторское соглашение обладает и достаточно выраженным внешним эффектом, поскольку в отличие от иных координационных соглашений влияет на судьбу обязательства с лицом, не являющимся его участником. См.: Кулаков В.В. Межкредиторское соглашение как новый вид гражданско-правового договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 45 - 50.

²³² См.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 201.

отметил, что «советское гражданское право такого абсолютного права не знает, хотя в отдельных случаях иск об убытках к третьему лицу и допускается».

В современной доктрине встречаются позиции, в основе которых лежит критическое отношение к «двойственности» абсолютных и относительных прав. Так, С.А. Сеницын указывает, что «одновременное наделение обязательства абсолютной (в отношении всякого и каждого) и относительной (только в отношении контрагента) природой ведет к несочетаемой двойственности понятия обязательства, сложности исследования его индивидуальной гражданско-правовой природы как «вещи в себе», во многом искусственному раздвоению структуры обязательственных прав, рассматриваемой с различных и непримиримых позиций»²³³. Во многом такая позиция автора обусловлена общей приверженностью о необходимости строгого различения абсолютных и относительных прав и недопустимости никаких смешанных их форм²³⁴. Такой подход является обоснованным с доктринальных позиций, однако не учитывает многообразие экономических форм взаимодействия сторон обязательства и третьих лиц, равно как и необходимость обоснования, что действия третьих лиц могут нарушить пассивную обязанность

Думается, что признание абсолютного характера права требования кредитора позволяет обосновать не только имущественную ценность такого права, но и наличие пассивной обязанности всех третьих лиц воздерживаться от вмешательства в чужие договорные отношения. Соответственно, нарушение такой обязанности со стороны третьего лица означает неправомерность действий такого лица. Лишение кредитора права требования или изменение его таким образом, на что он не мог рассчитывать в момент его приобретения, означает причинение ущерба имуществу кредитора.

²³³ См.: Сеницын С.А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав. Режим доступа СПС КонсультантПлюс.

²³⁴ Подробнее См.: Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис... д.ю.н. М., 2017.

Критерии неправомерного (противоправного) влияния третьего лица на договорное обязательства

С учетом проанализированного иностранного опыта, сложившейся отечественной судебной практики и позиций, озвученных в доктрине, следует отметить, что влияние третьего лица на договорное обязательство может осуществляться не только в правовых формах, которые предусмотрены законодательством и судебной практикой, но и в действиях, которые хотя и направлены на защиту собственного интереса, однако совершаются с целью причинения вреда кредитору.

Действия третьего лица по изменению динамики договорного обязательства нарушают принцип относительности договорного обязательства, принцип невмешательства в частные дела, а также фактически уменьшают стоимостное выражение права требования кредитора к должнику. В результате анализа судебной практики полагаем, что соблюдение следующих критериев позволит утверждать, что действия третьего лица представляют вмешательство в чужие договорные отношения.

Критерий № 1. Отсутствие разумных оснований для кредитора полагать, что третье лицо может оказать правомерное влияние на договорное обязательство.

Как верно указывают упомянутые исследователи в области экономического анализа, одной из наиболее острых проблем случаев вмешательства в чужие договорные отношения является определение границы «жесткой» и «недобросовестной» конкуренции между третьим лицом и кредитором, а также установление пределов свободы должника по выбору контрагентов. Именно поэтому американская судебная практика пошла по пути решения проблемы от случая к случаю, то есть в каждом деле суд самостоятельно оценивает, было ли со стороны третьего лица «неэтичное» поведение в отношении должника или кредиторов. Думается, что аналогичная проблема применима и в российском правовом порядке.

При этом наиболее верным решением является не установление конкретных случаев противоправного поведения третьего лица только лишь на усмотрение суда,

а конкретный подход к толкованию договора между кредитором и должником. Телеологическое толкование договора позволяет установить цели, которые преследуют кредитор и должник, а также доступные механизмы взаимодействия с третьими лицами²³⁵. Например, договором может быть установлен прямой запрет на переуступку прав требований или передачу обязанностей в рамках нового заключаемого субдоговора. В таком случае из толкования условий договора будет следовать, что кредитор рассчитывает получить исполнение конкретно от должника. Также проявлением разумного ожидания невозможности вовлечения третьих лиц является условие о конфиденциальности или неконкурентности в результате исполнения договора.

Если договор не содержит никаких дополнительных условий по участию третьих лиц, то кредитор должен разумно полагать, что должник может расторгнуть договор, выплатив неустойку, и заключить новый аналогичный договор с третьим лицом. В таком случае должник и третье лицо имеют право возражать против любых притязаний кредитора в силу принципа свободы договора, то есть возможности должника самостоятельно выбирать контрагента по договору.

Аналогичная логика должна применяться и к ситуации, когда третье лицо предлагает лучшие условия для должника, на что тот соглашается и расторгает договор с кредитором. Факт оферты лучших условий должнику никак не может свидетельствовать, что третье лицо оказывает какое-либо неправомерное влияние либо совершает какое-либо действие, поскольку оно может следовать из обычной хозяйственной деятельности. В определенных сферах, которые подвержены частым изменениям модели хозяйственной цепочки товаров и услуг, например, в торговле

²³⁵ В судебной практике активно применяется телеологическое (целевое) толкование договора для определения условий договора, которые предполагались между сторонами. Такой вид толкования имеет приоритет над грамматическим (буквальным) толкованием, что подтверждается в судебной практике ВС РФ. См., напр., определения ВС РФ от 14.06.2016 № 308-ЭС16-1443, от 22.06.2016 № 308-КГ15-19017, от 01.07.2016 № 306-ЭС16-3230, от 14.09.2016 № 305-КГ16-5744, от 17.10.2016 № 305-КГ16-7183).

потребительских товаров (ритейл), является обычной деловой практикой поиск наиболее выгодного способа реализации товаров. Поэтому определять действия в качестве неправомерных только лишь за лучшее предложение не является обоснованным. Вместе с тем обратная ситуация может складываться на технологическом рынке с участием компаний в области развития высоких технологий, когда в силу строгой конфиденциальности из-за рисков утраты научной новизны, действия третьего лица по склонению должника к лучшему предложению могут расцениваться как нетипичная форма конкуренции с кредитором.

В случае судебного спора между кредитором и третьим лицом бремя доказывания того, что действия третьего лица, направленные на изменение динамики договорного обязательства, совершенно не соответствуют ожиданиям кредитора, которые могли сформироваться из условий договора с должником или обычаев делового оборота в определенной экономической сфере, должно быть на кредиторе. В противном случае неограниченное право возражения против любого лица, кто по мнению кредитора, оказал влияние на договорное обязательство является угрозой для стабильности гражданского оборота.

Критерий № 2. Третье лицо знает или должно знать, что должник исполняет договорное обязательство кредитору и изменение динамики договорного обязательства в виде изменения и прекращения договора с должником станет причиной невозмещенных убытков кредитора.

Принципиально важным моментом для признания влияния третьего лица в качестве неправомерного является определение субъективной стороны, которой руководствуется третье лицо, осуществляя действия по отношению к чужому договору.

Как следует из главы 1, отличие третьего лица от иного заключается, в том числе, в наличии интереса в чужом договорном обязательстве. Отсутствие интереса лица в обязательстве свидетельствует и об отсутствии влияния на договорное обязательство, поскольку иное лицо преследует иные неизвестные сторонам договора

цели. Если лицо склоняет должника к нарушению договора, или создает препятствия для совершения им юридически значимых действий без осознания, что это может повлиять на договорные отношения с кредитором, равно как и без понимания, кто является кредитором, то такие действия иного лица не являются неправомерным влиянием на договорное обязательство и не имеют отношения к рассматриваемой проблеме.

Важно также отметить, что третье лицо должно знать не только о договорном обязательстве с участием кредитора и должника, но и осознавать причинно-следственную связь между убытками кредитора и изменением динамики договорного обязательства, например нарушение обязанности должника. Очевидно, что на практике крайне трудно установить такого рода «осознание», однако косвенные факторы могут об это свидетельствовать. Например, кредитор и третье лицо находятся в конкурентных отношениях, и должник передал третьему лицу информацию об условиях заключенного договора. В таком случае третье лицо должно понимать, что перезаключение договора с должником создаст определенные убытки для кредитора, которые не будут покрыты даже в результате возмещения предусмотренных договором потерь.

Критерий № 3. В результате вмешательства третьего лица динамика договорного обязательства изменилась в той степени, на которую кредитор или должник не могли рассчитывать в момент заключения договора.

В силу принципа свободы договора (п. 4 ст. 421 ГК РФ) условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случая, когда содержание условия предписано императивным законным регулированием. Договор предполагает достижение консенсуса по его существенным условиям. В этом выражается правообразующее значение волеизъявления лица вступить в договорные отношения с контрагентом. Действие и действительность договора должны обеспечивать предсказуемость права, то есть создавать ожидания кредитора и должника относительно перехода экономического блага между ними.

Г.Ф. Шершеневич указывал, что «предположение о свободной конкуренции заключается в институте частной собственности и свободы договора»²³⁶. Действительно, свободный выбор контрагентов, свободное формирование условий договоров возможны исключительно при наличии конкурентной среды на рынке²³⁷.

Вмешательство третьих лиц в чужие договорные отношения, которое предполагает любые действия третьего лица, изменяющие или прекращающие чужое договорное обязательство, является примером нарушения не только права кредитора в получении исполнения от должника, но и направлено на дестабилизацию динамики действия договора как для кредитора, так и должника. Заключая договор стороны определили условия договора, которые изначально устраивают обе стороны и презюмируют наиболее эффективный способ передачи экономического блага. Действия третьего лица, которые становятся причиной того, что кредитор и должник вынуждены изменить или прекратить договорные отношения, приводят к невозможности прежних условий, на которые рассчитывали стороны договора.

Например, третье лицо, имеющее интерес в товарах поставщика и желающее расторжения договора поставщика и покупателя – конкурента, создает препятствия кредитору в получении товара. Для этого третье лицо намеренно портит репутацию кредитора в СМИ, в результате чего, дальнейшее продолжение сотрудничества между кредитором и должником на прежних условиях по репутационным причинам становится невозможным. Кредитор и должник расторгают договор, а третье лицо перезаключает новый договор с поставщиком.

Следовательно, влияние такого лица фактически лишает кредитора и должника разумных ожиданий в первоначальной цели договорного обязательства в момент его возникновения. Поскольку третье лицо прямо препятствует достижению цели договора, что приводит, чаще всего, к убыткам кредитора, то действия третьего лица

²³⁶ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М.: Юрайт, 2019. Т. 2. С. 108.

²³⁷ См.: Варламова А.Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1.

следует рассматривать как форму неправомерного влияния на договорное обязательство.

Таким образом, установлены 3 критерия, одновременное соблюдение которых свидетельствует о неправомерном влиянии третьего лица на чужое договорное обязательство:

- Отсутствие внутренних (договорных) и внешних (рыночных) факторов, которые свидетельствуют о возможности третьего лица оказывать влияние на динамику договорного обязательства (объективная сторона).
- Недобросовестность третьего лица, которая выражается в том, что оно знало или должно знать, что должник исполняет договорное обязательство кредитору, и изменение динамики договорного обязательства в виде изменения и прекращения договора с должником станет причиной невозмещенных убытков кредитора (субъективная сторона).
- Действия третьего лица направлены на воспрепятствование достижения цели чужого договорного обязательства. Соответственно, в результате вмешательства третьего лица динамика договорного обязательства изменилась в той степени, на которую кредитор или должник не могли рассчитывать в момент заключения договора (объект).

Совпадение всех критериев свидетельствует, что третье лицо вмешивается в чужие договорные отношения, и такое вмешательство носит противоправный характер. Неправомерный (противоправный) характер действий дестабилизирует договорные обязательства и, тем самым, умаляет имущественную сферу кредитора, как лица, ожидающего получить исполнение от должника в рамках договорного обязательства. В таком случае российское право должно предусматривать эффективные способы защиты кредитора от вмешательства третьих лиц.

Последствия вмешательства третьих лиц в чужие договорные отношения и способы защиты кредитора против неправомерного влияния третьего лица.

В отечественной науке неоднократно предпринимались попытки оценить не только противоправный характер вмешательства, обосновать возникновение деликта в таком случае, но и определить надлежащие способы защиты права против третьих лиц – интервентов²³⁸. Так, неоднократно высказывалась позиция о возможности кредитора обратиться с иском о возмещении убытков к третьему лицу за склонение должника нарушить договор. С.А. Сеницын считает, что противоправные действия и гражданско–правовая ответственность интервента представляют «особую разновидность деликта и случай внедоговорной ответственности»²³⁹. О.В. Гутников утверждает, что нарушение относительных прав вполне заслуживает взыскание с интервентов «карательных» убытков, установленных законом в качестве особой штрафной санкции²⁴⁰. Указанные позиции основаны на безусловном порицании действий третьих лиц. Однако на этом способы защиты права кредитора не исчерпываются, по крайней мере в российском праве.

Как следует из изложенного выше, под вмешательством третьих лиц в чужие договорные отношения понимаются не только ситуации склонения должника к нарушению договорного обязательства посредством обмана, шантажа и иных неконкурентных способов, но и в принципе любые действия такого лица, направленные на изменение динамики договорного обязательства, с целью

²³⁸ Подробнее о вмешательстве в чужие договорные отношения см.: Березина Е.А. Вмешательство в чужие договорные отношения в деликтном праве // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников Российской школы частного права. Т. 2: Особенная часть / под ред. А.В. Егорова, А.А. Новицкой. М. РШЧП. 2018. Тарасов П.А. Соотношение ответственности нарушившей обязательство стороны и деликтной ответственности недобросовестного интервента // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2020. № 10.

²³⁹ Сеницын С.А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 43.

²⁴⁰ См.: Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 36.

собственного обогащения. Разнообразие способов вмешательств в чужие договорные отношения целесообразно классифицировать в зависимости от наступающих юридических последствий для сторон договорного обязательства. Подобная систематизация позволит определить надлежащий способ защиты права кредитора. Полагаем, что последствиями вмешательства третьего лица являются следующие юридические факты, влекущие изменение динамики договорного обязательства.

1. расторжение договора между кредитором и должником, заключение новой замещающей сделки между третьим лицом и должником, смысл которой заключается в лишении кредитора причитающегося исполнения от должника. Путем заключения нового договора исполнение получает третье лицо (новый кредитор) вместо первоначального кредитора;
2. расторжение договора между кредитором и должником без заключения новой замещающей сделки. В отличии от предыдущей ситуации кредитор и должник не заключают новой сделки, поскольку между должником и третьим лицом нет сговора против кредитора, третье лицо действует автономно и без какого-либо вовлечения должника.
3. изменение договора с целью его адаптации к новым обстоятельствам, что причиняет конкретные убытки по сравнению с условиями исполнения предыдущего договора. Измененные условия договора могут представлять, например, менее выгодный способ исполнения обязательства для кредитора. К таким ситуациям также возможно относить вынужденную реализацию должником права заменить основное исполнение другим (факультативное обязательство ст. 308.2 ГК РФ).

В первой группе случаев негативные последствия для кредитора выражаются в фактической передаче предмета исполнения третьему лицу. Чаще всего к таким примерам относятся различные сделки по выводу активов должниками, находящимися в предбанкротном состоянии, сделки по «двойной» купле-продаже. В таких случаях имеет место сговор между должником и третьим лицом по реализации

совместных действий, причиняющих убытки кредитору²⁴¹. Поскольку замещающая сделка заключается с целью отчуждения актива и создание условий для невозможности исполнения обязательства должником, то принципиальное значение в договорном обязательстве между кредитором и должником имеет именно предмет исполнения, а не эквивалентное его значение в денежной форме.

В связи с этим неслучайно развитие вышеупомянутой судебной практики относительно предоставления права первоначальному кредитору признать замещающий договор в качестве недействительной сделки, противоречащей принципу добросовестности (ст. 10, 168 ГК РФ). Полагаем, что указанный способ защиты права является наиболее применимым и эффективным к рассмотренным случаям.

Ко второй группе казусов негативные последствия для кредитора выражаются в причинении убытков, поскольку вследствие расторжения договора кредитор не получил предмета исполнения. Поскольку обязательство прекращено, а новое между третьим лицом и должником не возникло, то кредитор вправе требовать от должника исполнения обязательства в натуре (ст. 308.3 ГК РФ) или требовать от третьего лица возмещения убытков в виде упущенной выгоды (ст. 15, 1064 ГК РФ). Рассматриваемая группа случаев имеет практическую проблему, которая фактически препятствует к реализации указанных способов защиты права. Одной из немногих является ситуация, при которой должник выплатил неустойку за расторжение договора, тем самым покрыл убытки кредитора. В таком случае кредитору крайне проблематично доказать, что указанная неустойка не покрыла его реальный ущерб от расторжения договора. Фактически это также лишает права обратиться с требованием к третьему лицу,

²⁴¹ В этой связи следует провести аналогию с так называемыми антиконкурентными соглашениями, заключаемыми на торгах с целью установления незаконного преимущества в приобретении объекта торгов. Подробнее см.: Беляева О.А. Провоцирование сговоров между участниками публичных закупок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 4. С. 17 - 20. Беляева О.А. Несостоявшийся конкурс как следствие антиконкурентного соглашения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 2. С. 41 - 45.

поскольку если цель возмещения убытков имеет компенсаторно-восстановительный характер, а убытки де-юре уже покрыты должником, то и требование к третьему лицу о возмещении «дополнительных» убытков безосновательно. На данный момент указанная проблема до сих пор в известной судебной практике не разрешена и требует разработки новых теоретических разработок, которые на данный момент в российской правовой науке не проводились.

В рамках третьей группы случаев кредитор терпит убытки в связи с изменением предпочтительного способа исполнения договорного обязательства. Поскольку в таком случае договор не расторгается, то кредитор не вправе требовать исполнения обязательства в натуре ни с должника, ни с третьего лица. В таком случае единственным способом защиты права является взыскание конкретных убытков в виде упущенной выгоды в размере разницы между полученным исполнением в рамках предыдущей и новой редакцией договора.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. *Установлено, что в другой категории случаев третьи лица совершают действия, обусловленные интересом в предмете исполнения в чужом обязательстве и изменяющие динамику такого договорного обязательства против воли его сторон, с целью извлечения выгоды.*

2. *Установлено, что действия третьего лица, которые направлены на создание условий для нарушения, изменения, прекращения чужого договорного обязательства и извлечение выгоды от наступивших правовых последствий представляет негативную форму влияния третьего лица (вмешательство в чужие договорные отношения). Такие действия третьего лица могут носить противоправный характер и квалифицироваться как деликт. В российском праве в силу принципа относительности обязательства, кредитор не вправе привлекать к ответственности за противоправное вмешательство в чужое договорное обязательство третье лицо, поскольку договорную ответственность несет должник. Однако тенденции развития судебной практики и юридической доктрины*

свидетельствуют об обоснованности предоставления кредитору дополнительных способов защиты права против третьего лица: требование о признании замещающей сделки между третьим лицом и должником недействительной или о взыскании убытков с третьего лица.

Совершение противоправных действий третьего лица по защите своего интереса в чужих договорных отношениях следует именовать как негативное влияние третьего лица на договорное обязательство.

3. *Доказано, что теоретическим обоснованием невозможности установления обязанностей для третьих лиц без их согласия и для запрета любого негативного влияния третьих лиц на чужое договорное обязательство является принцип относительности обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Договор может представлять ценность и имущественное благо для должника и кредитора, которое должно быть защищено от посягательств неопределенного круга иных лиц.*

4. *Установлены основные предпосылки в российском праве для признания действий третьих лиц, которые направлены на изменение динамики договорного обязательства, в качестве противоправных, в том числе в качестве деликта: а) любые действия третьего лица, в основе которых лежит неохранный (неправомерный) интерес в чужих договорных отношениях и которые направлены на изменение договорного обязательства, является нарушением гражданско-правового принципа невмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ); б) действия третьего лица, направленные на изменение или прекращение чужого договорного обязательства, причиняют вред праву требования кредитора, что подтверждается в российской судебной практике в области банкротства; в) действия третьих лиц, направленные на получение материального блага, причитающегося кредитору, в результате сговора с должником являются проявлением недобросовестности (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ), что также демонстрируется в отдельных делах Верховного суда РФ; г) развитие института субсидиарной ответственности в банкротстве, где действия контролирующих должника лиц, по сути, третьих лиц причиняют*

ущерб не только должнику, но и его кредиторам, лишая разумных ожиданий на получение причитающегося исполнения.

5. Установлены критерии противоправности действий третьих лиц, оказавших негативное влияния на чужое договорное обязательство: а) отсутствие у кредитора разумных оснований полагать, что третье лицо вправе беспрепятственно реализовать права в отношении предмета исполнения в рамках договора; б) третье лицо знает или должно знать, что должник исполняет договорное обязательство кредитору, и нарушение, изменение, прекращение такого договорного обязательства станет причиной убытков кредитора; в) в результате вмешательства третьего лица содержание договорного обязательства изменилось в той степени, на которую кредитор или должник не могли рассчитывать в момент заключения договора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило достичь поставленные научные цели, что подтверждается следующими выводами.

Развитие правовой идеи о праве третьих лиц в чужих договорных обязательствах проходило следующие этапы: а) отрицание прав третьих лиц в чужом обязательстве в силу римской правовой максимы *alteri stipulari nemo potest*, которая устанавливала невозможность стипуляции в пользу третьего лица, поскольку промиссар в таком случае не имел должного интереса в обязательстве. Аналогичное отрицание прав третьих лиц в чужих договорах (*privity of the contract*) прослеживалось и в английском правопорядке; б) развитие новых интерпретаций римского принципа с целью предоставления возможности третьему лицу приобретать право требования к должнику в судебной практике (на примере рассуждений английских судей) и доктрине (на примере развития научной мысли в Германии); в) закрепление договорной конструкции в пользу третьего лица, которая позволяет последним приобретать право требования к должнику. Таким образом, развитие идеи возможности исполнения в пользу третьего лица обусловлено признанием со стороны законодателя и правоприменителя интереса в чужом обязательстве и необходимостью предоставления релевантных способов защиты.

Установлено, что третьим лицами следует именовать тех, кто имеет интерес в чужом обязательстве и предпринимает юридически значимые действия по защите интереса. Совершение юридически значимого действия третьим лицом позволяет не только идентифицировать его как правомочного субъекта гражданских правоотношений, но и установить волеизъявление, преследующее конкретные интересы в обязательстве.

С учетом разработанного подхода к понятию третьего лица доказано, что роль третьих лиц в договорном обязательстве заключается в оказании влияния на динамику договорного правоотношения. Под динамикой в данном случае понимается

исполнение, изменение или прекращение договорного обязательства между кредитором и должником.

Установлено, что в одной категории случаев влияние третьего лица выражается в совершении юридически значимых действий, которые в силу закона влекут правовой результат как для самого третьего лица, так и для сторон договорного обязательства. Указанное можно рассмотреть на примерах, где третье лицо имеет прямое воздействие на договорное обязательство. В ситуации исполнения обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ), его влияние выражается в исполнении обязательства кредитору, что влечет переход права требования к должнику от кредитора к третьему лицу в силу закона (суброгация). При этом исполнение обязательства по поручению должника не позволяет характеризовать исполнителя как третье лицо, поскольку в таком случае исполнитель выступает в качестве уполномоченного лица (представителя). В конструкции договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) влияние третьего лица выражается во волеизъявлении требования к должнику для принятия предмета исполнения.

Доказано, что в обоих случаях третье лицо имеет интерес не только в собственных отношениях с кредитором (отношения валюты), но и в чужом договорном обязательстве между кредитором и должником (в отношениях покрытия). Поскольку третье лицо имеет интерес в отношениях покрытия, то его действия направлены на трансформацию отношений покрытия в своем интересе.

Совершение предусмотренных договором или законом действий третьего лица по защите своего интереса в отношениях покрытия следует именовать как *позитивное влияние* третьего лица на договорное обязательство.

Доказано, что конструкция исполнения уполномоченному лицу (ст. 312 ГК РФ) не предполагает участия третьего лица. В таком случае не образуются отношения исполнения должником и уполномоченным лицом, последнее не имеет интереса в отношениях покрытия, поскольку его требование направлено только в отношении кредитора. Только кредитор может определять, получит ли исполнение

управомоченное лицо, поскольку последнее не обладает никаким правом требования к должнику. В таком случае юридическая личность управомоченного кредитором лица не имеет значения для отношений покрытия.

Доказано, что грузополучатель является третьим лицом, интерес которого заключается в получении груза от перевозчика в сохранности и в пригодном для использования состоянии. Несмотря на то, что грузополучатель не является стороной договора перевозки, он способен оказывать влияние на договорное обязательство путем реализации секундарного права и предъявления требования об исполнении к перевозчику. Требование грузополучателя как третьего лица замещает требование первоначального кредитора – грузоотправителя до момента полного исполнения обязательства перевозчиком или отказа от исполнения в предусмотренных договором или законом случаях.

Доказано, что получатель по отгрузочной разрядке является третьим лицом, интерес которого заключается в получении товара от поставщика через конструкцию «посреднической» купли-продажи между поставщиком и покупателем – посредником. Влияние такого получателя на договорное обязательство между поставщиком и покупателем выражается в надлежащем исполнении обязанностей покупателя, в том числе, по принятию товара от поставщика.

Доказано, что условия перехода права требования от кредитора к третьему лицу в результате исполнения последним обязательства вместо должника создают возможности для злоупотребления правом третьими лицами. На практике исполнение обязательства третьими лицами может осуществляться не для погашения долга, а в целях, например, контроля над ходом процедуры банкротства. Предложен алгоритм исследования недобросовестных действий третьих лиц в ситуации исполнения вместо должника без поручения: анализ источника информации о факте просрочки должника или риске утраты имущества; выявление обстоятельств договорных отношений между третьим лицом и должником; учет возражений должника.

Установлено, что возникновение права требования третьего лица к должнику в исключительных случаях возможно в результате ненадлежащего исполнения обязательства последним. Отсутствие договора между ними не является надлежащим возражением в удовлетворении требований третьего лица. Последнее имеет право требования к должнику, при одновременном соблюдении следующих исключительных условий. Если третье лицо: а) имеет интерес в чужом обязательстве; б) несет имущественные риски или реальные имущественные потери в результате неисполнения должником договорного обязательства; в) не имеет иных альтернативных способов защиты права, кроме как обращение с требованием к должнику, минуя ответчика-контрагента.

Установлено, что российское законодательство предполагает отдельные случаи, в которых третье лицо имеет возможность обратиться с требованием к должнику, минуя своего контрагента – надлежащего ответчика. Подобные экстраординарные ситуации объясняются необходимостью: а) обеспечить третьему лицу реализацию права на судебную защиту, который по каким-либо причинам не может его реализовать с учетом доступных правовых средств: б) предоставить дополнительные гарантии в силу объективного неравенства возможностей сторон договора. Если определение неравенства возможностей и регламентация прямого требования к должнику является прерогативой законодателя, то установление обстоятельств того, что третье лицо фактически лишено возможности защитить свои нарушенные права осуществляется в судебной практике.

К примерным исключительным случаям из законодательства относятся возможность для потребителей обратиться с требованием к изготовителю, минуя продавца, с учетом того, что продавец и изготовитель являются разными лицами (ст. 1095 – 1098 ГК РФ); при залоге обязательственных прав после возникновения оснований для обращения на заложенное право требования залогодержатель имеет право на получение исполнения по данному требованию с должника (п. 3 ст. 358 ГК РФ).

К примерным случаям, выявленным в российской судебной практике, относятся: примеры расширительного толкования судами ст. 1095 ГК РФ, устанавливающей право потерпевшего заявить требование к производителю товара, минуя контрагента по сделке, также на споры между коммерсантами; сальдирование встречных обязательств сублизингополучателя и сублизингодателя, которые являются сторонами отдельных договорных обязательств (см. «дело Симакова»); взыскание убытков в пользу третьего лица в связи с ненадлежащим исполнением обязательства должника в рамках договора, входящего в цепочку взаимозависимых сделок (см. «дело Магадан-Тест»); а также при условии ликвидации надлежащего ответчика-контрагента (см. «дело Новэлстрой»).

Установлено, что в другой категории случаев третьи лица совершают действия, обусловленные интересом в предмете исполнения в чужом обязательстве и изменяющие динамику такого договорного обязательства против воли его сторон, с целью извлечения выгоды.

Установлено, что действия третьего лица, которые направлены на создание условий для нарушения, изменения, прекращения чужого договорного обязательства и извлечение выгоды от наступивших правовых последствий представляет негативную форму влияния третьего лица (вмешательство в чужие договорные отношения). Такие действия третьего лица могут носить противоправный характер и квалифицироваться как деликт. В российском праве в силу принципа относительности обязательства, кредитор не вправе привлекать к ответственности за противоправное вмешательство в чужое договорное обязательство третье лицо, поскольку договорную ответственность несет должник. Однако тенденции развития судебной практики и юридической доктрины свидетельствуют об обоснованности предоставления кредитору дополнительных способов защиты права против третьего лица: требование о признании замещающей сделки между третьим лицом и должником недействительной или о взыскании убытков с третьего лица.

Совершение противоправных действий третьего лица по защите своего интереса в чужих договорных отношениях следует именовать как негативное влияние третьего лица на договорное обязательство.

Доказано, что теоретическим обоснованием невозможности установления обязанностей для третьих лиц без их согласия и для запрета любого негативного влияния третьих лиц на чужое договорное обязательство является принцип относительности обязательства (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Договор может представлять ценность и имущественное благо для должника и кредитора, которое должно быть защищено от посягательств неопределенного круга иных лиц.

Установлены основные предпосылки в российском праве для признания действий третьих лиц, которые направлены на изменение динамики договорного обязательства, в качестве противоправных, в том числе в качестве деликта: а) любые действия третьего лица, в основе которых лежит неохранный (неправомерный) интерес в чужих договорных отношениях и которые направлены на изменение договорного обязательства, является нарушением гражданско-правового принципа невмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ); б) действия третьего лица, направленные на изменение или прекращение чужого договорного обязательства, причиняют вред праву требования кредитора, что подтверждается в российской судебной практике в области банкротства; в) действия третьих лиц, направленные на получение материального блага, причитающегося кредитору, в результате сговора с должником являются проявлением недобросовестности (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ), что также демонстрируется в отдельных делах Верховного суда РФ; г) развитие института субсидиарной ответственности в банкротстве, где действия контролирующих должника лиц, по сути, третьих лиц причиняют ущерб не только должнику, но и его кредиторам, лишая разумных ожиданий на получение причитающегося исполнения.

Установлены критерии противоправности действий третьих лиц, оказавших негативное влияние на чужое договорное обязательство: а) отсутствие у кредитора разумных оснований полагать, что третье лицо вправе беспрепятственно реализовать

права в отношении предмета исполнения в рамках договора; б) третье лицо знает или должно знать, что должник исполняет договорное обязательство кредитору, и нарушение, изменение, прекращение такого договорного обязательства станет причиной убытков кредитора; в) в результате вмешательства третьего лица содержание договорного обязательства изменилось в той степени, на которую кредитор или должник не могли рассчитывать в момент заключения договора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА**

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
2. Агарков М.М. Ценность частного права. // Правоведение. 1992. № 1.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982.
4. Аллахвердов М.А., Савичев Г.П. Договоры о перевозках грузов. М., 1967.
5. Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950.
6. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008.
7. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота: дис...канд. юр. наук. СПб, 2004.
8. Байгушева Ю.В. Сущность представительства // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2009.
9. Батищев А.О. Доктрина взаимосвязанных договоров в сфере потребительского кредитования // Договоры и обязательства: сб. работ выпускников РШЧП. Т. 3. 2019.
10. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств. Статут, 2013.
11. Бевзенко Р.С. Обеспечение обязательств. залогу, поручительство, гарантия. М., 2015.
12. Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор. Классическая традиция и современные тенденции. М., 2006.
13. Белов В.А. Денежные обязательства. М., 2007.
14. Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. 2007. № 4.

15. Белов В.А. Найти среди наших современных юристов чистого «деликтника» если не невозможно, то очень проблематично // Закон. 2020. № 3.
16. Белов В.А. Правовые последствия посреднической купли-продажи товаров - поставки по отгрузочной разрядке // Законодательство. 2017. № 7.
17. Белов В.А. Правовые последствия посреднической купли-продажи товаров - поставки по отгрузочной разрядке // Законодательство. 2017. № 7.
18. Беляева О.А. Деловая репутация участников корпоративных закупок в контексте реестра недобросовестных поставщиков // Журнал российского права. 2018. № 4.
19. Беляева О.А. Несостоявшийся конкурс как следствие антиконкурентного соглашения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 2.
20. Беляева О.А. О применении лизинга в контрактных отношениях // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 1.
21. Беляева О.А. Провоцирование сговоров между участниками публичных закупок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 4.
22. Беляева О.А. Уступка права требования по обязательствам, возникшим из публичных контрактов // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М., 2020. Вып. 26.
23. Березина Е.А. Вмешательство в чужие договорные отношения в деликтном праве // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников Российской школы частного права. Т. 2: Особенная часть / под ред. А.В. Егорова, А.А. Новицкой. М. РШЧП. 2018.
24. Бибикова Е.В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 12.

25. Бибилова Е.В. К вопросу о договоре с охранительным эффектом в немецком частном праве // URL: https://m-logos.ru/img/spravka_M-Logos_25062018_Bibikova.pdf.
26. Богатырев Ф.О. Интерес в гражданском праве // Журнал российского права. 2002. № 2.
27. Болдырев В.А. Согласие на совершение сделки: правовая природа и место в системе юридических фактов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2.
28. Брагинский М.И. Влияние других (третьих) лиц на социалистические гражданские правоотношения: дис...д-ра юрид. наук. Л., 1962.
29. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.
30. Бутовский А.Н. Договоры в пользу третьих лиц // Журнал Министерства юстиции. № 12. 1910.
31. Варламова А.Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1.
32. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1: Общая часть / пер. с нем. С.В. Пахмана. СПб., 1874.
33. Витрянский В.В. Брагинский М.И. Договорное право. Часть 1.
34. Витрянский В.В. Договор перевозки. М., 2001.
35. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. СПб, 1911.
36. Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958. № 6.
37. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. Пер. с фр. И.Б. Новицкого. М., 1948.
38. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / Под ред. А.Г. Смирных. М., 2019.
39. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. М., 2002.
40. Гражданское право / Под общ. ред. С.С. Алексеева. М., 2009.

41. Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М., 1944.
42. Гражданское право. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2019.
43. Гражданское право. Учебник в 4-х томах / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2020.
44. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007.
45. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М., 2001.
46. Грибанов В.П. Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права // Вестник МГУ. Серия «Право». 1968. № 3.
47. Гримм Д.Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. 2010. № 4.
48. Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб., 1912.
49. Гуна А.Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11.
50. Гурвич М. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2.
51. Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1.
52. Данилова Е.Н. Ответственность должника за действия третьих лиц, участвующих в исполнении договора. М., 1913.
53. Дождев Д.В. Наука сравнительного права и кауза сделки в Гражданском кодексе РФ.
54. Дождев Д.В. Римское частное право. М., 2017.
55. Дубовицкий Ю. Договоры в пользу третьих лиц // Юридический вестник. 1885. № 6-7.

56. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. № 4, 5.
57. Егиазаров В.А. Транспортное право: Учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
58. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1.
59. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие / Отв. ред. Егорова М.А. М., Юстицинформ, 2017.
60. Ефремова М.Д., Фогельсон Ю.Б. Договоры в пользу третьего лица. Опыт недогматического исследования. М., 2014.
61. Захаров Ю.Ю. Договор в пользу третьего лица в теории и хозяйственной практике: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
62. Зеккель М. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2.
63. Иеринг Р. Борьба за право. Пер. с нем. П. П. Волкова. М., Изд. К. П. Солдатенкова: тип. Грачева и К., 1874.
64. Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880.
65. Изволинский В.Н. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. М., 1951.
66. Илюшина М.Н. Гражданско-правовые механизмы защиты прав граждан при продаже жилых помещений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5.
67. Илюшина М.Н. Конструкция договора в пользу третьего лица в новеллах ГК РФ // Юстиция. 2017. № 4.
68. Илюшина М.Н. Односторонние юридически значимые волеизъявления сторон как правомерные волевые акты, влияющие на гражданские правоотношения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12.

69. Илюшина М.Н. Правовые последствия квалификации договорной неустойки как исключительной // Гражданское право. 2022. № 5.
70. Илюшина М.Н. Пределы судейского усмотрения и новые гражданско-правовые механизмы защиты прав в связи с предстоящей реформой судебной системы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8.
71. Илюшина М.Н. Проблемы использования заверения об обстоятельствах как нового субинститута договорного права в сделках с недвижимостью // Семейное и жилищное право. 2017. № 2.
72. Институции Гая. *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д.В. Дождева. М., 2020.
73. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. СПб., 2004.
74. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.
75. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955.
76. Казанцев Л. Учение о представительстве в гражданском праве. Ярославль, 1878.
77. Кирпичев А.Е. Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2.
78. Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе отечественной экономики: Монография. М., 2017.
79. Кисель И.В. Обязательства с участием третьих лиц: дис... канд. юр. наук. М., 2002.
80. Ковалевская Н.С. Договор в пользу третьего лица: дис... к.ю.н. Л., 1988.
81. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Гражданско-правовая квалификация отношений при поручительстве: основания возникновения, содержание, правовая природа // Закон, 2018. № 9.
82. Кофман В.И. Соотношение вины и противоправности в гражданском праве // Правоведение. 1957. № 1.

83. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (окончание) // Вестник гражданского права. 2017. № 4.
84. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.
85. Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. М., 2003.
86. Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
87. Кулаков В.В. Межкредиторское соглашение как новый вид гражданско-правового договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2.
88. Кулаков В.В. Обеспечение исполнения обязательства, защита гражданских прав и гражданско-правовая ответственность: некоторые проблемы соотношения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51).
89. Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография. М., 2010.
90. Кулаков В.В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования // Российское правосудие. 2016.
91. Кулаков В.В. Формы участия третьих лиц в обязательстве // Российский судья. 2009. № 7.
92. Кулаков В.В., Филиппова С.Ю. Правовые последствия совершения действий, не являющихся сделками // Гражданское право. 2020. № 3.
93. Лассен Т. Преобразовательные права (Gestaltungsrechte) по немецкому праву // Вестник гражданского права. 2018. № 5.
94. Лончакова Ю.А. Договор автомобильной перевозки грузов в системе транспортных договоров: дис... канд. юрид. наук. М., 2009.
95. Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2019, № 2.

96. Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. М., 2017.
97. Манджиев С. Тезисы к научно-практическому круглому столу «Интервенция в чужие договорные отношения: взыскание убытков или оспаривание сделки?» // URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_Mandziev_M-Logos.pdf.
98. Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1993.
99. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве / отв. ред. К.П. Николаев. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955.
100. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2000.
101. Менгер К. Основания политической экономии. М., 2008.
102. Мильков М.А. Исполнение обязательства третьему лицу // Закон. 2012. № 7.
103. Мильков М.А. Обязательства с участием третьего лица в российском гражданском праве: дис. ... к.ю.н. М., 2010.
104. Муртазин А.И. Субдоговор как форма участия третьего лица в обязательстве // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 3.
105. Невзгодина Е.Л. Представительство по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975.
106. Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М., 2000.
107. Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М., 1878.
108. Нетишинская Л.Ф. К вопросу о влиянии третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения // Юрист. 2005. № 10.
109. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010.
110. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6.
111. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954.
112. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. 1950.
113. Нолькен А.М. Договоры в пользу третьего лица. СПб., 1885.

114. Основания ответственности за причинение вреда в российском и зарубежном праве // Труды Оренбургского института МГЮА. Оренбург, 2008. Вып. 9.
115. Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1893. // СПС КонсультантПлюс.
116. Перепелкина Е.А. Проблемы обеспечения исполнения обязательства путем привлечения третьих лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
117. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1 / М., 2019.
118. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2002.
119. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Третья часть: Договоры и обязательства. М., 2003.
120. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2013.
121. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Книга пятая: Обязательства. Том пятый. С объяснениями. СПб., 1899.
122. Пугинский Б.И. Гражданско - правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984.
123. Пугинский Б.И. Договорное регулирование: проблемы теории и практики. М., 2008.
124. Пугинский Б.И. Коммерческое право России: Учеб. 2-е изд. М., 2007.
125. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета ленинградского политехнического института. 1928. Вып. 1.
126. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву / пер. с нем. О.В. Колотилова // Вестник гражданского права. 2007. № 2.

127. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2.
128. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М. 2012.
129. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009.
130. Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2007.
131. Рясенцев В.А. Деятельность от имени другого лица без полномочий / Ученые записки ВЮЗИ, вып. У. М., 1958.
132. Рясенцев В.А. Представительство в советском гражданском праве: дис... д-ра юрид. наук. М., 1948.
133. Рясенцев В.А. Сделки по советскому гражданскому праву. М., 1951.
134. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Забаря. М., 2012.
135. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства третьим лицом. М., 2003.
136. Семенова А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения и обязательства, возникающие из причинения вреда / Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий под ред. С.М. Прушницкого и С.И. Раевича. Вып. 20. М., 1928.
137. Семенова Л.И. Возложение исполнения обязательства на третье лицо в отношениях между социалистическими организациями. М., 1967.
138. Серебровский В.И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица (Основания возникновения права выгодоприобретателя) // Ученые труды ВИЮН. № 9. М., 1947.
139. Серебровский В.И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица. 1948.

140. Сеницын С.А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // СПС КонсультантПлюс.
141. Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис... д.ю.н. М., 2017.
142. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. М., Статут. 2019 // СПС КонсультантПлюс.
143. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: Учебное пособие. Л., 1983.
144. Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985.
145. Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7.
146. Сулейменов М.К. Избранные труды по гражданскому праву / Науч. ред. В.С. Ем. М., 2006.
147. Сулейменов М.К. Третьи лица в гражданском праве // Советское государство и право. 1978. № 3.
148. Суханов Е.А, Вещное право: научно-познавательный очерк. М. 2017.
149. Суханов Е.А. О видах сделок в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 2.
150. Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: избранные труды 2008 - 2012 гг. М., 2013.
151. Тарасенко Ю.А. Договор в пользу третьих лиц: особенности правовой конструкции // Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2008.

152. Тарасов П.А. Соотношение ответственности нарушившей обязательство стороны и деликтной ответственности недобросовестного интервента // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2020. № 10.
153. Тархов В.А. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Саратов, 1957.
154. Толстой В.С. Исполнение обязательства. М., 1973.
155. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном праве в зарубежной цивилистике. М., 2022.
156. Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5.
157. Филиппова С.Ю. О пользе обязательства // Вестник Московского университета сер. 11. Право. 2012. № 6.
158. Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис...докт. юрид. наук. М., 2021.
159. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2015.
160. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951.
161. Фогель В.А. Условия возмещения убытков в рамках договора с защитой третьего лица по германскому праву. Тезисы к круглому столу М-Логос. // URL: https://m-logos.ru/img/spravka_M-Logos_25062018_Fogel.pdf.
162. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., 1954.
163. Хаскельберг Б.Л. Обязательство железнодорожной перевозки груза по советскому праву: дис... д-ра юрид. наук. Томск, 1969.
164. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: Учеб. пособие. М., 2015.
165. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. М., 1998.

166. Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: В 2 т. М., 2010. Т. 2.
167. Черепахин Б.Б. Ответственность грузоотправителя по договору перевозки. Иркутск, 1927.
168. Чупрунов А. Научно-практический круглый стол «Интервенция в чужие договорные отношения». Тезисы к круглому столу М-Логос // URL: https://m-logos.ru/img/Intervenciya_v_chyzie_dogovornie_otnosheniya_Angliya_M-Logos_Chuprunov.pdf
169. Чурилов А.Ю. Исполнение обязательства с участием третьих лиц: дис... канд. юрид. наук. Томск, 2017.
170. Чурилов А.Ю. Третьи лица в обязательственном праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415.
171. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. II: Товар, Торговые сделки. М., 2005
172. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005.
173. Шматов М.А. Грузополучатель - третье лицо в договоре перевозки груза // Российская юстиция. 2020. № 2.
174. Ягельницкий А.А. Ответственность за недостоверное заявление. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2019. № 8.
175. Anderson D. An Errant Tort // 9 Rev. Litig. 409. 1990.
176. Baron S., Lane H., Schulz D. Tortious Interference: the Limits of Common law Liability for Newsgathering // William & Mary Bill of Rights Journal. Vol. 4 Issue 3. 1996.
177. BeVier L. Reconsidering Inducement // 76 Va. L. Rev. 877. 1990.
178. Borghetti J.S. Breach of Contract and Liability to Third Parties in French Law: How to break the Deadlock? // ZEuP : Zeitschrift für europäisches Privatrecht, № 2. 2010.
179. Cartwright J., Vogenauer S. Whittaker S. Reforming the French Law of Obligations // The Cambridge law Journal 71(1). 2012.

180. Deshayes M. Interdependance contractuelle: la Cour de cassation tranche pour une definition objective de la notion // *Option Finance*. № 1225. 2013.
181. Dobbs D. Tortious interference with contractual relationships // *34 Ark. L. Rev* & 335, 338. 1980.
182. Erp S. Surety Agreements and the Principle of Accessory - Personal Security in the Light of a European Property Law Principle // *European Review of Private Law*. 2010.
183. Fabre – Magnan M. *Droit des obligations*. 2016.
184. Fuchs M., Pauker W. *Delikts- und Schadensersatzrecht*. 8. Aufl. Springer, 2012. S. 11
185. Gierke O. *Deutsches Privatrecht III*. Leipzig, 1895.
186. Jones M., Dugdale A., Simpson M. *Clerk & Lindsell on Torts*. 2014.
187. Katz A. *Intentional Interference with Contractual Relations: A Transactional Approach*. 2012.
188. Landes W., Posner R. Joint and Multiple Tortfeasors: An Economic Analysis, *9 J. Legal Stud.* 517. 1980.
189. Looschelders D. *Schuldrecht: Besonderer Teil*. 7. Aufl. Vahlen. 2012.
190. Markensinis S.B., Unberath H., Johnston A. *The German Law of Contract. A Comparative Treatise*. Oxford; Portland; Oregon. 2006.
191. Markensinis B.S., Unberath H. *The German Law of Torts: A Comparative Treatise*. 4th ed. Hart. 2002.
192. McChesney F. Tortious Interference with Contract Versus «Efficient Breach»: Theory and Empirical Evidence // *28 J. Legal Stud.* 131. 1999.
193. Muhlenbruch C.F. *Die Lehre von der Cession der Forderungsrechte*. 3. Aufl. Greifswald, 1836.
194. Palandt. *BGB*. Auflage 68, 2009.
195. Pelle S. *La notion d'interdependance contractuelle: contribution a l'etude des ensembles de contrats*. Paris, 2005.
196. Perlman H. Interference with Contract and Other Economic Expentacies: A Clash of Tort and Contract Doctrine // *49U. Chi. L, Rev.* 61, 64. 1982.

197. Posner R. Common-Law Economic Torts: An Economic and Legal Analysis // 48 Ariz. L. Rev. 735, 743-745. 2006.
198. Posner R. Economic Analysis of Law. 1972.
199. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR) // URL: http://ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf.
200. Prosser W., Keeton P. Prosser and Keaton on Torts. 1984.
201. Restatement (Second) Of Torts. 1977.
202. Samoy I., Loos M. Linked Contracts. Cambridge. 2012.
203. Schaub R. in: BGB Kommentar. 7. Aufl. Luchterhand, 2012. § 823 (Rn. 5 - 7, 10 - 13).
204. Steven A. Accessoriness and Security over Land // URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1371139,
205. Teyssie B. Les groupes de contrats. Paris. 1975.
206. The Borderlines of tort law: interactions with contract law / ed. by Miquel Martin-Casals. Intersentia. 2019.
207. The Interaction of Contract Law and Tort and Property Law in Europe. A Comparative Study / C. von Bar, U. Drobnig (eds.). München. 2004.
208. Treitel G. The law of contract. 14th edition Sweet & Maxwell. 2015.
209. Wery P. Droit des obligations: developments recents et pistes Nouvelles. Formation permanente C.U.P., vol. 96. Anthemis. 2007.
210. Zweigert K., Kotz H. An Introduction to Comparative Law. Third Revised Edition. 1998.

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ИНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

211. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
212. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 // СПС «КонсультантПлюс».

213. Гражданский кодекс РСФСР от 31.10.1922 // СПС «Консультант Плюс».
214. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс.
215. Кодекс защиты прав потребителей Франции (Code de la consommation) // <https://wipolex.wipo.int/ru/text/489187>.
216. Кодекс защиты прав потребителей Франции (Code de la consommation) // <https://wipolex.wipo.int/ru/text/489187>.
217. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.
218. Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
219. Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // СПС КонсультантПлюс.
220. Федерального закона от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
221. Федерального закона от 19 марта 1993 № 60-ФЗ «Воздушный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

МАТЕРИАЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

222. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований».
223. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017.
224. Определение Верховного Суда РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368.
225. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2018 № 307-ЭС17-11311.

226. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.04.2016 № 83-КГ16-4.
227. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.12.2015 г. № 34-КГ15-16.
228. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.12.2015 г. № 5-КГ15-179.
229. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.01.2018 № 50-КГ17-27.
230. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-6.
231. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-7.
232. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1.12.2015 № 4-КГ15-54.
233. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4.
234. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 77-КГ17-7.
235. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.09.2016 № 49-КГ16-18.
236. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.03.2018 № 49-КГ17-35.
237. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.02.2017 № 32-КГ16-30.
238. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 5-КГ16-28.
239. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 24.11.2020 № 4-КГ20-43-К1.

240. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 13.10.2020 № 49-КГ20-15-К6.
241. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.04.2018 № 307-ЭС17-19861.
242. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368.
243. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 30.09.2021 № 301-ЭС21-10601.
244. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368.
245. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.04.2021 № Ф09-733/21 по делу № А60-31847/2020.
246. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.01.2015 № Ф05-13214/2012 по делу № А40-84472/12-161-782.
247. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.01.2014 по делу № А46-19347/2012.
248. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 07.07.2020 № 02АП-452/2020 по делу № А28-3770/2019, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2019 № 18АП-19203/2018 по делу № А47-1008/2018.
249. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2019 № 19АП-3400/2019 по делу № А36-12901/2018.
250. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
251. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

252. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
253. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
254. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2010 № 15АП-10606/2010 по делу № А53-17264/2009.
255. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.07.2010 № 15АП-4936/2010 по делу № А53-26996/2009.
256. Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 28.03.2014 № 17АП-695/2013-ГК.
257. Постановление ФАС Центрального округа от 03.06.2011 по делу № А36-3326/2010.
258. *Beswick v Beswick*: decision by the United Kingdom House of Lord. 1968.
259. *Garrett v. Taylor*, 79 Eng. Rep. 485 (K.B. 1621).
260. *Global Resources Group Ltd. v. Mackay*. 2008 CSON 148.
261. *Global Resources Group Ltd. v. Mackay*. 2009 S.L.T. 104.
262. *Lumley v. Gye*, 118 Eng. Rep. 749 (Q.B. 1853).
263. *OBG Ltd v Allan* (Q.B. 2008).
264. *Tarleton v. McGawley*, 170 Eng. Rep. 153 (K.B. 1793).
265. *Tweddle v Atkinson*: decision by the England and Wales High Court J57 (QB). 1861.
266. *United Truck Leasing Corp. v. Geltman*, 406 Mass. 811, 812, 551 N.E. 2d 20 n. 6, 1990.